

• **Военная символика**

Из коллекций
Военно-исторического
музея артиллерии,
инженерных войск
и войск связи
(Санкт-Петербург)

РОССИЙСКИЕ МУШКЕТЕРЫ

Гренадерский офицер
мушкетерского Цеге-фон-
Монтейфеля полка в 1756—1761 гг.

Рядовой мушкетер
мушкетерского Цеге-фон-
Монтейфеля полка в 1756—1761 гг.

Обмундирование, снаряжение и вооружение русской армии в 1756—1761 гг.

В РОССИИ мушкетеры появились в начале 30-х годов XVII столетия, когда были сформированы первые солдатские (пехотные) полки, включавшие в свой состав мушкетеров и копейщиков. Первоначально они состояли из 8 пехотных рот по 200 человек каждая (120 мушкетеров и 80 копейщиков). В середине века роты насчитывали 300 человек (180 мушкетеров и 120 копейщиков), а количество их в полках увеличилось до 10. К концу столетия в русской армии имелось 33 солдатских полка. В начале XVIII века они были расформированы Петром I, и мушкетеры как разновидность пехоты русской армии прекратили свое существование. Накануне Семилетней войны 1756—1763 гг., в марте 1756 года, императрица Елизавета Петровна приказала переименовать 46 пехотных полков в мушкетерские. Однако этот акт был лишь данью традиции и не оказал никакого влияния на боевое предназначение и применение этих войск как линейной пехоты. В том же году сформировали еще 5 полков. Полки стали именоваться по фамилиям их шефов. Вступив на престол, Екатерина II в 1762 году вернула полкам прежние наименования и одновременно назвала их пехотными, но роты сохранили название мушкетерских. Император Павел I вновь переименовал пехотные полки в мушкетерские. К 1800 году число мушкетерских полков в русской армии возросло до 69. Они участвовали в кампании 1799 года против Франции. При императоре Александре I осенью 1810 года 13 мушкетерских полков были переименованы в егерские. В 1805—1811 гг. мушкетерские полки принимали участие в войнах России с наполеоновской Францией, Турцией, Швецией и Персией. Осенью 1811 года все 96 мушкетерских полков русской армии были переименованы в пехотные. С этого времени название «мушкетеры» в русской армии не применялось.

Публикация полковника запаса
В.М. КРЫЛОВА;
С.В. УСПЕНСКОЙ

Мушкетерский унтер-офицер
мушкетерского полка в 1756—1761 гг.

В ОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ 3
1-80 2005

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2005 г. 25 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты: E-mail: vizh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на журнал с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (095) 157-80-47, внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№ 3
2005 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию
Победы

Советские органы стратегического руководства в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции 1945 года

ПВО фронтов в Сталинградской контр-наступательной операции

С 1991 года «Военно-исторический журнал» восстанавливает имена погибших в годы Великой Отечественной войны советских генералов и адмиралов

ISSN-0321-0626

Подвиг Н.В. Ковшовой и М.С. Поливановой
Фрагмент картины художников В.И. СЕЛЕЗНЕВА, Я.В. СЕРОВА
Из коллекций Центрального музея Вооруженных сил (Москва)

60 лет назад — 16 марта 1945 года — началась Венская стратегическая наступательная операция, в ходе которой завершилось освобождение Венгрии и восточной части Австрии с ее столицей Веной

Военно-исторический журнал 2005 № 3 март

«ПУСТЬ МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ»

В годы Великой Отечественной войны почтовые открытки наряду с плакатами стали действенным средством идейной борьбы с фашизмом, мобилизации советского народа на героический труд и подвиг. Каждая из них была не только весточкой от родного и близкого человека, но и несла с собой удивительный заряд уверенности в Победе! Тематика почтовых открыток военных лет — уникальной летописи Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — необычайно широка: от набатных призывов разгромить врага до восторженной радости желанной Победы. Заметное место занимают открытки, напоминающие о подвигах наших предков — защитников земли Русской. Они появились в самом начале войны. В те драматические дни, когда было необходимо выстоять, чтобы победить, увидела свет серия открыток с портретами великих полководцев прошлого: Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова и других. Казалось, сама история России, столь богатая на подвиги во имя защиты Отечества, взывала быть достойными великих предков.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

К 60-летию Победы

П. С. НАХИМОВ
1803—1855

Минин и Пожарский

Из коллекций
Центрального музея
Вооруженных сил
(Москва)

ВПЕРЕД БОГАТЫРИ!

**ПУСТЬ ВОДХОНВЛЯЕТ ВАС
В ЭТОЙ ВОЙНЕ МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
НАШИХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ!**

Почтовые открытки
и плакаты времен Великой
Отечественной войны

**ПУСТЬ ВОДХОНВЛЯЕТ ВАС
В ЭТОЙ ВОЙНЕ МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
НАШИХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ!**

Плакат художника П.Т. МАЛЫЦЕВА

«СОЧЕТАЯ ОТВАГУ И ХЛАДНОКРОВИЕ...»

И-16 тип 24 дважды Героя Советского Союза Б.Ф. Сафонова. 72 сап ВВС СФ 1941 год

К 60-летию Победы

«Склонен к ухарству в полете...» — эта короткая запись в характеристике выпускника Качинской военной авиационной школы пилотов Б.Ф. Сафонова, несмотря на заложенное в ней замечание, наряду с прекрасными отзывами о летных и тактических качествах молодого летчика, говорила о его смелости в творческом поиске. То, что на первый взгляд казалось лихачеством, оказалось пылливостью, стремлением к высшему рационализму и в конечном счете помогло Б.Ф. Сафонову стать неповторимым, уникальным мастером воздушного боя. И не случайно, подполковник Борис Феоктистович Сафонов стал одним из первых летчиков, кому за подвиги в Великой Отечественной войне было дважды присвоено звание Героя Советского Союза.

Среди множества исторических памятников и документов Центрального музея Вооруженных сил есть и плакат, рассказывающий о том, как в сентябре 1941 года семь самолетов-истребителей Северного флота под командованием капитана Б.Ф. Сафонова преградили путь 52 вражеским бомбардировщикам. Третий месяц шла война, но на счету этого летчика было уже 130 боевых вылетов, 32 воздушных боя и 11 лично сбитых самолетов противника. Эскадрилья 72-го смешанного авиаполка ВВС Северного флота, которой командовал Б.Ф. Сафонов, за этот период уничтожила 49 вражеских самолетов, не потеряв ни

Герой Советского Союза Б.Ф. Сафонов

Листовка, посвященная Б.Ф. Сафонову

одного своего. Незаурядные качества отличного летчика и командира помогли Борису Феоктистовичу выйти победителем из любой, даже самой жесткой схватки. Так было и в этот раз. Сбив 13 самолетов противника, советские летчики заставили остальных отказаться от бомбардировки наших объектов и повернуть назад. Из 13 самолетов 3 сбил капитан Сафонов.

За проявленные отвагу и бесстрашие советские летчики, участники этого боя, были по достоинству отмечены Родиной, а командир эскадрильи удостоен звания Героя Советского Союза.

Октября 1941 года Б.Ф. Сафонов — командир 78-го, а с апреля 1942-го — 2-го гвардейского авиаполка.

В своем последнем бою 30 мая 1942 года Борис Феоктистович сбил 2 самолета противника и 1 повредил. Причина его гибели так и осталась невыясненной. Возможно, его истребитель был подбит гитлеровцами. Однако большинство специалистов морской авиации и исследователей

считают, что трагедия произошла в результате отказа двигателя.

14 июня 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР за умелое руководство боевыми действиями полка, совершенные 224 боевых вылета, лично сбитые 30 и в группе 3 самолета противника Борис Феоктистович Сафонов награжден второй медалью «Золотая Звезда». Он навечно зачислен в списки воинской части, его именем названы полк, которым он командовал, и поселок в Мурманской области. Место гибели героя объявлено координатами славы Северного флота.

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

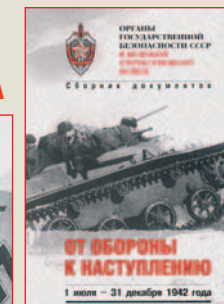
В НАСТОЯЩЕЕ издание из двух книг — первой (1 января — 30 июня 1942 г.) и второй (1 июля — 31 декабря 1942 г.), — вошли документы, характеризующие напряженную и героическую борьбу советских разведчиков, сотрудников военной контрразведки и территориальных органов госбезопасности, воинов-пограничников, солдат и офицеров войск по охране тыла действующей Красной армии с противником в 1942 году.

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

отражают накал борьбы органов государственной безопасности СССР со спецслужбами фашистской Германии и ее союзников в ходе продолжающегося до весны 1942 года контраступления советских войск, а также в драматический период обороны Сталинграда и перехода Красной армии в наступление.

В том вошло 525 документов архивов Федеральной службы безопасности РФ, Службы внешней разведки РФ, Федеральной пограничной службы РФ, Министерства обороны РФ, Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, а также других ведомственных архивов нашей страны, более 90 проц. из которых до настоящего времени имели гриф «секретно». В сборнике помещено 42 документа противника.

Издание представляет интерес для историков, исследователей и широкого круга читателей.

Эти книги получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 76).

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№3 (539)
2005 год

- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 3 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: ART OF WAR**
И.П. МАКАР — От Вислы до Одера
I.P. MAKAR — From Vistula to Oder
- В.И. ТКАЧЕВ — ПВО фронтов в Сталинградской контрнаступательной операции 10
V.I. TKACHEV — Air defense of the fronts in the Stalingrad counteroffensive operation
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 18 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: DOCUMENTS AND MATERIALS**
«Война окончена, настало время заботиться о людях...»
(Публикация А.А. ЧЕРНОБАЕВА)
"The war is over, it is time to take care of people..."
(Publication of A.A. CHERNOBAEV)
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ** 19 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: COMMANDERS AND CHIEFS**
Е.И. МАЛАШЕНКО — Командармы Великой Отечественной войны
E.I. MALASHENKO — The Great Patriotic War Army Commanders
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 27 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
А.А. БУДКО, А.М. БАРАНОВСКИЙ, И.Т. ЛЕОНОВ — Генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов: «Мы управляли военно-медицинским делом, объем и трудности которого были огромны»
A.A. BUDKO, A.M. BARINOVSKY, I.T. LEONOV — Colonel-General of medical service E.I. Smirnov: "We administered military medical matters, the scope and difficulties of which were enormous"
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** 30 **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
А.А. ПЕЧЕНКИН — О потерях советских генералов и адмиралов в годы Великой Отечественной войны
A.A. PECHENKIN — About losses in soviet generals and admirals in the days of the Great Patriotic War
- И.Т. ЯНБЕРДИН — Хлеб — всему голова 37
I.T. YANBERDIN — The bread is the master of everything
- ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА** 41 **LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF XX CENTURY**
А.П. ПАВЛОВ — Афганский дневник
A.P. PAVLOV — The Afghan diary
- ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** 46 **MILITARY CONSTRUCTION**
О.В. НЕСТЕРОВ — От красногвардейских отрядов до регулярных частей Красной армии
O.V. NESTEROV — From the Red Guard groups — to regular units of the Red Army
- ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ** 51 **MILITARY REFORM: STANDPOINTS, OPINIONS, VERSIONS**
О.В. АДАМЦЕВИЧ — Первая военная реформа в России
O.V. ADAMTSEVICH — The first military reform in Russia
- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ** 56 **THE MILITARY TRAINING AND EDUCATION**
В.П. МАСЯГИН — «Муштруйте и воспитывайте... сначала себя, потом солдата»
V.P. MASYAGIN — "Drill and bring up... first of all yourself then the soldier"
- ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА** 59 **THE MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND**
Г.В. МАЛИНОВСКИЙ — От минерной роты к инженерным полкам
G.V. MALINOVSKY — From a mine-laying company to engineer regiments
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** * * **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ** 67 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE MILITARY AND PATRIOTIC EDUCATION**
Неся слова любви, верности и утешения
(Публикация Л.Н. БАЛАШОВОЙ)
With words of love, faithfulness, and consolation
(Publication of L.N. BALASHOVA)
- БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ** 70 **THE SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW**
Е.Н. РУКАВИШНИКОВ — Наследники Эллады вместо борьбы с турецким флотом занимались морским разбоем
E.N. RUKAVISHNIKOV — Instead of fighting the Turkish Navy, successors of Ellas put into practice piracy
- В.И. КОРЯВКО — «России нужен флот, который мог бы ставить самостоятельные стратегические задачи в море» 75 **FORGOTTEN NAME**
V.I. KORYAVKO — "Russia needs the Navy which can accomplish self-dependent strategic tasks in the sea"
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 76 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «Военно-воздушные силы СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»
A.S. ZHDANOVSKY — The cryptogram "The USSR Air Force in the Great Patriotic War of 1941—1945"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 78 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
М.И. ФРОЛОВ — Наука и безопасность СССР в 1945—1955 гг.
M.I. FROLOV — Science and security of the USSR in 1945—1955
- В.В. ИЗОНОВ — История русского военного мундира: от петровских времен до Первой мировой войны 79
V.V. IZONOV — History of the Russian full-dress uniform: from Peter's time to World War I
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ** — 26, 36, 50, 66;
ХРОНОГРАФ — 42;
КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 58, 66, 77;
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 74, 78
- SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION** — 26, 36, 50, 66;
CHRONOGRAPH — 42;
THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 58, 66, 77;
THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 74, 78

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

3 (539) 2005 March

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

●
**Великая
Отечественная:
военное искусство**
«Звездный штурм»
Кёнигсберга

●
**Великая
Отечественная:
полководцы
и военачальники**
Маршал Советского
Союза Г.К. Жуков:
«Генерал Говоров
зареккомендовал
себя... как волевой,
энергичный
командир»

●
**Великая
Отечественная
война 1941—1945 гг.**
Народное ополчение
на Смоленской
земле

●
**Великая
Отечественная:
военно-
патриотическое
воспитание**
Истина и правда
на пьедестале
Победы

●
**Военно-
патриотическое
воспитание**
Воспитание
патриотизма
у военнослужащих
Советского
государства

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», майор (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬЦУКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

В.А. КРАВЧЕНКО — начальник Главного штаба Военно-морского флота — первый заместитель главнокомандующего Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
О.В. КАРПОВА, полковник;
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, подполковник;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:
Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);

К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:
О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник в отставке;
Г.В. САТИК

художественные редакторы:
Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:
М.П. МОИСЕЕВА

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной теледиалог-компании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Е.Н. КОРЧАГИН — заместитель директора музея «Исаакиевский собор», капитан 1 ранга в отставке, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Е.И. МАЛАШЕНКО — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

От Вислы до Одера

Из опыта деятельности советских органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции 1945 года

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ стратегическая наступательная операция, проведенная Советскими Вооруженными Силами в период с 12 января по 3 февраля 1945 года, по количеству участвовавших в ней сил и средств, размаху и результатам вошла в историю как одна из крупнейших операций Второй мировой войны. К концу ее ширина полосы наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов достигла 1000 км, а глубина их продвижения — 500 км. Советские войска при участии 1-й армии Войска Польского и польских партизан освободили западные и южные районы Польши, в том числе ее столицу Варшаву, вышли на Одер в 60–70 км от Берлина. В ходе наступления были полностью уничтожены 35 и разгромлены 25 вражеских дивизий, захвачено более 147 тыс. пленных, около 14 тыс. орудий и минометов, до 1400 танков и штурмовых орудий. Стремительное продвижение соединений и частей Красной армии вынудило немецко-фашистское командование окончательно отказаться от наступательных действий против американско-английских войск и перебросить с Западного фронта и других направлений в полосы наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 29 дивизий и 4 бригады¹.

Вот как оценил масштабы наступления советских войск один из генералов вермахта Ф.В. Меллентин: «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи»². Весьма примечательна и данная им оценка искусства руководства вооруженной борьбой со стороны советского ВГК: «Было ясно, что их (русских. — И.М.) Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий и что Сталин был полон решимости первым войти в Берлин»³.

Настоящей статьей автор продолжает серию публикаций, посвященных исследованию опыта деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе крупнейших стратегических операций, проведенных Советскими Вооруженными Силами в годы Великой Отечественной войны⁴.

ОДГОТОВКА завершающей кампании Второй мировой войны в Европе началась на советско-германском фронте еще в ходе предыдущей, летне-осенней кампании 1944 года и охватывала большой комплекс вопросов. Важнейшими из них были: определение цели и замысла кампании, развертывание группировок по стратегическим направлениям, подготовка резервов и пополнение фронтов людьми, оружием и боевой техникой, накопление материальных ресурсов, подготовка путей сообщения.

Замысел предстоящей кампании в общих чертах начал складываться в Ставке Верховного Главнокомандования в период, когда войска 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов еще проводили Белорусскую, а войска 1-го Украинского фронта — Львовско-Сандомирскую стратегические наступательные операции. Так, уже в директивах Ставки от 28 июля 1944 года 3-му и 2-му Белорусским фронтам предписывалось по выполнению поставленных на операцию задач готовиться к вторжению в Восточную Пруссию (в направлениях на Гумбиннен, Инстербург и на Млаву, Алленштайн соответственно), а 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому после овладения плацдармами на реках Нарев и Висла иметь в виду в дальнейшем наступать соответственно на Торн (Торунь) и Лодзь, на Ченстохову и Краков, т.е. на варшавско-познаньском и силезском направлениях⁵. Завершив 29 августа 1944 года Белорусскую и Львовско-Сандомирскую операции, названные фронты в соответствии с указаниями Ставки ВГК⁶ временно перешли к обороне, предпринимая в то же время в течение сентября—октября попытки частью сил расширить захваченные ранее плацдармы, а также овладеть новыми (2-й и 1-й Белорусские фронты). Однако возросшее сопротивление противника и усталость советских войск в результате длительных активных действий предопределили решение о переходе к жесткой обороне⁷.

С конца октября 1944 года Генеральный штаб приступил к более детальной проработке основных вопросов предстоящей кампании. По воспоминаниям С.М. Штеменко, возглавлявшего в то время оперативное управление Генштаба, «в первоначальной прикидке замысла, относящейся к концу октября 1944 года, наметилось лишь общее содержание завершающей кампании войны с делением ее на два этапа. Направление главного удара еще не определилось. Идея расщепления стратегического фронта противника и расчленения его группировок пока что не высказывалась»⁸. В интересах более точной разработки замысла Генеральный штаб в начале ноября подвел итоги уже проделанной работы и сжато сформулировал оценку состояния воюющих сторон. При этом было отмечено, что стратегическое положение советских войск и армий других стран антигитлеровской коалиции близко к завершению разгрома Германии и окончанию войны в Европе.

В ходе скрупулезной и творческой работы в Гене-

ральном штабе окончательно оформилась общая идея действий советских войск. Было признано, что стратегический участок советско-германского фронта является решающим, поскольку удар с него выводил войска Красной армии по кратчайшему направлению к жизненным центрам Германии.

Для решения главной задачи — создания бреши в стратегическом фронте противника и стремительного развития наступления на запад — могли быть использованы уже действовавшие на этом направлении и удерживавшие плацдармы на Висле 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты.

Предварительно замысел кампании обсуждался у первого заместителя начальника Генерального штаба генерала армии А.И. Антонова. Кроме него в этом участвовали: начальник оперативного управления Генштаба генерал-полковник С.М. Штеменко, его заместители — генерал-лейтенант А.А. Грызлов и генерал-майор Н.А. Ломов, начальники соответствующих направлений⁹. Все соображения, высказанные здесь, уточнялись затем в оперативном управлении. Там же рассматривались силы и средства и отрабатывались другие вопросы. Замысел получил графическое оформление: со всеми расчетами и обоснованиями он был нанесен на карту, после чего еще раз подвергся тщательному обсуждению. Как и ранее, наиболее детально планировались начальные операции. Дальнейшие же задачи фронтов намечались лишь в общем виде.

В последние три дня октября и в начале ноября 1944 года точно определились направления ударов каждого из фронтов, полосы их наступления, глубина задач. Тогда же был примерно подсчитан минимальный срок, необходимый для окончательного разгрома вооруженных сил Германии. Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600—700 км двумя последовательными усилиями (этапами) без оперативных пауз между ними. На первый этап отводилось 15 дней, на второй — 30. В ходе второго этапа планировалось взять Берлин и завершить разгром Германии¹⁰.

Как писал в своих воспоминаниях С.М. Штеменко, при выработке замысла кампании 1945 года командующие войсками фронтов порознь вызывались в Генеральный штаб, где с каждым из них обсуждались все детали операций того или иного фронта. После этого уже согласованные соображения докладывались Ставке. До 7 ноября и в праздничные дни в Генеральном штабе в разное время работали командующие войсками 1-го и 3-го Украинских, 1-го и 3-го Белорусских фронтов Маршалы Советского Союза И.С. Конев, Ф.И. Толбухин, К.К. Рокоссовский и генерал армии И.Д. Черняховский. После праздника в Ставке состоялось всестороннее обсуждение замысла кампании. Существенных поправок в него внесено не было. Определались, что на главном направлении наступление начнется 20 января 1945 года, однако планы операций пока не утверждались и директивы фронтам не отдавались¹¹.

Одновременно с выработкой замысла кампании и планов наступательных операций Верховный Главнокомандующий производил кадровые перемещения в целях укрепления руководства фронтов, решавших главные задачи. Так, по решению И.В. Сталина войска, которым предстояло овладеть столицей Германии Берлином, должен был возглавить его заместитель Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, как наиболее опытный. В соответствии с приказом Ставки

ВГК от 12 ноября 1944 года Георгий Константинович с 16 ноября вступал в командование войсками 1-го Белорусского фронта с одновременным освобождением его, как представителя Ставки, «от руководства операциями 1-го и 2-го Белорусских фронтов»¹². Этим же приказом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский назначался командующим войсками 2-го Белорусского фронта, сменив на этом посту генерала армии Г.Ф. Захарова. Верховный Главнокомандующий лично известил их об этом по телефону¹³.

Одновременно с формированием замысла на кампанию определялись в окончательном виде и задачи войск фронтов, предназначавшихся для действий на главном, берлинском направлении. Для окончательного уточнения этих задач и вручения директив Ставки ВГК на операции в конце ноября в Москву были вызваны командующие войсками соответствующих фронтов.

Так, командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И.С. Конев работал в Ставке 24—25 ноября, а командующие войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский решали все связанные с подготовкой операций вопросы в Ставке 27—28 ноября 1944 года. Одновременно с командующими войсками фронтов на приеме у И.В. Сталина в указанные дни были А.И. Антонов, С.М. Штеменко, а также член Государственного Комитета Обороны, заместитель наркома обороны СССР Н.А. Булганин¹⁴.

В ходе работы Ставка согласилась с предложением Г.К. Жукова перенести направление главного удара 1-го Белорусского фронта на Лодзь, Познань, что в свою очередь повлекло изменение направления сосредоточения основных усилий и 1-го Украинского фронта с г. Калиш на Бреслау¹⁵. При обсуждении задач 1-го Украинского фронта И.В. Сталин особое внимание обратил на необходимость освобождения Силезского района с возможно наименьшими разрушениями его промышленного потенциала¹⁶. С этой целью удары войск фронта были спланированы в обход района, севернее и южнее его. Ставя задачу К.К. Рокоссовскому, Верховный Главнокомандующий обратил его внимание на необходимость самого тесного взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом, еще раз подчеркнув, что К.К. Рокоссовский назначен «не на второстепенное, а на важнейшее направление»¹⁷.

Как свидетельствуют данные таблицы, по окончании двухдневной работы в Ставке командующие войсками фронтов лично получили директивы Ставки ВГК на проведение фронтовых операций.

Таким образом, в окончательном варианте замысел всей кампании, а также стратегической операции на берлинском направлении был подготовлен к концу ноября 1944 года. В его разработке активное участие принимали командующие фронтами. Будучи ознакомленными с задачами подчиненных войск, они представляли в Ставку свои соображения и предложения, которые обобщались в Генеральном штабе, рассматривались в Ставке, после чего и было принято окончательное решение.

Таблица

Основные этапы планирования операций фронтов¹⁸

Фронты	Временные показатели планирования		
	Получение директив Ставки ВГК на операции	Представление в Ставку ВГК планов операций	Утверждение Ставкой ВГК планов операций
1-й Белорусский	28 ноября 1944 г.	25 декабря 1944 г.	29 декабря 1944 г.
2-й Белорусский	28 ноября 1944 г.	17 декабря 1944 г.	22 декабря 1944 г.
1-й Украинский	25 ноября 1944 г.	23 декабря 1944 г.	29 декабря 1944 г.

По замыслу Ставки ВГК, цели кампании намечалось достичь путем одновременного наступления на всем советско-германском фронте с последующим его развитием в глубину. При этом наиболее детально был разработан план первого этапа кампании; в последующем задачи фронтам предполагалось ставить в зависимости от выполнения задач первого этапа и сложившейся обстановки¹⁹.

Главный удар в кампании планировалось нанести, как уже отмечалось, на берлинском направлении силами 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на участке Остроленка, Краков. Нанесение главного удара на этом направлении диктовалось как политическими, так и стратегическими соображениями. Во-первых, благодаря этому советские войска кратчайшим путем выходили в центральные районы Германии и к ее столице Берлину, что имело огромное политическое значение. Во-вторых, для обороны берлинского направления германское командование было вынуждено в ходе кампании привлечь значительные силы, разгром которых приводил, по существу, к завершению разгрома вооруженных сил Германии. В-третьих, это направление имело хорошо развитую сеть путей сообщения и позволяло развернуть и использовать крупные массы войск и техники, а также осуществлять широкий маневр силами и средствами. Наконец, в-четвертых, нанесение главного удара именно на этом направлении облегчало организацию взаимодействия между стратегическими группировками советских войск, действовавшими на восточно-прусском, берлинском и венском направлениях.

В соответствии с местом и ролью каждого из фронтов, привлекавшихся для проведения Висло-Одерской операции, Ставка поставила им задачи. Так, согласно директиве от 25 ноября 1-й Украинский фронт должен был разгромить кельце-радомскую группировку противника и развить наступление на Калиш²⁰. 1-й Белорусский фронт в соответствии с директивой от 28 ноября получил задачу по разгрому варшавско-радомской группировки и развитию наступления в общем направлении на Познань. Содействовать наступлению указанных фронтов в Висло-Одерской операции должны были 2-й Белорусский и 4-й Украинский фронты. Так, 2-й Белорусский фронт должен был частью сил левого крыла оказать помощь 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника, а 4-й Украинский (командующий — генерал армии И.Е. Петров) частью сил правого крыла содействовать левофланговому объединению 1-го Украинского фронта в развитии наступления на Краков²¹.

Начало наступления войск фронтов намечалось на 20 января 1945 года²².

Спустя три—четыре недели после получения директив на подготовку операций командования 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов представили соответствующие планы наступательных операций, которые были утверждены Ставкой (см. таблицу).

В последующем в эти документы вносились лишь частичные изменения. Наиболее существенное из них — перенос срока начала наступления.

Данное изменение было обусловлено критическим положением союзников СССР по антигитлеровской коалиции в Арденнах, где в середине декабря 1944 года немецкие войска начали крупную наступательную операцию с целью нанесения поражения американско-английским войскам, изменения обстановки на Западном фронте и высвобождения сил для восточного фронта²³. Глава правительства Великобритании У. Черчилль вынужден был обратиться за помощью к И.В. Сталину. Так, в срочном личном послании к главе советского правительства 6 января

1945 года он уточнял, могут ли они (союзники. — И.М.) «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...»²⁴.

Уже на следующий день, 7 января, И.В. Сталин ответил: «Учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»²⁵.

Исходя из принятого решения об оказании помощи союзникам Ставка окончательно установила фронтам время начала наступления: для 2-го и 1-го Белорусских фронтов — 14 января, для 1-го Украинского — на два дня раньше, 12 января 1945 года.

Несомненно, перенос сроков начала наступления не мог не сказаться на полноте и качестве подготовки к нему войск и штабов. И.С. Конев уже после войны отмечал, что восемь суток, на которые сократился срок подготовки войск 1-го Украинского фронта к наступлению, были «крайне необходимы»²⁶. То же подчеркнул в своих воспоминаниях и К.К. Рокоссовский, воскликнув: «А как нужны были нам эти шесть дней для завершения подготовки!»²⁷.

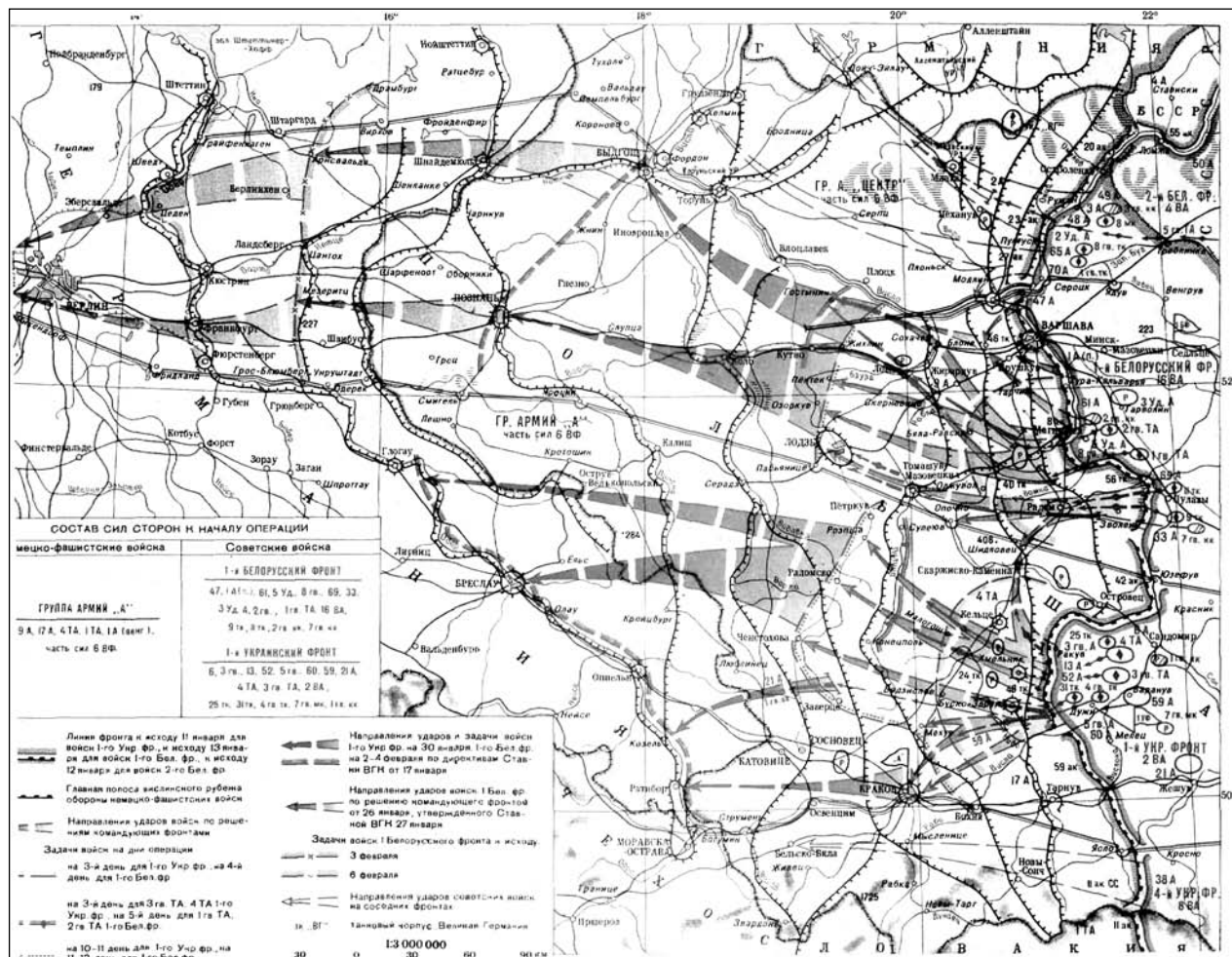
Сокращение времени на подготовку войск фронтов к наступлению было не единственным обстоятельством, осложнявшим предстоящие им действия. Положение существенно усугублялось и ненастной погодой. Густой туман практически лишил войска поддержки авиации в период прорыва обороны противника, а также затруднял ведение прицельного огня артиллерией²⁸. При этом следует подчеркнуть, что, планируя первоначально начало наступления на 20 января 1945 года, советское командование в числе других факторов исходило и из более благоприятного метеопрогноза на вторую половину января.

Несмотря на сказанное, советские войска, верные своим союзническим обязательствам, перешли в решительное наступление в среднем на неделю раньше запланированного срока.

После войны У. Черчилль в своих мемуарах высоко оценил оперативность согласования усилий союзников по антигитлеровской коалиции путем личной переписки между главами правительств, назвав ее «прекрасным образцом быстроты, с которой можно было вершить дела в высших сферах союзников». Он также отметил, что «со стороны русских и их руководителей было прекрасным поступком ускорить свое широкое наступление, несомненно, ценой тяжелых людских потерь»²⁹.

К числу особенностей в деятельности органов стратегического руководства при подготовке к кампании 1945 года в Европе следует отнести понижение значимости института представителей Ставки ВГК, что было вызвано рядом изменений в условиях ведения вооруженной борьбы. Так, почти в два раза сократилась протяженность советско-германского фронта, уменьшилось количество действующих фронтов, что упростило руководство ими и дало возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки. Кроме того, как отметил в своих воспоминаниях Г.К. Жуков, «командующие фронтами выросли в крупных полководцев, а штабы приобрели опыт в организации и руководстве крупными операциями»³⁰.

В качестве одной из причин частичной перестройки системы оперативно-стратегического руководства Вооруженными силами следует, видимо, рассмотреть и субъективный фактор. Об этом недвусмысленно написал Г.К. Жуков: «Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И.В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе

Замысел Висло-Одерской наступательной операции 1945 года

этих операций стоял только он один»³¹. Из этого контекста становится отчасти понятным назначение обоих заместителей Верховного Главнокомандующего — Г.К. Жукова и А.М. Василевского — командующими войсками фронтов и, как следствие, фактическое понижение их статуса³². Координацию же действий всех четырех фронтов на берлинском направлении И.В. Сталин взял на себя³³.

Непосредственная подготовка советских войск к операции на этом направлении началась еще осенью 1944 года. В интересах создания необходимой группировки войск Ставка ВГК в октябре—декабре из своего резерва передала в состав 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 8 общевойсковых и 3 танковые армии, 5 авиационных корпусов, 2 артиллерийских корпуса прорыва и большое количество отдельных артиллерийских, авиационных, танковых, самоходно-артиллерийских частей и соединений³⁴. Одновременно проводились мероприятия по пополнению действующей армии личным составом, оружием и боевой техникой. При этом фронты, которые привлекались к наступлению на направлении главного удара в кампании (1-й и 2-й Белорусские, 1-й Украинский) получили около 4340 орудий и минометов, 3360 танков и САУ, что составило соответственно 40 и 56 проц. общего количества орудий и бронетехники, направленных в то время на советско-германский фронт³⁵.

При подготовке кампании в целом и Висло-Одерской операции в частности Ставка уделяла большое внимание материально-техническому обеспечению войск. Непрерывно растущие экономические возможности страны позволили обеспечить фронты ма-

териальными средствами в размерах, необходимых для решения предстоящих задач. Так, к началу кампании во фронтах были созданы значительные запасы: 3—6 боекомплектов боеприпасов различных калибров, 3—5 заправок горючего для танков и автомашин и 9—14 заправок авиационного топлива³⁶.

В ходе подготовки к наступлению большое внимание уделялось улучшению и восстановлению путей сообщения в прифронтовых районах, и в первую очередь железных дорог. Решение этого вопроса затруднялось отличием по ширине отечественной железнодорожной колеи от западноевропейской. С целью обеспечения бесперебойности воинских перевозок ГКО принял решение перешить по одной магистрали в полосах 3, 2, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов с европейской на союзную колею. Это позволило быстро подавать срочные и наиболее важные грузы³⁷. Остальные материальные средства перегружались на специально созданных на стыках двух колеи перевалочных базах и далее направлялись фронтам по железным дорогам западноевропейской колеи.

В большом объеме была также проведена работа по восстановлению и частичной постройке грунтовых дорог и мостов, ремонту транспортных средств, пополнению ими фронтов. В центре внимания Ставки и Генерального штаба на этапе подготовки кампании находилась и проблема создания наиболее благоприятных условий для проведения наступления. Для этого Ставка решила ослабить группировку про-

тивника на центральном, варшавско-берлинском направлении и дезориентировать противника относительно истинных намерений советских войск. По ее решению были максимально активизированы действия войск Красной армии на стратегических флангах советско-германского фронта — в Восточной Пруссии и в Венгрии. Немецкое командование вынуждено было перебросить в эти районы, особенно на будапештское направление, крупные силы с центрального участка фронта, а также из резерва. Таким образом цель, намеченная советским ВГК, была достигнута: в декабре 1944 года руководство вермахта было уверено, что в зимние месяцы 1945 года Советские Вооруженные Силы нанесут удары в Венгрии, Чехословакии, Южной Польше и в Восточной Пруссии. На центральном же участке советско-германского фронта немецкое командование ожидало наступления войск Красной армии лишь с ограниченной целью. Так, на совещании в ставке 24 декабря 1944 года А. Гитлер утверждал, что с рубежа Вислы русские не собираются переходить в серьезное наступление. Его поддерживал и Г. Гиммлер, который 9 января 1945 года заявил: «Я не верю, что русские будут вообще наступать»³⁸.

Большие трудности возникли в решении проблемы достижения внезапности наступления при подготовке Висло-Одерской операции. Сложность заключалась в том, что фронтам предстояло нанести главные удары с плацдармов. По этому поводу Маршал Советского Союза И.С. Конев писал: «Кому не ясно, что если одна сторона захватила такой большой плацдарм, да еще на такой крупной реке, как Висла, то отсюда следует ждать нового мощного удара... Так что место нашего будущего прорыва для противника не было секретом»³⁹.

Тем не менее командующие и штабы фронтов предприняли ряд мер по скрытию замысла операции, количества привлекаемых сил и средств, введению противника в заблуждение относительно времени перехода в наступление. Большое внимание уделялось борьбе с вражеской агентурной разведкой. Во фронтах были созданы прифронтовые полосы отселения местных жителей, глубина которых составляла 12—15 км⁴⁰. Сосредоточение войск в исходных районах и вывод их на плацдармы, перегруппировка частей и соединений, занятие ими исходного положения, все работы по инженерному оборудованию плацдармов проводились только ночью. При этом строго соблюдались правила маскировки. Смена частей, оборонявших передний край в подготовительный период, была произведена лишь за день до наступления.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов провели ряд дезинформационных мероприятий с целью скрытия масштабов предстоящего наступления и направления ударов, особенно главных.

Так, по указанию Ставки на левом крыле 1-го Белорусского фронта была симитирована подготовка крупной операции с целью привлечь к ней внимание разведки, а по возможности и части сил противника. Вопросы маскировки, как вспомогательного последствием Г.К. Жуков, были согласованы с Генеральным штабом и одобрены Ставкой⁴¹. В результате противник усилил ложное направление танковой и моторизованной дивизиями, ослабив оборону на направлении главного удара фронта. Просчиталась вражеская разведка и в определении истинного боевого состава фронта: вместо 68 он был определен в 31 дивизию⁴². Аналогичные мероприятия по введению противника в заблуждение относительно направления главного удара проводились и на 1-м Украинском фронте. В целом благодаря предпринятым мерам советскому командованию удалось скрыть замысел

операции, количество привлекаемых сил и средств, сроки перехода фронтов в наступление.

В период подготовки к наступлению советское Верховное Главнокомандование большое внимание уделяло мерам по удержанию господства в воздухе. Так, в специальной директиве от 29 декабря 1944 года Ставка ВГК указала как на «позорный» имевший место факт разгрома одного из аэродромов 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта с потерей 40 самолетов. В этот же день Ставка потребовала подготовить и с 3—5 января 1945 года в течение 2—3 дней нанести удары по аэродромам противника силами воздушных армий 1, 2 и 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, а также авиации дальнего действия. Одновременно обращалось особое внимание на необходимость максимальной бдительности и поддержания постоянной готовности к отражению возможных ударов авиации противника⁴³.

Представление о деятельности органов стратегического руководства в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции дает анализ работы Ставки ВГК и Генерального штаба в рамках двух ее этапов, различных как по длительности, так и по содержанию выполняемых задач.

На первом этапе (12—17 января 1945 г.) советские войска прорвали вражескую оборону на участке шириной около 500 км на глубину 100—160 км. Мощь их ударов была настолько велика, что уже к исходу шестых суток операции были разгромлены главные силы группы армий «А» и освобожден ряд крупных промышленных центров и опорных пунктов, в числе которых города Варшава, Радом, Кельце, Радомско, Ченстохова. Выполнение войсками фронтов ближайшей задачи создало выгодные условия для развития наступления на Познань и Бреслау.

Немецкое командование стремилось переброской дополнительных сил с других участков восстановить прорванный фронт на берлинском направлении, а затем и стабилизировать его. Чтобы сорвать замысел противника, Ставка ВГК уточнила фронтам план дальнейших действий.

В соответствии с директивами Ставки от 17 января 1-й Белорусский фронт должен был не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ (Бромберг), Познань, а 1-й Украинский фронт, наступая главными силами в общем направлении на Бреслау, — не позднее 30 января выйти на Одер и захватить плацдармы на его левом берегу⁴⁴.

При постановке уточненных задач Ставка учитывала и результаты наступления соседних фронтов. Поскольку войска 4-го Украинского фронта не смогли только своими силами освободить Краков, Ставка приказала 1-му Украинскому фронту левым крылом (59-й и 60-й армиями) не позднее 20—22 января овладеть этим городом и продолжать наступление, обходя Домбровский угольный бассейн с юга. 21-ю армию с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом предписывалось использовать для обхода этого же района с севера⁴⁵.

Добы отвлечь внимание противника от берлинского направления, Ставка ВГК предпринимала меры по активизации действий севернее и южнее его. Так, 18 января она направила директиву командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов на овладение Будапештом и развитие наступления к озеру Балатон, а 21 января командующий 2-м Белорусским фронтом получил директиву на развитие наступления с задачей выйти к побережью Балтийского моря и «отрезать противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию»⁴⁶.

На втором этапе (18 января — 3 февраля 1945 г.) войска фронтов выполняли поставленные Ставкой 17 января 1945 года задачи. Уже к 25 января войска

1-го Белорусского фронта прорвали познаньский оборонительный рубеж противника, окружили г. Познань с 62-тысячным гарнизоном и приступили к прорыву укрепленных районов на старой германо-польской границе, проходившей в 75 км западнее города. Одновременно войска 1-го Украинского фронта, стремительно продвигаясь в направлении Бреслау, 25 января к исходу дня достигли Одера. Более того, они с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу. Армии левого крыла фронта встретили упорное сопротивление противника в борьбе за Силезский промышленный район. Тогда командующий фронтом с согласия Ставки направил танковую армию в обход этого района, в тыл оборонявшейся там группировки противника. В результате тот вынужден был отступить.

Выход войск обоих фронтов к Одере свидетельствовал о выполнении ими поставленных 17 января Ставкой задач. В период с 26 по 28 января 1945 года командующие 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами представили в Ставку (по ее запросу) соображения относительно характера дальнейших действий своих войск.

Так, в докладе командующего войсками 1-го Белорусского фронта от 26 января 1945 года, представленном на имя Верховного Главнокомандующего, предлагалось к исходу января выйти на рубеж Берлинхен, Ландсберг, Грец, подтянуть войска (особенно артиллерию), тылы, пополнить запасы и «с утра 1—2 февраля продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать р. Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, с севера и северо-запада»⁴⁷. На следующий день эти предложения были утверждены Ставкой ВГК⁴⁸.

Предложения командующего 1-м Украинским фронтом, представленные в Ставку 28 января, сводились к тому, чтобы разгромить группировку противника в районе Бреслау и к 25—28 февраля выйти на р. Эльбу, а правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином. Эти предложения Ставка 29 января также утвердила⁴⁹.

Однако обстановка, сложившаяся на варшавско-берлинском направлении, внесла серьезные коррективы в намеченные планы. Немецкое командование, сосредоточив на флангах 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов крупные группировки войск, намеревалось нанести мощные контрудары, отрезать вырвавшиеся вперед значительные силы фронтов и восстановить положение на берлинском направлении. Особенно опасной являлась группировка противника в Восточной Померании, которая могла нанести удар с севера по правому крылу 1-го Белорусского фронта.

Нависшая опасность реально оценивалась Ставкой ВГК и Генеральным штабом, которые имели сведения о крупных перегруппировках противника и намерениях немецкого командования. По свидетельству С.М. Штеменко, «размеры опасности, возникавшей на правом крыле 1-го Белорусского фронта, всесторонне взвешивались в Москве. На этот счет Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб постоянно вели переговоры с Г.К. Жуковым и его штабом, а также с командующими армиями непосредственно. Для проверки и уточнения данных о замыслах и силах противника на берлинском направлении и в Померании широко использовались и все другие источники информации»⁵⁰.

Целесообразность дальнейшего безостановочного наступления на берлинском направлении ставилась под сомнение и в силу других причин. Так, с вы-

ходом советских войск к Одере изменилась воздушная обстановка. Базируясь на стационарный берлинский аэродромный узел, немецкая авиация резко повысила боевую активность. В то же время наша фронтовая авиация была не в состоянии оказать необходимую поддержку наземным войскам в связи с большим удалением полевых аэродромов, использование которых к тому же существенно затруднялось из-за дождей и сильных снегопадов.

Большая глубина и высокие темпы наступления предопределили сложность решения и вопросов материально-технического обеспечения войск в ходе операции. Основная тяжесть подвоза боеприпасов, горючего и других материальных средств лежала на автотранспорте, поскольку темпы восстановления железных дорог были намного ниже темпов наступления. По мере развития операции в глубину автомобильный транспорт не справлялся в полном объеме с подвозом материальных средств к войскам, особенно при подходе их к Одере и развертывании борьбы за плацдармы на этой реке. Наконеч, нехватка боеприпасов и горючего не позволяла с полной эффективностью применять артиллерию и танки.

Таким образом, в связи с изменившейся обстановкой стало нецелесообразным продолжать безостановочное наступление на Берлин. Ставка ВГК, Генеральный штаб, военные советы фронтов, сопоставив свои возможности с возможностями противника, пришли к выводу: не накопив на Одере достаточных запасов материальных средств, не будучи в состоянии использовать всю мощь авиации и артиллерии, не обезопасив фланги, было бы опрометчиво нанести завершающий удар по столице Германии. В сложившейся ситуации органы стратегического руководства приняли единственно правильное решение, соответствовавшее реальной обстановке: сначала разгромить противника в Восточной Померании и Силезии, а уже потом, после всесторонней подготовки, нанести решающий удар по Берлину. Советское Верховное Главнокомандование не пошло на неоправданный риск, потому что политические и военные последствия в случае неудачи на завершающем этапе войны могли оказаться для СССР крайне тяжелыми и даже непоправимыми.

Таким образом, с выходом войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одер, захватом важных плацдармов на его левом берегу и овладением Силезским промышленным районом завершилась Висло-Одерская операция. Опыт подготовки и ведения этой крупнейшей стратегической наступательной операции подтвердил возросший уровень советского военного искусства, в том числе в вопросах стратегического руководства вооруженной борьбой.

Избранный Ставкой Верховного Главнокомандования способ разгрома противника путем нанесения мощных глубоких рассекающих ударов соответствовал сложившейся обстановке. Он позволил сорвать замысел немецкого командования последовательной обороной на подготовленных между Вислой и Одером рубежах измотать и обескровить советские войска. Ставка ВГК и Генеральный штаб успешно решили задачи создания стратегической группировки войск для наступления, используя для этого значительные резервы. Поучительным является комплекс мер, направленных на сохранение в тайне замысла кампании и операции на берлинском направлении, а также на введение противника в заблуждение относительно направлений ударов, создаваемых группировок и сроков перехода в наступление. На высоком уровне удалось решить вопросы организации стратегического взаимодействия между фронтами, с соединениями и объединениями ви-

дов вооруженных сил, а также с группировками войск Красной армии на других участках советско-германского фронта.

В ходе наступления Ставка ВГК и Генеральный штаб внимательно следили за развитием наступления, своевременно реагировали на все изменения обстановки и уточняли задачи фронтам. При этом советское Верховное Главнокомандование продемонстрировало разумный расчет и не пошло на неоправданный риск безостановочного наступления на Берлин без соответствующих на то условий.

В целом подготовка и ведение Висло-Одерской стратегической наступательной операции является собой пример высокого уровня руководства вооруженной борьбой со стороны Ставки ВГК и ее основного рабочего органа – Генерального штаба. Несмотря на давность рассматриваемых событий, этот опыт сохраняет свое значение для решения управленческих задач в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 101.

² Мелентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг. / Сокр. пер. с англ. М.: Иностр. лит., 1957. С. 280.

³ Там же.

⁴ См.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 6, 7; 2004. № 6.

⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 16 (5–4). С. 117–119.

⁶ Директивы Ставки ВГК №220194, 220195, 220196, 220198 от 29 августа 1944 г. // Сб. док. Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны: В 4 вып. М.: Воениздат, 1968. Вып. 4. С. 164–166.

⁷ Соответствующие директивы Ставки ВГК 3-му и 2-му Белорусским фронтам были отданы 5 ноября, 1-му Белорусскому – 12 ноября 1944 г. См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 166, 167, 169.

⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1985. Кн. 1. С. 350.

⁹ Там же. С. 351.

¹⁰ См.: там же. С. 352–353; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 119.

¹¹ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 354.

¹² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 170.

¹³ Данное решение К.К. Рокоссовский воспринял с некоторой обидой, напрямую спросив И.В. Сталина: «За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?» И.В. Сталин ответил, что на 2-й Белорусский фронт также будет возложена очень ответственная задача. Затем он спросил у К.К. Рокоссовского его мнение о кандидатуре Г.К. Жукова на должность командующего войсками 1-го Белорусского фронта, на что тот ответил, что кандидатура вполне достойная, и, по его мнению, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Г.К. Жуков. См.: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 297.

¹⁴ Это подтверждается данными из Журнала посещения И.В. Сталина в его кремлевском кабинете. См.: Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 295.

¹⁵ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 356.

¹⁶ Вот как описывает этот эпизод в своих воспоминаниях И.С. Конев: «Сталин... показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал:

— Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало

дальнейших комментариев». См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1945. 4-е изд. М.: Воениздат, 1989. С. 309.

¹⁷ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 299.

¹⁸ Составлено по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 174–178, 184–185, 187, 310–326.

¹⁹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 765.

²⁰ Директивой Генерального штаба от 29 ноября 1944 г. было указано, как уже отмечалось, наступать на Бреслау.

²¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 174–179.

²² См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 766.

²³ Операция под кодовым наименованием «Вахта на Рейне» была проведена немецким командованием в период с 16 декабря по 28 января 1945 г.

²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 298.

²⁵ Там же. С. 299.

²⁶ Конев И.С. Указ. соч. С. 318.

²⁷ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 306.

²⁸ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 632.

²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1991. Кн. 3. Т. 5–6. С. 482–483.

³⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 11-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 84.

³¹ Там же. С. 173.

³² А.М. Василевский был назначен командующим войсками 3-го Белорусского фронта приказом Ставки ВГК от 18 февраля 1945 г. после гибели И.Д. Черняховского. См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 204.

³³ См.: Штеменко С.М. Указ. соч. С. 354.

³⁴ История второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. М.: Воениздат, 1979. Т.10. С. 59.

³⁵ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 769.

³⁶ Там же. С. 772.

³⁷ См.: там же; Тыл советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1977. С. 240.

³⁸ Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 10. С. 65.

³⁹ Конев И.С. Указ. соч. С. 311.

⁴⁰ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 771.

⁴¹ См.: Мацуленко В.А. Оперативная маскировка войск. М.: Воениздат, 1975. С. 140.

⁴² История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 65.

⁴³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). С. 185, 186.

⁴⁴ Там же. С. 190–192.

⁴⁵ Там же. С. 191.

⁴⁶ Там же. С. 192, 193.

⁴⁷ Там же. С. 326.

⁴⁸ Там же. С. 195.

⁴⁹ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 785.

⁵⁰ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 363.

Генерал-майор И.П. МАКАР

ПВО ФРОНТОВ В СТАЛИНГРАДСКОЙ КОНТРАНАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Предлагаемая читателям статья актуальна не только в связи с предстоящим 60-летием Победы в Великой Отечественной войне, но и благодаря боевому опыту, содержащемуся в ней. Написанная на основе исследования значительного количества архивных материалов, документов, научной и специальной литературы, она впервые полно и достоверно раскрывает данную тему.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ожесточенных оборонительных боев Красной армии на дальних подступах к Сталинграду, а затем и в самом городе, происходивших в июле—ноябре 1942 года, наступление немецких войск было остановлено. Исходя из глубокой и всесторонней оценки обстановки, Ставкой Верховного Главнокомандования было решено именно на Сталинградском направлении перейти от обороны к контрнаступлению и нанести сокрушительный удар по врагу. В операции принимали участие фронты: Юго-Западный (1-я гвардейская и 21-я общевойсковые, 5-я танковая, 17-я и 2-я воздушные армии; командующий генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), Донской (65, 24, 66-я общевойсковые и 16-я воздушная; генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский), Сталинградский (62, 64, 57, 51, 28-я общевойсковые и 8-я воздушная; генерал-полковник А.И. Еременко). Координация их действий была возложена на представителей Ставки Верховного Главнокомандования генерала армии Г.К. Жукова и генерал-полковника А.М. Василевского.

К 19 ноября 1942 года войскам этих трех фронтов противостояли тридцать пять пехотных, пять танковых, четыре моторизованные, четыре кавалерийские дивизии и три бригады группы армий «Б». Сухопутные войска противника на юго-западном направлении подерживались 4-м воздушным флотом в составе 4-го и 5-го авиационных корпусов и 8-м авиационным корпусом, который действовал непосредственно на Сталинградском направлении. Сюда же привлекалась часть соединений уже упомянутых 4-го и 5-го авиационных корпусов. В общей сложности на этом направлении действовали 1216 самолетов противника¹.

С НАЧАЛОМ подготовки нашего контрнаступления и вплоть до 8 ноября 1942 года главные усилия авиация противника по-прежнему сосредоточивала у Сталинграда, в полосе 62-й армии, оборонявшей город, ежедневно поднимая в воздух от 200 до 600 самолетов, что составляло 50—60 проц. их количества на всем Сталинградском направлении. Удары немецкой авиации на этом участке фронта, хотя и в меньшей степени, продолжались до 15 ноября.

К 9 ноября воздушной разведке противника удалось обнаружить в лесных массивах севернее Серафимовича и Клетской передвижение и сосредоточение наших войск в полосе 21-й и 65-й армий. С этого же дня немецкая авиация начала наносить бомбовые удары по районам сосредоточения, колоннам на марше и переправам через Дон севернее Клетской. По районам сосредоточения войск этих армий за 9—10 дней до начала контрнаступления противник произвел 74 налета общим числом до 790 машин. В полосе 5 ТА за это же время он совершил более 200 самолетопролетов, одновременно активизировав воздействие с воздуха в полосах 64-й и 57-й армий Сталинградского фронта, где бомбардировкам подвергались главным образом переправы через Волгу.

С началом нашего контрнаступления главные усилия авиация противника направила против Юго-Западного фронта, войска которого выходили в тыл всей Сталинградской группировки немцев и отрезали ей пути сообщения. Особенно интенсивно действовала она против 8-го кавалерийского и 1-го танкового корпусов 5 ТА, наносивших удары на заходящем (правом) внешнем крыле этого фронта и непосредственно угрожавших неприятельским крупным аэродромным узлам в районах

Морозовского и Суровикино. Над этими подвижными соединениями вражеская авиация произвела больше самолетопролетов, чем над боевыми порядками всех армий трех фронтов вместе взятых.

Наступление войск Юго-Западного фронта поддерживалось 17 ВА (генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский) и оперативно подчиненной ему 2 ВА (генерал-майор авиации К.Н. Смирнов) Воронежского фронта, насчитывавшими 477 и 173 самолета соответственно. 16-я воздушная армия (генерал-майор авиации С.И. Руденко) Донского фронта имела в своем составе 333 самолета, а 8-я (генерал-лейтенант авиации Т.Т. Хрюкин) Сталинградского фронта — 790. Всего с учетом 102 иад ПВО Сталинградского корпусного района ПВО советская авиация под Сталинградом имела 1808 самолетов, из них исправных — 1349; устаревших самолетов (По-2, Р-5, СБ) насчитывалось 426. Обладая численным превосходством над неприятелем в 1,5 раза по истребителям, она по дневным бомбардировщикам уступала ему почти в 8 раз².

Перед контрнаступлением принимались меры по ослаблению авиационной группировки противника. С 27 по 29 октября была проведена специальная воздушная операция силами 8 ВА и тремя дивизиями (24, 53 и 62-й) авиации дальнего действия (АДД), производимыми 502 самолетовылета. В ней участвовали 173 самолета фронтовой и 141 самолет АДД, всего более 300 боевых машин, подвергших ударам 13 аэродромов, в результате чего были выведены из строя несколько десятков вражеских самолетов³. Непосредственное же прикрытие своих войск от ударов воздушного противника осуществляла зенитная артиллерия фронтов, перегруппировка которой в ходе подготовки контрнаступательной операции началась одновременно с общей перегруппировкой войск и созданием ударных группировок. Из состава Донского фронта вновь образованному Юго-Западному фронту вместе с 63-й (впоследствии 1-я гв.) и 21-й армиями были переданы девять армейских пол-

ков ПВО и два отдельных дивизиона среднекалиберной зенитной артиллерии (СЗА). Кроме того, во фронт прибыли две зенитные артиллерийские дивизии РГК⁴ (1-я и 3-я), впервые сформированные в Московском учебном центре, три армейских полка ПВО и четыре отдельных дивизиона СЗА из резерва ВГК. На Донском фронте остались девять армейских полков ПВО, восемь из которых передавались на формирование двух зенитных артиллерийских дивизий (15-й и 18-й), и пять отдельных дивизионов СЗА. Зенитные артиллерийские части и соединения этого фронта перебрасывались с левого крыла (из полос 66-й и 24-й армий) на правое крыло (в 65 А). Готовились к наступлению на главном направлении фронта и 5 ТА.

Сравнительно малочисленная зенитная артиллерия Сталинградского фронта до начала перегруппировок была распределена по армиям следующим образом: 64-я армия имела два армейских полка ПВО, 62-я и 57-я — по одному, а 51-я и 28-я их совсем не имели; один полк находился во фронтовом подчинении. Дополнительно к этим средствам из резерва ВГК на фронт прибыли одна зенитная артиллерийская дивизия Резерва главного командования (2-я) и два армейских полка ПВО. Кроме того, в полосе Сталинградского фронта войска прикрывались частью сил Сталинградского корпусного района ПВО, который оперативно подчинялся командованию фронта. После разрушения города зенитная артиллерия Сталинградского корпусного района ПВО прикрывала боевые порядки и переправы 62-й и частично 64-й армий Сталинградского фронта в районе Сталинграда, Бекетовки, Красноармейска и переправы через Волгу, Ахтубу в полосе 57-й армии того же фронта. В дополнение к этому войска района ПВО прикрывали железнодорожные линии на участках Сталинград —

Палласовка в полосе Сталинградского и Сталинград — Поворино в полосе Донского фронтов.

Распределение зенитных средств по фронтам Сталинградского направления показано в таблице.

Из имевшихся на трех фронтах 40 полков малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) 35 (87,5 проц.), а из 11 дивизионов СЗА — 5 (45,5 проц.) были переподчинены армиям, в том числе все 5 зенитных артиллерийских дивизий. Основная часть этих сил и средств предназначалась для прикрытия войск на главных направлениях фронтов — пяти армий (5-й танковой, 21, 65, 57 и 51-й), тогда как для прикрытия остальных пяти армий выделялось только 26 проц. полков, в том числе одна зенитная артиллерийская дивизия. Наиболее сильно прикрывалась группировка войск Юго-Западного и Донского фронтов, наносившая главный удар с севера (5 ТА, 21 и 65 А), где были сосредоточены 3 зенитные артиллерийские дивизии из 5 дивизий, выделенных в армии, 10 армейских полков ПВО из 16 и все 5 отдельных дивизионов СЗА РГК (схема 1).

В 5-й танковой армии была создана зенитная артиллерийская группа (ЗАГ) под командованием заместителя командующего артиллерией по ПВО. В нее входили 3-я зенитная артиллерийская дивизия РГК, пять армейских полков ПВО и два отдельных дивизиона СЗА РГК. Она подразделялась на две подгруппы: первая включала 3-ю дивизию и 227-й отдельный дивизион СЗА и имела задачу прикрыть стрелковые дивизии первого эшелона, прорывавшие немецкую оборону на направлении главного удара; вторая состояла из пяти армейских полков ПВО и отдельного дивизиона СЗА и должна была осуществлять прикрытие подвижных соединений второго эшелона армии в исходном положении, а в дальнейшем — подвижных соединений и переправ. Пос-

колку последняя существовала только в исходном положении, то из нее каждое подвижное соединение (8-й кавалерийский, 1-й и 26-й танковые корпуса) с вводом в прорыв прикрывалось лишь одним армейским полком ПВО. Кроме приданной зенитной артиллерии 8-й кавалерийский корпус имел 6 пушек малого калибра и 33 зенитных пулемета, а 26-й танковый — 4 пушки малого калибра.

В 21-й армии тоже была создана зенитная артиллерийская группа под командованием заместителя командующего артиллерией по ПВО, состоявшая в период прикрытия войск в исходном положении из 1-й зенитной артиллерийской дивизии, четырех армейских полков ПВО и двух отдельных дивизионов СЗА. Кроме того, в полосе 21-й армии два армейских полка ПВО (фронтового подчинения) обеспечивали безопасность аэродромов.

Первый эшелон прикрывался четырьмя полками ПВО и двумя отдельными дивизионами СЗА, объединенными под командованием командира 1-й дивизии и представлявшими подгруппу. Из состава второй подгруппы ЗАГ для прикрытия вводимых армией подвижных групп были выделены остальные два полка той же дивизии, лучше обеспеченные автотранспортом и средствами тяги по сравнению с двумя армейскими полками ПВО, которые оставались для прикрытия переправ через Дон в районе Клетской.

В 65-й армии в состав зенитной артиллерийской группы входили 15-я зенитная артиллерийская дивизия РГК (без одного полка), дивизион СЗА и отдельные зенитные артиллерийские батареи двух стрелковых дивизий. На нее возлагалась задача по прикрытию дивизий первого эшелона, наступавших на направлении главного удара, и переправ через Дон.

В исходном положении для наступления боевой порядок зенит-

Таблица

Распределение зенитных средств по фронтам Сталинградского направления к 19 ноября 1942 года

Фронт	Зенитные артиллерийские дивизии РВГК	Армейские полки ПВО	Всего полков	Штатная ЗА войсковых соединений		Отдельные дивизионы СЗА	Всего пушек и пулеметов			
				Отдельные дивизионы МЗА	Отдельные батареи МЗА		СЗА	МЗА	Итого пушек	Пулеметов и пушек ШВАК
Юго-Западный	2	12	20	1	10	6	64	312	376	505
Донской	2	1	9	—	7	5	50	149	199	200
Сталинградский	1	7	11	3	14	—	—	132	132	202
Итого	5	20	40	4	31	11	114	593	707	907

Таблица составлена по: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12559. Д. 480. Л. 110; Д. 491. Л. 78, 79; Д. 482. Л. 142.

Примечания: 1. В графе «Всего полков» показаны и полки, входившие в состав зенитных артиллерийских дивизий. Во время они были вооружены малокалиберными зенитными пушками (12) и пулеметами (20).

2. Еще одна дивизия прибыла в состав Сталинградского фронта 25 ноября 1942 г.

3. Пушками ШВАК были вооружены некоторые зенитные пулеметные роты.

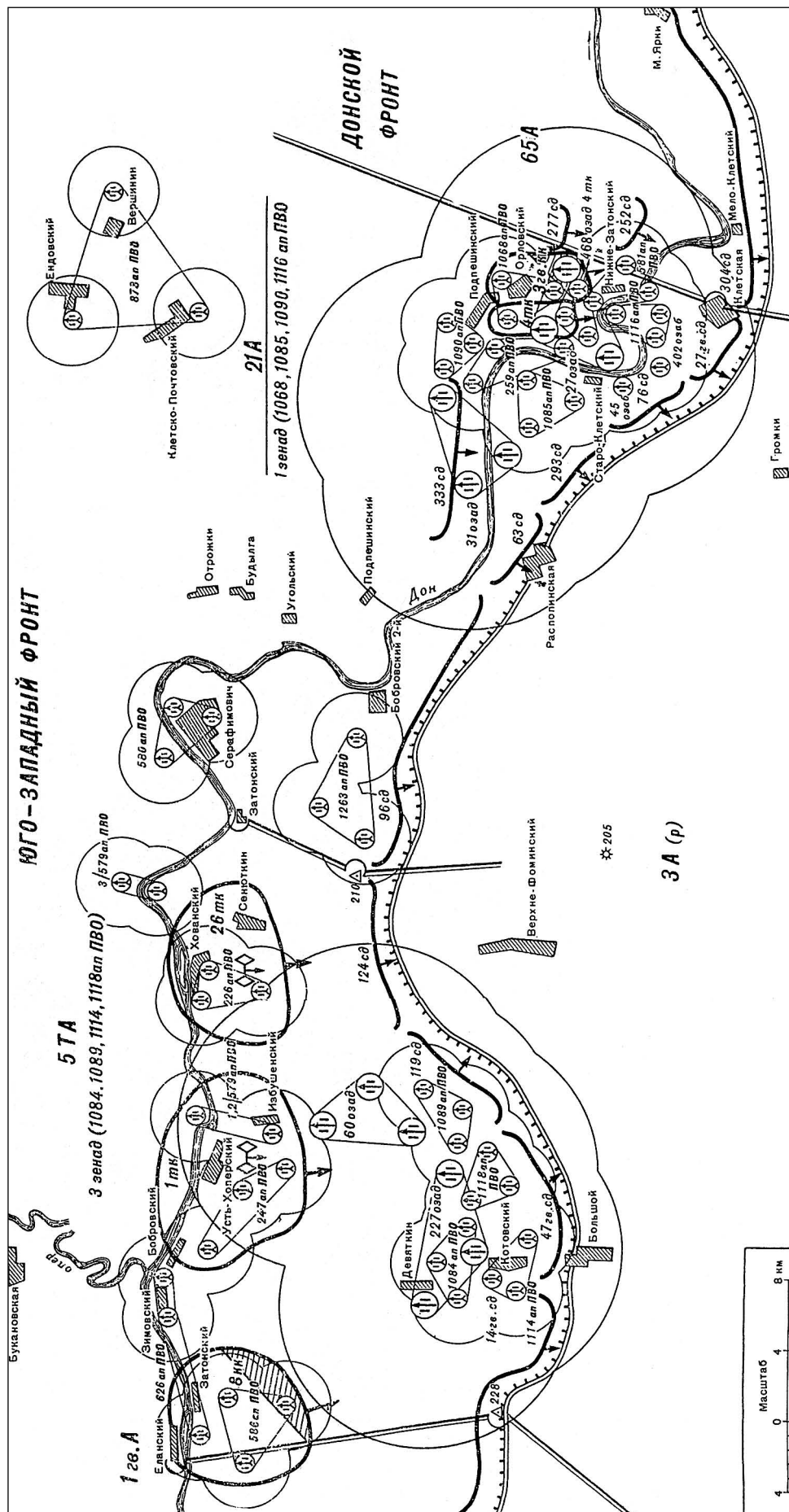

Схема 1. Воздушное прикрытие группировок советских войск в ходе Сталинградской контрнаступательной операции

ной артиллерии, прикрывавшей войсковые соединения первого эшелона на направлении главного удара, строился в две—три линии батарей малокалиберной и две линии батарей среднекалиберной зенитной артиллерии. Интервалы и дистанции между батареями МЗА были 1—2,5 км, а среднего калибра — 2—5 км. Удаление огневых позиций батарей ЗА малого калибра от переднего края обороны противника составляло 1—1,5 км, среднего калибра — 2—2,5 км, а зенитных пулеметов — 500 м. Такое размещение позволяло прикрывать войска, совершавшие прорыв, и более продолжительное время находиться на своих огневых позициях, перемещая для прикрытия продвинувшихся войск не более одной трети батарей.

ПРИ ПОДГОТОВКЕ наступления перемещение боевых порядков зенитной артиллерии планировалось лишь на один этап. Последующие перемещения спланировать заблаговременно не представлялось возможным. Зенитчикам требовалось проявлять инициативу, основанную на знании наземной обстановки, что можно было сделать только при условии поддержания тесного взаимодействия с прикрываемыми войсками. С этой целью батареи первой линии имели связь с КП стрелковых полков и батальонов, а КП командиров зенитных полков и групп располагались вблизи КП командующих артиллерией прикрываемых ими соединений.

В период подготовки операции и в исходном положении для наступления с 28 октября по 18 ноября зенитные части и подразделения обстреляли 836 целей и сббили 76 самолетов (без учета зенитных средств, прикрывавших 5-ю танковую армию), причем 49 в полках 21-й и 65-й армий, где воздушный противник проявлял наиболее активные действия. Кроме того, зенитные части и подразделения 5 ТА за этот период сббили 14 вражеских самолетов.

В первый день наступления войска Юго-Западного, Донского (19 ноября) и Сталинградского (20 ноября) фронтов на направлениях главных ударов прорвали тактическую зону обороны противника и ввели в прорыв подвижные группы. 23 ноября 26-й и 4-й танковые корпуса Юго-Западного и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта завершили оперативное окружение войск противника, выйдя навстречу один другому, в районе Калача и Советского. В последующие дни, до 30 ноября включительно, силами по-

дошедших стрелковых соединений кольцо окружения было значительно сокращено и образован прочный сплошной внутренний фронт окружения. К этому же времени был создан и внешний фронт окружения по р. Чир с запада и по р. Аксай с юга.

При прорыве тактической зоны обороны противника зенитная артиллерия (как среднего, так и малого калибра) пошелонно перемещала свои батареи вперед по мере продвижения прикрываемых войск с целью сохранения непрерывности прикрытия их от ударов с воздуха. После прорыва тактической зоны вражеской обороны она прикрывала введенные в прорыв подвижные группы и стрелковые соединения, перешедшие к преследованию противника и закреплению достигнутого успеха.

Полки ПВО, приданные корпусам, использовались по-разному. В одном случае полк придавался побатарейно бригадам (1-й и 26-й танковые корпуса), что приводило к нарушению огневой связи между батареями и исключало возможность сосредоточения зенитных средств на главном направлении при развертывании для боя ударной группировки корпуса. В других случаях полк ПВО, хотя и находился в непосредственном подчинении командующего артиллерией корпуса, распределялся по колоннам побатарейно или повзводно для прикрытия их в движении. Поэтому при развертывании войск из походных колонн для боя полк ПВО быстро сосредоточивался для прикрытия главной группировки корпуса (4-й механизированный, 8-й и 3-й гв. кавалерийские корпуса). Иногда весь полк ПВО следовал в одной из колонн (24-й танковый корпус), находясь в резерве командира корпуса, а при развертывании также использовался для прикрытия главной группировки корпуса. Это практиковалось чаще всего в тех случаях, когда бригады имели свои штатные зенитные подразделения.

ВХОДЕ наступления зенитная артиллерия иногда использовалась не по прямому назначению. Так, 640-му полку ПВО, вооруженному 37-мм пушками и приданному 18-му танковому корпусу, 25 декабря под Миллерово была поставлена задача самостоятельно вести бой с наземным противником, и после вражеской танковой атаки он, имея большие потери, вышел из строя на 10 суток. 27 декабря 580-й полк ПВО получил приказ командира 1-го гв. механизированного корпуса атаковать населенный пункт Нагорная-Семеновка и овладеть им без какой-либо под-

держки пехоты, отсутствовавшей в этом районе. Выполняя приказ, и эта часть понесла значительные потери, в результате чего была выведена на переформирование.

Среднекалиберной зенитной артиллерией подвижные соединения прикрывались только в выжидательных районах, в исходном положении до ввода в прорыв и на участках маршрутов выдвижения, наиболее уязвимых для ударов с воздуха. Это объяснялось, с одной стороны, малочисленностью фронтальной зенитной артиллерии этого калибра, необходимой в первую очередь для прикрытия переправ и других тыловых объектов, а с другой — ее низкой по сравнению с танками маневренностью, вследствие чего она отставала от прикрываемых соединений, особенно в зимних условиях. Фактически же корпуса, или остановленные противником на каком-либо рубеже в глубине его обороны, или когда они сосредоточивали свои силы для отражения контратак неприятеля, или для прорыва его обороны на промежуточных рубежах, безусловно, нуждались в прикрытии СЗА, так как немецкая авиация нередко наносила удары с высот, недостижимых для МЗА. Кроме того, подвижные соединения нуждались в таком прикрытии при скоплении колонн у переправ, на труднопроходимых участках пути и т.п.

Перемещение боевых порядков частей зенитной артиллерии в ходе наступления осуществлялось только вслед за прикрываемыми войсками. Оперативного маневра зенитной артиллерии, под которым подразумевалась переброска ее частей и соединений с одних направлений на другие, с переключением их с прикрытия одних войсковых соединений или объектов на прикрытия других, не производилось даже тогда, когда этого требовала обстановка. Так, зенитноекрытие введенного в прорыв 8-го кавалерийского корпуса 5 ТА, имевшего одну батарею и до двух зенитных пулеметных рот, было усилено одним полком ПВО. Корпус понес тяжелые потери, особенно с 21 по 26 ноября 1942 года, когда подвергся непрерывным атакам вражеской авиации, совершавшей до 1000 самолетопролетов в сутки над его расположением. Только за 25 и 26 ноября он потерял от воздушных ударов убитыми и ранеными 1890 человек и 2888 лошадей. Тяжелая обстановка, вызванная активными действиями авиации противника, сорвавшей в эти дни все атаки корпуса на Обливскую⁵, и недостатком зенитной артиллерии, усугублялась еще

и тем, что были израсходованы все снаряды. Одним полком ПВО прикрывался также введенный в той же армии в прорыв 1-й танковый корпус, который 21 и особенно 22 и 23 ноября тоже подвергся сосредоточенным ударам с воздуха под Суровикино. В это время 5 ТА, имея еще шесть полков ПВО и два дивизиона СЗА, могла бы оказать помощь этим корпусам, так как на стрелковые дивизии противник не совершал налетов.

Отсутствие оперативного маневра зенитной артиллерией в подобных условиях объяснялось недостаточным опытом в управлении ею в ходе такого стремительного наступления подвижных групп. К тому же из-за плохой связи данные о воздушной обстановке в районе действий подвижных соединений поступали в армию и во фронт с большим опозданием, что не давало возможности армейскому и фронтовому командованию своевременно принимать необходимые меры. Вместе с тем подобные случаи показали, что подвижные соединения после ввода их в прорыв нуждались в более значительном усилении зенитной артиллерией, чем стрелковые дивизии, наступавшие за ними.

Судя по опыту некоторых зенитных артиллерийских дивизий, действовавших на главном направлении (в частности, 1-й дивизии), средняя скорость перемещения их полков вслед за войсками была очень низкой: 4,7 км/ч при действиях со стрелковыми дивизиями и 3,7 км/ч — с танковым корпусом⁶. Перемещение полков в основном совершалось побатарейно ночью. Из-за недостатка автотранспорта приходилось перемещаться в два рейса в условиях плохих дорог и снежных заносов в малонаселенной местности, поэтому полки иногда оставали от прикрываемых войск. При активных действиях вражеской авиации это отставание могло бы иметь серьезные последствия для успеха наступления.

С 19 ноября по 1 декабря 1942 года зенитные средства войск, образовавших внутренний фронт окружения, обстреляли 324 цели (преимущественно одиночные самолеты и малые группы) и сбили 44 самолета. Кроме того, 5 самолетов противника были сбиты ружейно-пулеметным огнем войск и 29 самолетов — огнем зенитной артиллерии и пулеметов 5 ТА, образовавшей внешний фронт окружения с запада. Помимо этого на аэродромах противника советские войска захватили 167 самолетов, в большинстве подбитых огнем зенитной артиллерии.

23 ноября 1942 года в ходе контрнаступления войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов завершили окружение 6-й армии и части сил 4-й танковой армии противника. Однако уничтожить эту огромную 300-тысячную группировку врага без оперативной паузы не удалось. С 24 ноября немцы перешли к снабжению окруженной группировки по воздуху, используя большое количество хорошо оборудованных аэродромов и посадочных площадок, находившихся в кольце окружения и вне воздействия нашей артиллерии. Для этой цели в начале декабря германское командование сосредоточило до 300 транспортных самолетов, преимущественно типа Ю-52, перебросив их с аэродромов, расположенных против нашего Северо-Западного фронта, из Германии, а впоследствии даже с о. Сицилия. Одновременно противник снял для отправки под Сталинград лучшие экипажи с транспортных линий в Западной Европе и инструкторский состав авиационных школ.

В КОНЦЕ ноября и особенно в начале декабря транспортная авиация противника, используя близость аэродромов (основной аэродром и базы снабжения находились в Тацинской), обеспечивавшую внезапность прорыва в кольцо окружения, совершала полеты главным образом днем одиночными самолетами и мелкими группами в два—три самолета на высотах до 1500—3000 м и без воздушного прикрытия. С перебазированием нашей истребительной авиации на аэродромы, расположенные западнее района окружения, противник изменил свою тактику: с целью распыления сил наших истребителей он перешел к одновременным полетам несколькими группами, прикрывая каждую из них четырьмя—шестью Ме-109.

В середине декабря группировка транспортной авиации состояла уже почти из 1000 самолетов⁷. К этому же времени внешний фронт окружения отодвинулся далеко на запад, и авиация противника была вынуждена действовать с глубинных аэродромов, а ее истребители лишились возможности прикрывать транспортные самолеты. Кроме Ю-52 для снабжения войск противник стал широко использовать боевые машины Хе-111 и Ю-88, имевшие большую скорость и лучшую защиту. С этого времени транспортные самолеты действовали в основном ночью, а днем совершали полеты при неблагоприятных метеорологических условиях. При этом они очень часто не

производили посадки на аэродромы, сбрасывая грузы на парашютах. Отказ от посадки в кольце окружения лишил противника возможности эвакуации раненых, а сбрасывание грузов на парашютах, особенно ночью, нарушало организованный характер и без того скудного снабжения его войск. По расчетам гитлеровцев, предполагаемый среднесуточный расход продовольствия, боеприпасов и горючего окруженными войсками составлял 946 т⁸. Однако за 70 дней снабжения по воздуху войска в среднем за сутки получали по 94 т, т. е. в 10 раз меньше⁹.

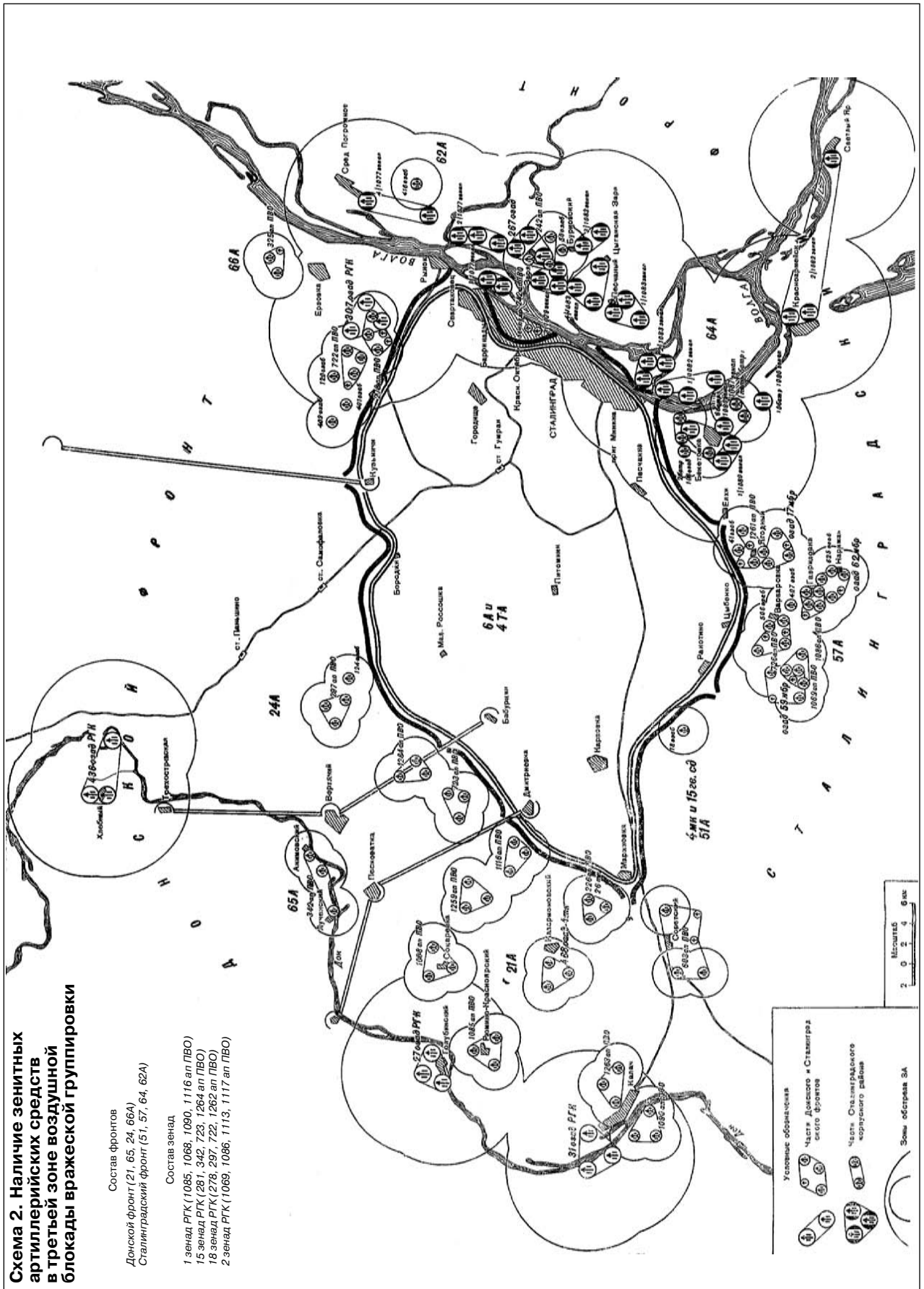
Организуя воздушную блокаду немецких войск под Сталинградом, советское командование учло недостатки блокады демянской группировки противника. Это сказало на результатах: планы немцев срывались четко организованной советскими войсками блокадой. Действуя совместно, Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, войсковая зенитная артиллерия, Войска противовоздушной обороны получили богатый опыт решения проблемы изоляции вражеской группировки с воздуха.

Как же была организована воздушная блокада немецко-фашистских войск под Сталинградом?

Для борьбы с авиацией противника от 8-й и 16-й воздушных армий были привлечены по одному истребительному и одному штурмовому полку, которые действовали с полевых площадок-засад: Качалинская, Котлубань (16 ВА) и Бузиновка (8 ВА). Кроме того, для уничтожения вражеской транспортной авиации в районе окружения стала привлекаться полевая и зенитная артиллерия фронтов, а также зенитная артиллерия корпусного района ПВО. По указанию командующего корпусным районом ПВО для обеспечения действий войск фронтов и воспрепятствования посадки самолетов противника на Центральный аэродром к 3 декабря 1942 года из-за Волги были перемещены 11 зенитных батарей. Блокада аэродромов Воропоново и Басаргино была поручена южной оперативной группе, батарее которой располагались в районе Горная Поляна и Елхи.

Но этих мер оказалось недостаточно. В течение первой половины декабря вражеская авиация усилила свою активность, ежедневно совершая до 300 самолетопролетов к окруженным войскам.

НАШЕ командование разработало более стройную систему воздушной блокады, в соответствии с которой были организованы четыре зоны борьбы с авиацией противника: непосред-

ственно на аэродромах, находившихся за внешним фронтом окружения; в воздухе между внешним и внутренним фронтами окружения; с использованием зенитной артиллерии фронтов и корпусного района ПВО; непосредственно в кольце окружения.

Активность и результативность в первой зоне обеспечивались действиями 17 ВА и соединений АДД, а с конца декабря 1942 года и 8 ВА. Так, сильноному воздействию нашей авиации подверглись аэродромы противника в Морозовском, Тацинской, Сальске, Новочеркасске и Ростове. Наиболее характерный пример — удар фронтовой авиации по аэродрому Сальск 9 января, наносившийся семью самолетами Ил-2 во главе с капитаном Бахтиным в сопровождении авиаэскадрильи истребителей ЯК-1 под командованием старшего лейтенанта Белоусова. Здесь, по данным воздушной разведки, скопилось более 300 транспортных и боевых единиц вражеской авиации. Первая атака наших самолетов была внезапной, дерзкой и исключительно умелой. Последующие пять заходов советские летчики совершали также весьма удачно с поражением ранее определенной цели. В результате были уничтожены 72 немецких транспортных самолета на аэродроме и сбиты 3 истребителя противника в воздухе. Наши потери составили 4 самолета¹⁰.

Во второй зоне задачи выполняла истребительная авиация. Зона была круговой, делилась на пять секторов, в каждом из которых базировалось по одной авиационной дивизии от 16-й и 8-й воздушных армий. Кроме того, в пятом секторе на аэродромах Большие Чапурники и Бекетовка находились истребители 102 иад ПВО¹¹.

Третья зона представляла собой 8—10-километровую полосу, прилегающую к кольцу окружения.

В четвертой зоне вражеская транспортная авиация в воздухе уничтожалась истребителями, на аэродромах — огнем полевой и зенитной артиллерии, ударами бомбардировщиков. Здесь действовали 16-я и 8-я воздушные армии и специально выделенный ночной полк 102 иад ПВО. Днем аэродромы противника блокировались истребителями, ночью — самолетами По-2. При включении противником ночных световых стартов дежурившие в воздухе наши легкие бомбардировщики По-2 сразу же сбрасывали по этим аэродромам бомбы. Так, 30 ноября 1942 года ночными бомбардировщиками самолетов По-2 на аэродромах и посадочных площадках были выведены из строя 15 Ю-52, 1 декабря — 13,

10-го — 31, 11-го — 58. Всего за время воздушной блокады на аэродромах и площадках четвертой зоны были уничтожены и выведены из строя 250 самолетов противника¹².

Боевая работа многочисленных средств (авиации дальнего действия, фронтовой авиации, полевой и зенитной артиллерии), привлеченных для осуществления воздушной блокады, потребовала их тесного взаимодействия. Прежде всего была организована служба наблюдения за воздухом. Визуальные посты наблюдения корпусного района ПВО и войск были выставлены по единой схеме. Данные о воздушной обстановке поступали на главный пост района ПВО, с него — в штаб Донского фронта и штабы воздушных армий. Штабы армий, танковых корпусов и стрелковых дивизий оповещались непосредственно ротными и батальонными постами воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) корпусного района, располагавшимися в 25—30 км от внешнего фронта окружения. Отдельные из них имели радиостанции для передачи данных о наличии в воздухе транспортных самолетов¹³.

В начале декабря в третьей зоне находились четыре зенитных артиллерийских дивизии (зенад) РГК, 7 отдельных полков ПВО и три дивизиона зенитной артиллерии среднего калибра (схема 2). Обстановка потребовала переместить одну зенад на внешний фронт окружения. По этой причине воздушная блокада в полосе 57-й армии оказалась ослабленной, и противник этим незамедлительно воспользовался. Его транспортные самолеты стали летать в основном с этого направления. Чтобы создать более глубокую зону огня зенитной артиллерии, сюда были переброшены зенитная артиллерийская группа из 16 батарей среднего калибра, входивших в состав корпусного района ПВО, и несколько фронтовых батарей малого калибра. По состоянию на 20 декабря 1942 года в третьей зоне было сосредоточено: зенитных пулеметов — 241; зенитных орудий среднего и малого калибра — 395¹⁴, из них 146 орудий принадлежали корпусному району ПВО и распределялись по 62, 64 и 57-й армиям.

В полосе 62 А зенитная артиллерия корпусного района ПВО уничтожала транспортную авиацию из-за Волги, с основных позиций. В полосах действий 57-й и 64-й армий она была включена в зенитные артиллерийские группы армий и действовала совместно с частями зенитной артиллерии и зенитных пулеметов армий фрон-

та. Усиление зенитных средств армий за счет зенитной артиллерии корпусного района ПВО позволило сократить интервалы между батареями до 1,5—2 км, что увеличило плотность огня с этого направления в 1,5 раза. Плотность зенитной артиллерии по всему периметру кольца окружения на 1 км фронта составляла 0,5—4 орудия малого калибра, 1—3 орудия среднего калибра.

Для обеспечения стрельбы зенитной артиллерии ночью были выделены 44 зенитных прожектора.

Между зенитными средствами и истребительной авиацией было организовано четкое взаимодействие. Днем в простых метеословиях и при хорошей видимости летчики имели право входить в зону огня зенитной артиллерии. Во всех других случаях действия истребителей в зоне огня зенитной артиллерии запрещались.

В январе 1943 года 106-й отдельный батальон ВНОС с РЛС «Редут» был передислоцирован в г. Калач-на-Дону. Данные о воздушной обстановке заблаговременно передавались от станции по радио на командный пункт 102 иад ПВО, на главные посты ВНОС Донского фронта и корпусного района ПВО. Это способствовало вводу в строй истребителей на дальних рубежах, помогало заранее готовить исходные данные для стрельбы зенитной артиллерии. Кроме того, наличие радиолокационной станции позволило перейти от непрерывного дежурства в воздухе к дежурству на аэродромах.

В течение декабря зенитная и полевая артиллерия, истребительная и бомбардировочная авиация уничтожили под Сталинградом (на аэродромах и в воздухе) свыше 700 самолетов противника¹⁵.

В РЕЗУЛЬТАТЕ умелой организации воздушной блокады с активным участием всех родов авиации во взаимодействии с наземными войсками вражеская авиационная группировка, созданная из транспортных и бомбардировочных самолетов для доставки грузов окруженным войскам, уже к январю 1943 года была в значительной степени разгромлена.

10 января началась операция по ликвидации окруженных войск противника. С началом нашего наступления повысилась интенсивность действий транспортной авиации немцев. Как уже говорилось, для помощи своим войскам противник даже перебросил с о. Сицилия на аэродромный узел Таганрог эскадру особого назначения, состоявшую из транспортных самолетов. Находившиеся в кольце окружения аэродромы по мере продвижения

наших соединений сначала попали под обстрел артиллерии, а затем занимались войсками. Утратив лучшие аэродромы (Б. Россошка, Питомник, Басаргино), противник 20 января пытался организовать массовые полеты авиации на аэродромный узел Гумрак, но, потеряв за один день 20 машин, отказался от посадки самолетов в кольцо блокады и перешел исключительно к сбрасыванию грузов на специальных парашютах. С этого времени и без того очень скудное снабжение окруженных войск противника по воздуху было полностью нарушено. По мере продвижения советских войск кольцо окружения сжималось, плотность зенитных орудий на 1 км фронта увеличивалась. В январе она составляла в среднем по фронту 2,5 пушки среднего, 2,6 малого калибра и 3 зенитных пулемета. 24 января советские войска захватили последний немецко-фашистский аэродром, а 2 февраля закончилось уничтожение группировки противника.

В результате боев с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года огнем зенитных средств были сбиты 139 самолетов на внутреннем фронте и 134 самолета на внешнем фронте окружения.

Истребительная авиация воздушных армий фронтов на Сталинградском направлении с 23 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года произвела около 3760 самолетов-вылетов для прикрытия войск и 1740 — для перехвата самолетов противника¹⁶. За этот период при выполнении различных задач она сбита 467 самолетов, из них 250 транспортных Ю-52.

Таким образом, с начала контрнаступления и до ликвидации Сталинградской группировки противника истребительной авиацией и зенитной артиллерией фронтов были сбиты 740 самолетов¹⁷, из них 36,9 проц. — зенитной артиллерией и 63,1 проц. — истребительной авиацией.

Части Сталинградского корпусного района ПВО в ходе всей битвы на Волге сбили 649 самолетов противника, из них 329 — истребительной авиацией этого района, а 320 — его зенитной артиллерией и зенитными пулеметами, в том числе 146 самолетов в период с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года.

За образцовое выполнение боевых задач указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 года Сталинградский корпусной район ПВО (командующий полковник Е. Райнин) и 102-я истребительная авиационная дивизия (полковник И. Красногорченко, с октября 1942 г. — пол-

**Командующий
Сталинградским корпусным
районом ПВО Е. Райнин**

ковник И. Пунтус) были награждены орденами Красного Знамени.

При ликвидации войск противника на его аэродромах в кольце окружения были захвачены 744 поврежденных и неисправных самолета, большинство которых, как показало обследование, были выведены из строя огнем истребительной авиации и зенитных средств. Это свидетельствует о том, что потери немецкой авиации под Сталинградом фактически были гораздо больше потерь, учитываемых по количеству сбитых самолетов.

ОПЫТ подготовки и ведения противовоздушной обороны войск в контрнаступлении под Сталинградом был использован не только в последующих наступательных операциях Великой Отечественной войны, но и в послевоенные годы при разработке требований к новым образцам вооружения войск ПВО СВ (не только высокие огневые, но и высокие маневренные возможности), при создании организационно-штатной структуры войск ПВО СВ, при разработке принципов их боевого применения и т.д.

Этот опыт актуален и в настоящее время, так как последние полтора десятка лет упор делается на изучение и исследование в основном оборонительных операций. Выросло целое поколение командиров, воспитанных на идеях только обороны. Хотя на самом деле решительный разгром противника, победа в войне могут быть достигнуты только проведением наступательных (контрнаступательных) операций обще-

войсковыми объединениями во взаимодействии с объединениями (соединениями) видов Вооруженных сил и родов войск (сил), причем одна из главных ролей в достижении целей таких операций в современных условиях принадлежит надежной противовоздушной обороне войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 683.

² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1958. Т. 2. С. 41, 42.

³ Советские ВВС в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Сб. документов. № 1. С. 34.

⁴ Во второй половине 1942 г. советская промышленность уже наладила массовое производство вооружения. Появилась возможность увеличить количество частей зенитной артиллерии. Встал вопрос, как лучше их использовать при прикрытии войск. В этих целях начали создаваться зенитные артиллерийские дивизии в составе четырех полков, каждый из которых состоял из трех батарей, вооруженных 37-мм зенитными пушками, и двух рот, имевших по 10 зенитных пулеметов ДШК каждая. Всего в дивизии насчитывались 48 зенитных пушек и 80 зенитных пулеметов. Однако сформированные дивизии имели серьезный недостаток — в их составе не было батарей, вооруженных зенитными орудиями среднего калибра. Почти все выпускавшиеся промышленностью 85-мм зенитные пушки шли на формирование и перевооружение зенитной артиллерии Войск противовоздушной обороны страны. Острая нехватка во фронтах зенитной артиллерии среднего калибра в значительной степени ослабила противовоздушную оборону войск.

⁵ Сборник материалов по изучению опыта войны. 1943. № 6. С. 92.

⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12552. Д. 34. Л. 13—29.

⁷ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 74.

⁸ Дерт Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 114.

⁹ Там же. С. 117.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 118418. Д. 10. Л. 8, 9.

¹¹ Там же. Ф. 102, иад. Оп. 601885. Д. 2. Л. 118, 119.

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 3. М., 1964. С. 383.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 9, корп. ПВО. Оп. 708621. Д. 1. Л. 103.

¹⁴ Там же. Ф. 206. Оп. 278. Д. 17. Л. 267, 292.

¹⁵ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 74.

¹⁶ Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в цифрах. М.: Воениздат, 1962. С. 13.

¹⁷ ПВО войск в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.: Воениздат, 1973. С. 115.

Полковник В.И. ТКАЧЕВ

КОМАНДАРМЫ Великой Отечественной войны

В.Я. Качалов

К.М. Качанов

Н.Я. Кириченко

Н.И. Кирюхин

Н.К. Клыков

Г.К. Козлов

Д.Т. Козлов

П.М. Козлов

К.С. Колганов

Т.К. Коломиец

Дмитрий Тимофеевич Козлов в Советско-финляндскую войну командовал стрелковым корпусом. В 1940 году — генерал-лейтенант, командующим войсками Закавказского округа, затем — Закавказского и Крымского фронтов. После снятия с должности в августе—октябре 1942 года командовал 24-й армией, а после освобождения от этой должности был заместителем командующего войсками ряда военных округов.

Владимир Яковлевич Колпакчи в 1941 году — генерал-майор, начальник штаба округа, затем — армии. С октября 1941-го ко-

мандовал 18-й армией, был начальником штаба фронта. С июля 1942-го последовательно командовал четырьмя армиями (62, 30, 63 и 69-й). Наиболее успешно дейст-

К 60-летию Победы

вовал в Висло-Одерской и Берлинской операциях. Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1961). Погиб в авиационной катастрофе в 1961 году.

Иван Степанович Конев с началом войны возглавил 19-ю армию, которой командовал до сентября 1941 года. В октябре руководимые им войска Западного фронта потерпели тяжелое поражение под Вязьмой.

Затем И.С. Конев командовал войсками Калининского и Западного, а с лета 1943 года — Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов, которые отличились в Курской битве, Битве за Днепр, в наступательных операциях завершающего периода войны. Удостоен звания Маршала Советского Союза, стал дважды Героем Советского Союза, награжден орденом Победы.

Иван Терентьевич Коровников в начале войны был заместителем командира танковой дивизии, командовал оперативной группой. С апреля 1942 по май 1945 года — командующий 59-й армией. В Новгородско-Лужской и других операциях проявил высокое ис-

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 1, 2.

В.Я. Колпакчи

И.С. Конев

П.П. Корзун

А.А. Коробков

И.Т. Коровников

А.Н. Крутиков

Н.И. Крылов

В.Д. Крюченкин

А.С. Ксенофонов

А.М. Кузнецов

В.Н. Курдюмов

П.А. Курочкин

И.Г. Лазарев

К.Н. Леселидзе

А.И. Лопатин

кусство маневра войсками в трудных условиях лесисто-болотистой местности. После войны возглавлял Центральное автотракторное управление. Генерал-полковник (1955).

Константин Аполлонович Коротеев с октября 1941 по апрель 1942 года командовал 12-й армией, с сентября 1942-го до конца войны еще четырьмя армиями — 9, 18, 37 и 52-й. Генерал-полковник. Удостоен звания Героя Советского Союза (1945).

Федор Яковлевич Костенко хорошо проявил себя, командуя 26-й армией в приграничных сражениях в начале войны. До сентября 1941 года он являлся командар-

мом на Юго-Западном фронте. Зимой 1942-го, будучи заместителем командующего войсками этого фронта, возглавлял оперативную группу в Елецкой наступательной операции. Погиб в бою под Харьковом в мае 1942 года.

Яков Григорьевич Крейзер войну начал командиром 1-й Московской мотострелковой дивизии, полковником. Один из первых в 1941 году удостоен звания Героя Советского Союза. С августа 1941-го успешно командовал тремя армиями (3, 51 и 2-й гвардейской). После войны командовал войсками округа, был начальником курсов «Выстрел». Генерал армии (1962).

Николай Иванович Крылов возглавлял оперативный отдел и штаб Приморской и 62-й армий, оборонявших Одессу, Севастополь и Сталинград. С июля 1943 года командовал 21-й и 5-й армиями, принимавшими участие в прорыве укрепленных рубежей в Белорусской, Восточно-Прусской и Маньчжурской операциях. Дважды Герой Советского Союза (апрель, сентябрь 1945), генерал-полковник (1944). После войны — командующий войсками ряда округов. В 1963—1972 гг. — главком Ракетных войск стратегического назначения. Маршал Советского Союза (1962).

К.А. Коротеев

Г.П. Коротков

Ф.Я. Костенко

Г.П. Котов

Я.Г. Крейзер

В.И. Кузнецов

Ф.И. Кузнецов

Г.И. Кулик

Ф.Д. Кулишев

В.В. Курасов

М.Ф. Лукин

А.А. Лучинский

В.Н. Львов

И.М. Любовец

И.И. Людников

Василий Иванович Кузнецов войну встретил командующим армией на Западном фронте. Затем прошел боевой путь от Москвы до Берлина. Руководимая им 1-я ударная армия особо отличилась при отражении попытки немецких частей форсировать канал Москва—Волга в районе Яхромы, 3-я ударная — при штурме Берлина. Командуя армиями, В.И. Кузнецов умело организовывал подготовку и ведение общевойскового боя и операции. Герой Советского Союза (1945).

Владимир Васильевич Курасов в ходе войны был начальником штаба армии, с марта 1942 года по апрель

1943 года командовал 4-й ударной армией. Затем возглавлял штабы ряда фронтов. После войны руководил Военной академией Генерального штаба, занимал высокие штабные и командные должности. Звание генерала армии ему присвоено в 1948 году. Герой Советского Союза (1965).

Павел Алексеевич Курочкин хорошо показал себя, командуя стрелковым корпусом в Советско-финляндскую войну. В начале Великой Отечественной 20-я армия под его командованием умело действовала в Смоленском сражении. Затем он командовал 43, 11, 34-й армиями, войсками

фронта. С апреля 1944 года, возглавляя 60-ю армию, искусно управлял войсками в ходе маневренных действий при проведении операций завершающего периода войны. Герой Советского Союза (1945). Генерал армии (1959).

Александр Александрович Лучинский и **Иван Ильич Людников** — выдающиеся командующие армиями. Особенно отличились в Белорусской и Маньчжурской операциях. В числе немногих награждены тремя орденами Суворова I-й степени. В годы войны стали генерал-полковниками и были удостоены звания Героя Советского Союза.

Таблица

Биографические данные командующих армиями в годы Великой Отечественной войны

Воинское звание (в конце службы)	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год вступления в РККА	Участие в предыдущих боевых действиях	Военное образование	Должность и звание в начале войны (на 22 июня 1941 г.)	Какой армией и когда командовал	Присвоение званий	С какой должности и когда уволен из Вооруженных сил
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал-лейтенант	Качалов Владимир Яковлевич	1890—1941	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1935)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	28 А (июнь—август 1941)		Погиб в бою 4 августа 1941 г.
Генерал-майор	Качанов Кузьма Максимович	1901—1941	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе	Заместитель начальника штаба военного округа. Генерал-майор	34 А (август—сентябрь 1941)		Расстрелян в сентябре 1941 г.
Генерал-лейтенант	Кириченко Николай Яковлевич	1895—1973	1918	Первая мировая	Курсы при Военной академии механизации и моторизации	Командир механизированного корпуса. Генерал-майор	51 А (май—июнь 1942), 12 А (сентябрь 1942)	Генерал-лейтенант (1942)	Начальник Высшей кавалерийской школы; 1949 г.
Генерал-лейтенант	Кирюхин Николай Иванович	1896—1953	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1927)	Помощник начальника штаба округа. Генерал-майор	20 А (ноябрь—декабрь 1942)	Генерал-лейтенант (1944)	Начальник кафедры вуза; 1953 г.
Генерал-лейтенант	Клыков Николай Кузьмич	1888—1968	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы при Военной академии имени М.В. Фрунзе (1929)	Помощник командующего войсками округа. Генерал-лейтенант	32 А (июль—август 1941), 52 А (август 1941—январь 1942), 2 УА (январь—апрель, июль—декабрь 1942)		Заместитель командующего войсками округа
Генерал-лейтенант	Козлов Георгий Кириллович	1903—1970	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Начальник отдела боевой подготовки армии. Полковник	19 А (май 1943—март 1945)	Генерал-лейтенант (1944)	Заместитель начальника Военной академии тыла и транспорта
Генерал-лейтенант	Козлов Дмитрий Тимофеевич	1896—1967	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1928)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	24 А (август—сентябрь 1942)		Заместитель командующего войсками округа; 1954 г.
Генерал-лейтенант	Козлов Петр Михайлович	1893—1944	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926)	Начальник курса Академии Генерального штаба РККА. Генерал-майор	9 А (май—июнь 1942), 37 А (июнь 1942—май 1943), 47 А (июль—август 1943)	Генерал-лейтенант (1944). Герой Советского Союза (1943)	Умер в 1944 г.
Генерал-лейтенант	Колганов Константин Степанович	1896—1981	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе	Начальник отдела Главного разведывательного управления. Генерал-майор	47 А (февраль—май 1942)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1944)	Заместитель начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе; 1964 г.
Генерал-лейтенант	Коломиец Трофим Калинович	1894—1971	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1927). Курсы при Академии Генерального штаба РККА (1941)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-майор	51 А (июль—сентябрь 1942)	Генерал-лейтенант (1943)	Заместитель командующего армией; 1964 г.
Генерал армии	Колпакчи Владимир Яковлевич	1899—1961	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1928)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	18 А (октябрь—ноябрь 1941), 62 А (июль—август 1942)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1944). Генерал армии (1961)	Заместитель начальника Главного управления боевой подготовки

Маршал Советского Союза	Конев Иван Степанович	1897—1973	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1934)	Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Генерал-лейтенант	30 А (ноябрь 1942 — май 1943), 63 А (май 1943 — март 1944), 69 А (апрель 1944 — май 1945) 19 А (июнь—сентябрь 1941)	Герой Советского Союза (1945)	Погиб в авиакатастрофе (1961)
Генерал-лейтенант	Корзун Павел Петрович	1892—1943	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1936)	На преподавательской работе в Военной академии имени М. В. Фрунзе	3 А (май 1942 — июнь 1943), 47 А (март—сентябрь 1943)	Генерал-лейтенант (1942)	Погиб в бою 16 сентября 1943 г.
Генерал-майор	Коробков Александр Андреевич	1897—1941		Советско-финляндская		Командующий армией. Генерал-майор	4 А (июнь—июль 1941)		Расстрелян в 1941 г. Реабилитирован в 1957 г.
Генерал-полковник	Коровников Иван Терентьевич	1902—1976	1919	Гражданская	Военная академия механизации и моторизации (1937)	Заместитель командира танковой дивизии	59 А (апрель 1942 — май 1945)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1955)	Начальник Центрального автотракторного управления; 1963 г.
Генерал-полковник	Коротеев Константин Аполлонович	1901—1953	1918	Гражданская. Советско-финляндская	Курсы «Выстрел» (1926)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-майор	12 А (октябрь 1941 — апрель 1942), 9 А (сентябрь 1942 — февраль 1943), 18 А (март—май 1943), 37 А (май—июль 1943), 52 А (июль 1943 — май 1945)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1945)	Командующий войсками округа
Генерал-лейтенант	Коротков Геннадий Петрович	1898—1982	1918	Гражданская	Курсы «Выстрел» (1936)	Командир дивизии. Полковник	53 А (октябрь 1942 — февраль 1943), 1 УА (февраль 1943 — апрель 1944), 22 А (апрель 1944 — июль 1945)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943)	Начальник штаба округа; 1958 г.
Генерал-лейтенант	Костенко Федор Яковлевич	1896—1942	1918	Гражданская	Курсы усовершенствования начальствующего состава при Академии Генерального штаба РККА (1941)	Командир кавалерийского корпуса. Генерал-лейтенант	26 А (июнь 1940—сентябрь 1941)		Заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта. Погиб в бою 27 апреля 1942 г. под Харьковом
Генерал-лейтенант	Котов Григорий Петрович	1902—1944	1919	Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1936)	Командир стрелковой дивизии. Полковник	47 А (май—октябрь 1942)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1944)	Погиб в бою в 1944 г.
Генерал армии	Крейзер Яков Григорьевич	1905—1969	1921		Курсы «Выстрел» (1931). Курсы при Военной академии Генерального штаба РККА имени К. Е. Ворошилова (1942)	Командир мотострелковой дивизии. Полковник	3 А (август—декабрь 1941), 2 гв. А (октябрь—ноябрь 1942; февраль—июнь 1943), 51 А (август 1943 — май 1945)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1941)	Начальник курсов «Выстрел»

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал-лейтенант	Крутиков Алексей Николаевич	1895—1949	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931). Академия Генерального штаба РККА (1938)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	7 А (январь 1943 – август 1944)	Генерал-лейтенант (1943)	Начальник управления ВУЗов МО; умер в 1949 г.
Маршал Советского Союза	Крылов Николай Иванович	1903—1972	1919	Гражданская	Курсы «Выстрел» (1928)	Начальник штаба укрепрайона. Полковник	21 А (июль 1943 – сентябрь 1943), 5 А (октябрь 1943 – октябрь 1944 и декабрь 1944 – сентябрь 1945).	Генерал-майор (1941), Генерал-лейтенант (1943), Генерал-полковник (1944), Генерал армии (1963), Маршал Советского Союза (1962). Дважды Герой Советского Союза (апрель, сентябрь 1945)	Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения
Генерал-лейтенант	Крюченкин Василий Дмитриевич	1894—1976	1918	Первая мировая. Гражданская	Ускоренный курс Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (1943)	Командир кавалерийской дивизии. Генерал-майор	28 А (июль 1942), 4 ТА (август–октябрь 1942), 69 А (март 1943–март 1944), 33 А (апрель–июль 1944)	Генерал-лейтенант (1943)	Заместитель командующего войсками округа; 1945 г.
Генерал-лейтенант	Ксенофонов Александр Сергеевич	1895—1966	1919	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1929)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-майор	53 А (апрель–октябрь 1942)	Генерал-лейтенант. Герой Советского Союза (1945)	Помощник командующего войсками округа; 1953 г.
Генерал-майор	Кузнецов Алексей Михайлович	1898—1961					3 А, 1 УА, 63 А (7 гв. А), 51 А (июнь–июль и сентябрь–октябрь 1942)		Начальник Курсов усовершенствования командного состава; 1961 г.
Генерал-полковник	Кузнецов Василий Иванович	1894—1964	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командующий армией. Генерал-лейтенант	3 А (июнь 1941), 21 А (август–октябрь 1941), 58 А (ноябрь 1941), 58А (ноябрь 1941), 1 УА (ноябрь 1941 – май 1942), 63 А (июль–ноябрь 1942), 1 гв. А (декабрь 1942 – декабрь 1943), 3 УА (март–июнь 1945)	Генерал-полковник (1941). Герой Советского Союза (1945)	Командующий войсками округа; 1960 г.
Генерал-полковник	Кузнецов Федор Исидорович	1898—1961	1918	Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926)	Командующий войсками округа. Генерал-полковник	21 А (10–26 июля 1941), 51 А (август–ноябрь 1941), 61 А (ноябрь–декабрь 1941)	Генерал-полковник (1941)	Командующий войсками округа; 1948 г.
Маршал Советского Союза	Кулик Григорий Иванович	1890—1950	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932)	Заместитель народного комиссара обороны. Маршал Советского Союза	54 А (август–сентябрь 1941), 4 гв. А (апрель–сентябрь 1943)	Маршал Советского Союза (1940, лишен звания в 1942). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-майор (1945). Герой Советского Союза (1940, лишен звания в 1942). В 1957 г. восстановлен в званиях Маршала Советского Союза и Героя Советского Союза	Заместитель командующего войсками округа. С 1946 г. в отставке. Необоснованно репрессирован в 1947 г. Расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1957 г.
Генерал-майор	Кулишев Федор Данилович	1896—1983	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе		6 А (июнь–август и сентябрь–декабрь 1944)		Генеральный инспектор по ВУЗаМ; 1964 г.

Генерал армии	Курасов Владимир Васильевич	1897—1973	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932), Академия Генерального штаба РККА (1938)	Начальник направления Генерального штаба. Полковник	4 УА (март 1942 – апрель 1943)	Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1948). Герой Советского Союза (1965)	Представитель Главного командования Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора; 1968 г.
Генерал-лейтенант	Курдюмов Владимир Николаевич	1895—1970	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-Финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1925)	Заместитель командующего войсками Западного особого военного округа. Генерал-лейтенант	66 А (5–15 августа 1942)	Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1948). Герой Советского Союза (1965)	Заместитель главного инспектора Сухопутных войск
Генерал армии	Курочкин Павел Алексеевич	1900—1989	1918	Гражданская. Советско-Финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932), Академия Генерального штаба РККА (1940)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	20 А (июль–август 1941), 43 А (август 1941), 11 А (ноябрь 1942 – март 1943), 34 А (март–июнь 1943), 60 А (апрель 1944 – май 1945)	Генерал-полковник (1943). Генерал армии (1959). Герой Советского Союза (1945)	Начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе; 1970 г.
Генерал-лейтенант	Лазарев Иван Гаврилович	1898—1979	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1929)	Заместитель командира механизированного корпуса. Генерал-майор танковых войск	55 А (сентябрь–ноябрь 1941)	Генерал-лейтенант (1943)	Начальник кафедры Военной академии бронетанковых войск; 1958 г.
Генерал-полковник	Леселдзе Константин Николаевич	1903—1944	1921		Курсы усовершенствования командного состава (1929)	Начальник артиллерии корпуса. Полковник	46 А (август 1942 – январь 1943), 47 А (январь–март 1943), 18 А (март 1943 – февраль 1944)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1971, посмертно)	Умер в 1944 г.
Генерал-лейтенант	Лопатин Антон Иванович	1897—1965	1918	Гражданская	Курсы усовершенствования командного состава (1927)	Командир кавалерийской дивизии. Генерал-майор	37 А (октябрь 1941 – июнь 1942), 9 А (июнь 1942), 62 А (август 1942), 11 А (март–июль 1943), 20 А (сентябрь–октябрь 1943)	Генерал-лейтенант (1942). Герой Советского Союза (1945)	1954 г.
Генерал-лейтенант	Лукин Михаил Федорович	1892—1970	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы усовершенствования командного состава (1926)	Командующий армией. Генерал-лейтенант	16, 19, 20 А (июнь–октябрь 1941)		В 1941 г. попал в плен. Освобожден из плена в 1945 г. Уволен в 1946 г.
Генерал-полковник	Лучинский Александр Александрович	1900—1990	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1940)	Командир дивизии. Полковник	28 А (май 1944 – май 1945), 36 А (июнь–сентябрь 1945)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1945)	Первый заместитель главного инспектора МО; 1964 г.

1	Генерал-лейтенант	Львов Владимир Николаевич	1897—1942	1918	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия РККА (1924)	Заместитель командующего войсками округа. Генерал-лейтенант	51 А (декабрь 1941 — май 1942)	8	9	10
2	Генерал-майор	Лобовцев Илья Михайлович	1899—1975	1918	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	8 А (июль—август 1941)	39 А (май 1944 — сентябрь 1945)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1944). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1943)	Будучи командиром 51 ск, попал в плен в августе 1944 г. Преподаватель Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова; 1948 г.
3	Генерал-полковник	Людников Иван Ильич	1902—1976	1918	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1938)	Командир стрелковой дивизии. Полковник	39 А (май 1944 — сентябрь 1945)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1944). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1943)	Начальник факультета Военной академии генерального штаба; 1968 г.	Погиб в бою в Крыму в мае 1942 г.

(Продолжение следует)

 Генерал-лейтенант в отставке **Е.И. МАЛАШЕНКО**

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ АКАДЕМИИ — 65 ЛЕТ

29 марта 1940 года на основе выделенных из состава Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского нескольких факультетов была образована Военная академия командного и штурманского состава ВВС Красной армии. Местом ее дислокации избрали подмосковный поселок Момино, где к тому времени уже был построен аэродром и имелась соответствующая материальная база. За годы Великой Отечественной войны здесь прошли обучение около 3000 авиационных командиров, многие из которых стали видными военачальниками, Героями Советского Союза, а генералы А.В. Ворожейкин, В.Г. Рязанов, Е.П. Федоров удостоились этого высокого звания дважды.

18 августа 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи в подготовке командных кадров для Военно-воздушных сил академия была награждена орденом Красного Знамени, а в феврале 1968-го — орденом Кутузова 1-й степени. В ее стенах с 1940 по 2005 год получили путевку в небо, а некоторые и в космос, свыше 25 тыс. выпускников-слушателей; более 1900 преподавателей, адъюнктов, научных сотрудников и соискателей защитили докторские и кандидатские диссертации.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1968 года академия была удостоена права носить имя Героя Советского Союза Ю.А. Гагарина.

Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина по праву называют колыбелью отечественной космонавтики. Именно здесь в начале 60-х годов прошлого века впервые стали готовить летчиков-космонавтов. Именно здесь обучались старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт Земли, а также другие первопроходцы космоса — дважды Герои Советского Союза В.А. Шаталов, Г.Т. Береговой, П.И. Климук, А.В. Филиппенко, А.А. Губарев, В.В. Коваленок, Ю.В. Романенко.

В настоящее время учебный фонд академии включает 11 учебных корпусов общей площадью свыше 13,2 тыс. кв. м, в ней созданы учебно-лабораторная база, центр информатизационных технологий, библиотека на 550 тыс. томов, типография, автоматизированные информационно-справочные системы на базе современных ЭВМ, большой спортивный комплекс и бассейн.

В разные годы прославленный вуз возглавляли известные авиационные военачальники: генерал-майор авиации З.М. Померанцев (март—октябрь 1940); генерал-лейтенант Ф.К. Арженухин (1940—1941), генерал-лейтенант авиации (с 1944 г. маршал авиации) Ф.А. Астахов (1942), генерал-лейтенант авиации Я.С. Шкурин (1942—1944), генерал-лейтенант авиации П.П. Иванов (1944—1946), маршал авиации Ф.Я. Фалалеев (1946—1950), генерал-лейтенант авиации С.А. Пестов (1950—1956), маршал авиации С.А. Красовский (1956—1968), маршал авиации С.И. Руденко (1968—1973), генерал-полковник авиации (с 1981 г. маршал авиации) Н.М. Скоморохов (1973—1988), генерал-полковник авиации Б.Ф. Корольков (1988—1997), генерал-полковник В.П. Козлов (1997—2001). С 2002 года начальником Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина является кандидат военных наук, профессор генерал-полковник А.Н. Барсуков.

Полковник М.А. БОБРОВ,
кандидат исторических наук, профессор
(пгт. Момино Московской обл.)

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ США ПРОТИВ СССР

В Москве, в Выставочном зале федеральных архивов, состоялась церемония передачи Российским фондом культуры Государственному архиву РФ подлинных документов Мюнхенского института по изучению СССР (1950—1972), созданного представителями второй волны российской эмиграции Николаем Троицким, Абдурахманом Авторхановым, Александром Филиповым и др. Эти документы, быть может впервые, раскрывают на фактической основе сложнейшие противоречия эпохи «холодной войны»: с одной стороны, желание русской эмиграции понять, чем живет Советский Союз, объективно оценить ситуацию в Советской России со всеми ее достоинствами и недостатками, а с другой — стремление американских спецслужб использовать институт для стратегической разведки и идеологической войны против СССР.

Среди передаваемых документов распоряжения по институту и меморандумы «американских советников» (некоторые из них согласно документам были полковниками ЦРУ), протоколы заседаний ученого совета (последний датирован маем 1972 г.), отчеты о научной деятельности института, переписка с университетами и отдельными учеными из США, Германии и других стран, материалы ежегодных научных конференций и т.д. — всего 69 папок документов. Любопытно, что под грифом «секретно» сохранился отчет о переписке с видными советскими писателями и учеными, чьи биографии были помещены в выпущенном институтом справочнике «Кто есть кто в СССР». Материалы поступили в Государственный архив Российской Федерации — крупнейший в стране центр хранения документов по истории российской эмиграции. Собрание архивов такого рода является одним из приоритетных направлений деятельности ГАРФ. С 1992 года архив принимает участие в реализации программы «Возвращение архивной России». В результате собрано около 5000 дел, из которых сформировано 20 фондов. В ГАРФ начал складываться комплекс документов представителей второй волны российской эмиграции.

Генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов:

«Мы управляли военно-медицинским делом, объем и трудности которого были огромны»

10 ОКТЯБРЯ 2004 года исполнилось 100 лет со дня рождения генерал-полковника медицинской службы академика АМН СССР Ефима Ивановича Смирнова, выдающегося организатора и теоретика военной медицины и отечественного здравоохранения, автора многих научных трудов, в том числе по истории медицины и военной эпидемиологии.

Жизненный путь Е.И. Смирнова был непростым, а порой и драматичным. Выходец из рабочей семьи, он с семилетнего возраста трудился на стекольном заводе, но все же сумел окончить школу и поступить на рабфак. По окончании рабфака в Омске в 1928 году стал слушателем Военно-медицинской академии в Ленинграде, которую окончил в апреле 1932 года¹. В его служебном аттестате при выпуске из ВМА сказано: «Член ВКП(б). Успеваемость хорошая... Обладает качествами командира. Выдержан. Дисциплинирован. Имеет благодарность за примерную работу во взводе. Пользуется авторитетом среди слушателей... Военно-санитарная подготовка хорошая. Может быть использован на самостоятельной врачебной работе. Подлежит выпуску по 1-му разряду»².

В 1932—1938 гг. Е.И. Смирнов служил войсковым врачом, был начальником курса слушателей ВМА, короткое время работал помощником начальника отдела кадров Санитарного управления Красной армии, одновременно обучался на вечернем отделении Военной академии имени М.В. Фрунзе. Вспоминая эти годы, Е.И. Смирнов отмечал, что академия привила ему интерес к истории военной медицины, и сетовал на отсутствие там курса медицинского обеспечения боевых действий войск, крайне необходимого руководителям медицинской службы³.

Вскоре после окончания акаде-

Е.И. Смирнов
1942 г.

К 60-летию Победы

мии Е.И. Смирнова назначают начальником военно-санитарного отдела Ленинградского военного округа. Затем он возглавил Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) Красной армии.

На этом посту Ефим Иванович при поддержке руководства НКО и Генштаба проделал большую работу по совершенствованию организации военно-медицинской службы. Так, по его предложению 13 сентября 1940 года на систему военно-медицинской службы возложили учет, распределение и назначение военно-врачебных кадров (ранее этим занималось Главное управление кадров НКО), были введены новые военно-учетные специальности, в том числе старшая операционная сестра, ГВСУ получил право заниматься вопросами снабжения медицинским и санитарно-хозяйственным имуществом в военное время. С учетом опыта боевых действий наших войск в 1939—1940 гг. были внесены серьезные изменения в штатно-организационную структуру войскового и армейского звена медицинской службы, что, по мнению Е.И. Смирнова, позволило в целях экономии все силы и средства сконцентрировать в руках вышестоящего медицинского

начальника. Изменились штаты батальонного пункта медицинской помощи: врача заменил фельдшер. Пункты сбора легкокораненых при дивизионных и корпусных обменных пунктах, куда шел обратный порожняк транспорта подвоза, были ликвидированы; теперь легкокораненые подлежали эвакуации в медико-санитарные батальоны дивизий, которые усилили личным составом и имуществом. Полевые подвижные госпитали были исключены из состава дивизий и включены в состав армейских госпиталей. Это мероприятие резко увеличило возможности армейской медицинской службы в осуществлении лечебно-эвакуационного маневра. Изменилось соотношение между госпитальными койками для терапевтических больных и раненых, была признана недопустимой эвакуация больных за пределы армейского и фронтового тыловых районов, что явилось одной из главнейших основ успешной — в будущем — противоэпидемической защиты войск на фронте и в тылу.

Крупной личной заслугой Е.И. Смирнова явилось развитие положений единой полевой военно-медицинской доктрины, принципы которой были определены им еще до войны, а также создание Ученого медицинского совета Красной армии, сыгравшего значительную роль в ходе Великой Отечественной войны.

К сожалению, реорганизацию военно-медицинской службы к июню 1941 года полностью завершить не удалось, тем не менее начало войны она встретила, можно сказать, во всеоружии.

Разумеется, реорганизация военно-медицинской службы не обходилась без конфликтных ситуаций. С началом войны они, естественно, участились. Так, Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своем предисловии к книге Е.И. Смирнова «Война и военная медицина» (1976, 1979) отмечал, что его поначалу удивила слишком широкая осведомленность

**Члены ученого медицинского совета при Главном военно-санитарном управлении РККА
1941 г.**

фонды и экспозиции дают наглядное представление о всех сторонах деятельности военно-медицинской службы в ходе войны. В Военно-медицинском музее сохранены документы о лечении в военных госпиталях миллионов раненых и больных, на основании которых ведется огромная работа по социально-правовой поддержке и защите ветеранов.

Заслуги военно-медицинских работников в годы войны высоко оценены государством. Десятки тысяч медиков были удостоены государственных наград, в том числе более 50 человек — звания Героя Советского Союза, получили награды и многие руководители медицинской службы фронтов. Е.И. Смирнов был награжден орденом Кутузова 1-й степени, а в 1978 году стал Героем Социалистического Труда.

ВЕСЬ период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы Ефим Иванович Смирнов возглавлял Главное военно-санитарное (с 1946 г. Главное военно-медицинское) управление. Заботясь об эффективности управленческого аппарата, он реорганизовал систему главных специалистов в центре и на фронтах. Позже он писал: «Чтобы учесть достижения клинической медицины и сделать их достоянием раненых и больных, мы создали роты медицинского усиления, создали институт главных специалистов, в котором работали лучшие специалисты страны. Главным хирургом был Н.Н. Бурденко и главным терапевтом М.С. Вовси. Мы почти оголили Военно-медицинскую академию, взяли всех начальников кафедр хирургии главными хирургами фронтов. В Главном военно-санитарном управлении работало много профессоров из Военно-медицинской академии, и в их числе В.Н. Шамов, С.С. Гирголав и Д.А. Энтин... В октябре весь состав Главного военно-санитарного управления был отправлен в Куйбышев, в Москве нас остались считанные единицы, и мы управляли военно-медицинским делом, объем и трудности которого были огромны»¹². Это подтвердил и Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «Я знал руководящий состав ГВСУ и главных специалистов. Последние были известны своими трудами не только в нашей стране, но и за ее пределами... Все они превосходно знали свое дело, отличались большим трудолюбием и чувством ответственности за порученное дело»¹³.

начальника ГВСУ о положении дел на фронтах, чего якобы ему и знать не полагалось. Однако потом выяснилось, что информация не только о текущей боевой обстановке, но и о ее вероятной ближайшей перспективе начальнику ГВСУ необходима, чтобы иметь представление о возможном числе раненых и развертывании госпиталей⁴.

Конечно, не всегда и не во всем Е.И. Смирнов находил понимание и поддержку. Так, накануне тяжелых оборонительных боев летом 1942 года ГКО принял предложение заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко, ведавшего вопросами формирования и укомплектования войск, о сокращении госпитальной сети, чего как раз делать было нельзя. Е.И. Смирнову не удалось тогда отстоять свою точку зрения⁵. Когда же количество санитарных потерь стало резко возрастать, в высших эшелонах власти вынуждены были прислушаться к мнению Смирнова и прекратить дальнейшее расформирование и свертывание эвакуационных госпиталей, да еще и добавить 125 тыс. коек. Всего же на протяжении 1943 года дополнительно было развернуто 359 тыс. коек⁶. В этом немалая заслуга и Е.И. Смирнова, который практически всегда умел аргументированно доказать свою правоту, не прячась за спины старших начальников⁷.

САМОЙ важной заслугой Е.И. Смирнова как руководителя военно-медицинской службы наших Вооруженных Сил (1939—1947, 1955—1960), а также как министра здравоохранения страны (1947—1953) явился его конкретный вклад в разработку и внедрение в практику научно обоснованных принципов развития медицинской науки. Ефим

Иванович был твердо убежден, что военная медицина должна содействовать обеспечению людскими резервами действующей армии.

В годы Великой Отечественной войны через военно-лечебные учреждения прошли более 22 млн. солдат и офицеров, свыше 17 млн. из них было возвращено в строй, а из числа раненых после излечения более 10,5 млн. продолжали сражаться с врагом⁸.

Надо отметить, что этого удалось добиться во многом благодаря тому, что была изменена организация специализированной медицинской помощи раненым на фронте и в тылу. Е.И. Смирнов боролся за создание специализированных госпиталей в тылу страны, но лишь в тех городах, где имелись специалисты-клиницисты, т.е. там, где были соответствующие условия или клиники кафедр высших медицинских учебных заведений⁹.

В ходе Великой Отечественной войны, особенно в ее первом периоде, Е.И. Смирнов постоянно проводил курс на практическую реализацию положений военно-медицинской доктрины¹⁰, что прежде всего выражалось в создании системы этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению. Е.И. Смирнов требовал, несмотря на неимоверные препятствия и трудности, вести энергичную борьбу, как он говорил, с извозчиками от медицины, шаблоном, строить свою работу в зависимости от конкретной боевой обстановки¹¹.

По инициативе Е.И. Смирнова в 1942 году началось создание Военно-медицинского музея Наркомата обороны СССР. Туда поступали истории болезни из всех лечебных военно-медицинских учреждений. В настоящее время его

Е.И. Смирнов в 6-й гвардейской армии
1943 г.

На заседании ученого медицинского совета
1943 г.

Если в первый период войны большой проблемой была эвакуация госпиталей, то затем не меньшей стала их реэвакуация с востока. Эту задачу приходилось решать на самом высоком государственном уровне: постановления о формировании новых госпиталей принимал ГКО. Росло и общее количество госпитальных коек¹⁴, в том числе и в тылу страны, где заканчивали лечение раненые и больные, по выздоровлении возвращавшиеся к мирному труду¹⁵.

Е.И. Смирнов систематически бывал на фронтах, где знакомился с обстановкой, намечал необходимую передислокацию госпиталей. Так было, например, при подготовке Белорусской операции 1944 года. По личному указанию Е.И. Смирнова значительную часть госпиталей, подчинявшихся ГВСУ, было решено сосредоточить на стыке 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, что, как показали последующие события, оказалось мерой весьма предусмотрительной¹⁶.

В тяжелые послевоенные годы Е.И. Смирнова как опытного организатора назначают министром здравоохранения СССР. На новой должности ему с коллективом своих единомышленников довелось поднимать из руин в буквальном смысле слова всю систему здравоохранения. Надо отметить, он многое успел сделать, но сфабрикованное дело врачей помешало дальнейшей работе. В январе 1953 года Е.И. Смирнов был снят с должности министра с формулировкой: «за политическую беспечность».

В последующие годы Е.И. Смирнов возглавлял Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова, Главное военно-медицинское управление МО СССР, а с 1960 го-

да являлся начальником одного из управлений Министерства обороны. На действительной военной службе он состоял более 60 лет.

Признанием научных заслуг Ефима Ивановича стало избрание его членом-корреспондентом АМН СССР (1945), затем действительным членом АМН СССР (1948), а также почетным членом королевского медицинского общества Канады, общества военных врачей США.

Скончался Е.И. Смирнов 6 октября 1989 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Леонов И.Т.* Ефим Иванович Смирнов. М.: НИО «Квартет», 1995. С. 8.

² *Алексамян И.В., Кнопов М.Ш.* Руководители медицинской службы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Медицина, 1992. С. 56—57.

³ *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 1939—1945 гг. 2-е изд. М.: Медицина, 1979. С. 23.

⁴ Там же // *Василевский А.М.* Предисловие. С. 5—6.

⁵ Ветераны Великой Отечественной войны за круглым столом редакции «Военно-медицинского журнала» // *Воен.-мед. журн.* 1975. № 5. С. 75—78.

⁶ *Смирнов Е.И.* Указ. соч. С. 5—6.

⁷ Там же. С. 244.

⁸ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993. С. 137.

⁹ *Смирнов Е.И.* Указ. соч. С. 66.

¹⁰ *Смирнов Е.И.* Военная медицина // Сорок лет советского здравоохранения. 1957. С. 342.

¹¹ Претворение в жизнь военно-медицинской доктрины, титаническая, самоотверженная работа военных медиков позволили вернуть на

фронт более 72 проц. из числа раненых и 90 проц. из числа заболевших солдат и офицеров действующих войск. Впервые в истории войн в действующей армии удалось предотвратить возникновение эпидемий. К сожалению, велико число безвозвратных и санитарных потерь среди военно-медицинских работников Красной армии, исчисляемое десятками тысяч, в том числе и попавших во вражеский плен, особенно в 1941—1942 гг.

¹² *Вестник АМН СССР.* 1975. № 11. С. 37. Надо отметить, что одной из главных трудностей того периода была работа по эвакуации наших госпиталей на восток. Дело в том, что И.В. Сталин запрещал заблаговременную эвакуацию госпиталей. Это стало одной из причин того, что в 1941—1942 гг. было потеряно огромное число военно-госпитальных учреждений, особенно летом 1942 года на Северном Кавказе. Так, из 254 госпиталей на 125 тыс. коек, работавших на территории Сталинградской и Ростовской областей, Ставропольского и Краснодарского края, удалось переместить в наш тыл лишь 127 на 65 тыс. коек (см.: *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 1939—1945 гг. С. 170).

¹³ *Василевский А.М.* Указ. соч. С. 6.

¹⁴ В госпиталях общевойсковых армий было, как правило, 8500—9000 коек, в госпитальных базах фронтов — 70—85 тыс. коек.

¹⁵ Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1993. С. 412.

¹⁶ *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 1939—1945 гг. С. 318.

Полковник медицинской службы
А.А. БУДКО;
полковник медицинской службы
запаса А.М. БАРАНОВСКИЙ;
полковник медицинской службы
в отставке И.Т. ЛЕОНОВ

О ПОТЕРЯХ СОВЕТСКИХ ГЕНЕРАЛОВ И АДМИРАЛОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1991–2004 гг.
на страницах «Военно-
исторического журнала»

публиковались

биографические сведения о генералах и адмиралах, погибших в годы Великой Отечественной войны (см. Воен.-истор. журнал. 1991. № 10; 1992. № 9, 10, 12; 1993. № 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1994. № 1, 2, 4, 6; 2000. №5; 2004. №5). Эти публикации вызвали живой отклик читателей, в редакцию поступали письма с просьбами подробнее рассказать об этих людях. Исследование было продолжено, и сегодня появилась возможность уточнить количество погибших военачальников, а также дополнить в ряде случаев сведения о них.

ЕСЛИ ранее считалось, что из числа погибших генералов 52 были Героями Советского Союза, то теперь выяснилось, что Героями были 63 человека, причем 63-м стал генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, в 1996 году удостоенный звания Героя Российской Федерации (посмертно).

Погибшие военачальники – Герои Советского Союза:

Генералы армии: Н.Ф. Ватулин (6.5.1965, посмертно), Д.Г. Павлов (21.6.1937), И.Д. Черняховский (дважды: 17.10.1943 и 29.7.1944); генерал-полковники: М.П. Кирпоснос (21.3.1940), К.Н. Леселидзе (13.5.1971, посмертно), Г.М. Штерн (29.8.1939); генерал-лейтенанты М.Г. Ефремов (31.12.1996, посмертно), П.М. Козлов (17.10.1943); генерал-лейтенанты авиации: Г.П. Кравченко (дважды 22.2.1939 и 29.8.1939), И.И. Проскуров (21.6.1937), Е.С. Птухин (21.3.1940), П.И. Пумпур (4.7.1937), П.В. Рычагов (31.12.1936), Я.В. Смушкевич (дважды: 21.6.1937 и 17.11.1939); генерал-лейтенант артиллерии Д.И. Турбин (7.4.1940); генерал-

лейтенант инженерных войск Д.М. Карбышев (16.8.1946, посмертно); генерал-лейтенанты танковых войск: В.М. Алексеев (13.9.1944), Е.Г. Пушкин (9.11.1941); генерал-майоры: Б.Н. Аршинцев (16.5.1944, посмертно), А.Г. Бабаян (31.5.1945, посмертно), И.И. Блажевич (28.4.1945), Ф.А. Бобров (28.4.1945, посмертно), И.В. Васильев (29.6.1945, посмертно), А.А. Вашкевич (26.10.1943), Л.Н. Гуртьев (27.8.1943, посмертно), С.С. Гурь-

К 60-летию Победы

ев (19.4.1945), И.В. Давыдов (31.5.1945, посмертно), Л.М. Доватор (21.12.1941), В.Г. Жолудев (11.11.1944), А.Я. Киселев (23.5.1945, посмертно), М.Е. Козырь (17.5.1944), А.И. Королев (25.10.1943), Л.В. Косоногов (16.5.1944, посмертно), Т.С. Кулаков (16.5.1944, посмертно), И.С. Лазаренко (21.7.1944), А.В. Лапшов (27.3.1942), А.И. Лизюков (5.8.1941), В.Н. Марцинкевич (6.4.1945), И.В. Панфилов (12.4.1942), М.П. Петров (21.6.1937), К.И. Ракутин (5.5.1990, посмертно), С.У. Рахимов (6.5.1965, посмертно), С.В. Руднев (4.1.1944), И.П. Сиваков (22.7.1944), В.В. Скрыганов (6.4.1945, посмертно), Я.Я. Фогель (10.4.1945), В.Г. Чернов (6.4.1945), И.М. Шепетов (9.11.1941); генерал-майоры авиации: И.Д. Антошкин (20.5.1940), И.И. Копец (21.6.1937), Ф.Г. Коробков (14.6.1942, посмертно), Н.А. Остряков (14.6.1942, посмертно), И.С. Полбин (дважды: 23.11.1942 и 6.4.1945), Н.А. Токарев (21.4.1940), Г.И. Тхор (26.6.1991, посмертно), С.А. Черных (31.12.1936), Э.Г. Шахт (31.12.1936); генерал-майоры танковых войск: А.А. Асланов (дважды: 22.12.1942 и 21.6.1991, посмертно), М.И. Зинькович (17.11.1943, посмертно), В.А. Копцов (17.11.1939), В.В. Луппов (10.1.1944), В.К. Максимов (17.10.1943), Д.Д. Погодин (31.12.1936).

КРАНЕЕ опубликованным спискам погибших и умерших в годы войны были сделаны уточнения и дополнения, которые мы приводим. При этом сначала дается уже опубликованный материал и ссылка на год и номер «Военно-исторического журнала», а затем – поправки и дополнения. Для удобства пользования сохранена прежняя нумерация.

18. Герой Советского Союза генерал-майор **Асланов Ази Агадович**, 1910 года рождения. Командир 35-й гвардейской танковой бригады 1-го Прибалтийского фронта. Умер от ран 25 января 1945 года. Похоронен в г. Баку (Воен.-истор. журнал. 1991. № 10. С. 42–43).

Дважды Герой Советского Союза (22.12.1942 и 21.6.1991, посмертно). Согласно указу Президента СССР от 21 июня 1991 года второе награждение было произведено «За успешное руководство боевыми действиями бригады и личный героизм в ходе операции «Багратион».

71. Генерал-майор танковых войск **Гольцев Николай Дмитриевич**, 1897 года рождения. Начальник отдела автобронетанковых войск 18-й армии Южного фронта. Арестован и осужден. Трагически погиб в 1942 году. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1992. № 9. С. 24–25).

Родился 12 декабря 1897 года в Москве. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командовал ротой. Окончил курсы усовершенствования комсостава (КУКС – 1924) и Бронетанковые командные курсы РККА (1930). Награжден орденом Красного Знамени (1920), орденом Красной звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики (1923), золотым оружием (1924) и медалью «XX лет РККА» (1938). В 1931–1936 гг. командовал танковым полком. С ноября 1938 года – начальник автобронетанковых войск (АБТВ) Житомирской армейской группы войск. В 1940 году – начальник автобронетанковых войск Прибалтийского Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны – начальник отдела АБТВ 18-й армии Южного фронта. Арестован в

А.А. Асланов

Н.Д. Гольцев

В.С. Гончаров

А.Т. Григорьев

К.М. Гусев

1941 году. Осужден по ложным обвинениям Особым совещанием при НКВД СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 года. Реабилитирован в 1955 году.

72. Генерал-майор артиллерии **Гончаров Василий Сафронович**, 1894 года рождения. Командующий артиллерией 34-й армии Северо-Западного фронта. Арестован и осужден. Трагически погиб в сентябре 1941 года. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1992. № 9. С. 24–25).

На военной службе с 1915 года. Участник Гражданской войны. Командовал артвзводом и батареями. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1920–1930-е гг. командовал дивизионом и артполком, в 1940–1941 гг. был начальником артиллерии 35-го стрелкового корпуса, затем – армейской кавгруппы. В начале Великой Отечественной войны – начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта (СЗФ). 11 сентября 1941 года расстрелян «во внесудебном порядке» в деревне Заборовье по решению уполномоченного ГКО – заместителя наркома обороны Л.З. Мехлиса. Реабилитирован 15 октября 2002 года.

78. Генерал-майор войск связи **Григорьев Андрей Терентьевич**, 1889 года рождения. Начальник войск связи Западного фронта. Репрессирован. Трагически погиб в 1941 году. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет. (Воен.-истор. журнал. 1992. № 10. С. 19).

Арестован 4 июля 1941 года. 22 июля приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в преступном бездействии, трусости и паникерстве. Расстрелян в тот же день. Похоронен на подмосковном полигоне НКВД. Реабилитирован 31 июля 1957 года².

83. Генерал-лейтенант авиации **Гусев Константин Михайлович**, 1906 года рождения. Командующий Военно-воздушными силами Дальневосточного фронта. Репрессирован. Трагически погиб. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1992. № 10. С. 20).

В РККА с 1926 года. С июля 1930 года командовал авиационным отрядом, а с ноября 1931 по июль 1937 года – командир 9-й штурмовой эскадрильи.

Участник Гражданской войны в Испании (с осени 1936 по июль 1937 г.). Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. С июля 1937 года командовал ВВС Белорусского военного округа. Депутат Верховного Совета СССР и БССР. В 1941 году командовал ВВС Дальневосточного фронта. Арестован в июле 1941 года по обвинению в измене Родине и военном заговоре. Отверг все ложные обвинения. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 года. Реабилитирован в 1954 году³.

103. Генерал майор инженерно-технической службы **Ермолаев Владимир Григорьевич**, 1908 года рождения. Главный конструктор завода № 134. Умер 5 января 1945 года. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1992. № 12. С. 8).

Генерал-майор инженерно-технической службы (19.8.1944) В.Г. Ермолаев являлся главным конструктором дальнего бомбардировщика Ер-2. Награжден орденом Суворова 2-й степени. Умер от тяжелой болезни 31 декабря 1944 года. 5 января 1945 года состоялись его похороны, и в тот же день был опубликован в газетах некролог.

106. Генерал-лейтенант **Ефремов Михаил Григорьевич**, 1897 года рождения. Командующий 33-й армией Западного фронта. В окружении в районе д. Жары Смоленской области, будучи тяжело раненым, во избежание пленения 19 апреля 1942 года покончил жизнь самоубийством. Похоронен в г. Вязьме Смоленской области. (Воен.-истор. журнал. 1992. № 12. С. 9).

Родился 27 февраля 1897 года в г. Тарусе. В 1915 году призван в армию, окончил учебную команду и школу прапорщиков. В 1917 году вступил в Красную гвардию. С февраля 1918 года – в РККА. В период Гражданской войны командовал ротой, батальоном, полком, группой бронепоездов. Окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии и Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1937 по 1940 год командовал войсками ряда военных округов. С января 1941 года – первый заместитель генерал-инспектора пехоты РККА. В Великую Отечественную войну командовал 21-й армией, войсками Центрального фронта, был за-

местителем командующего Брянским фронтом. С октября 1941 по апрель 1942 года командовал 33-й армией. Герой Российской Федерации (1996, посмертно). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красного Знамени Азербайджанской ССР.

112. Генерал-полковник **Захаркин Иван Григорьевич**, 1899 года рождения. Командующий войсками Одесского военного округа. Погиб 15 октября 1944 года в результате автомобильной катастрофы. Похоронен в Одессе (Воен.-истор. журнал. 1993. № 1. С. 24).

Родился не в 1899 году, а 27 января 1889 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Военную академию РККА. В 1941–1943 гг. командовал 49-й армией, а в 1943–1944 гг. был заместителем командующих войсками Центрального и Белорусского фронтов. С марта 1944 года командовал войсками Одесского военного округа. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова и орденом Красной Звезды.

115. Генерал-майор танковых войск **Зинькович Митрофан Иванович**, 1900 года рождения. Герой Советского Союза. Командир 6-го гвардейского танкового корпуса Брянского фронта. Умер от ран в сентябре 1943 года. Похоронен в г. Прилуки Черниговской области (Воен.-истор. журнал. 1993. № 1. С. 24).

В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны, похода Красной армии в Западную Белоруссию (сентябрь 1939), Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). В Великой Отечественной войне с 1942 года. Командир 6-го гвардейского танкового корпуса Воронежского фронта М.И. Зинькович 22–24 сентября 1943 года «умело руководил форсированием Днепра у г. Григоровки и захватом плацдарма обеспечил переправу всех частей корпуса. Погиб в бою 24 сентября 1943 года»⁴. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени.

117. Контр-адмирал **Зуйков Николай Иванович**, 1900 года рождения. Заместитель начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота. Погиб в сентябре

В.Г. Ермолаев

М.Г. Ефремов

И.Г. Захаркин

М.И. Зинькович

Н.И. Зуйков

А.И. Колпаков

И.И. Копец

А.А. Коробков

Л.В. Косоногов

А.А. Котляров

1942 года. Похоронен в Санкт-Петербурге (Воен.-истор. журнал. 1993. № 1. С. 24).

Родился 6 января 1901 года в Санкт-Петербурге. В РККА с 1919 года. В ВМФ с 1924 года. Окончил Военно-морскую академию (1932 г.). Начальник разведотдела (март 1938 – октябрь 1939 г.), заместитель начальника Главного морского штаба ВМФ (1939), начальник 1-го (разведывательного) управления ВМФ

А.М. Лавров

Я.О. Лагодюк

А.И. Лизюков

Я.И. Липлавский

(1939–1941). В годы Великой Отечественной войны заместитель начальника военно-морских учебных заведений ВМФ (сентябрь–декабрь 1941 г.). С декабря 1941 года – начальник Каспийского высшего военно-морского училища. Погиб при исполнении служебных обязанностей 3 сентября 1942 года. Похоронен в Ленинграде на Коммунистической площадке Александрово-Невской лавры⁶.

119. Генерал-лейтенант **Зыгин Алексей Иванович**, 1896 года рождения. Командующий 4-й гвардейской армией. Погиб в бою 27 сентября 1943 года. Похоронен в Полтаве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 1. С. 24).

С первых дней Великой Отечественной войны А.И. Зыгин командовал 174 сд 27-й армии. В августе 1941 года он вышел из окружения, но узнав, что ос-

новные силы его дивизии остались в кольце, вновь перешел линию фронта и вывел из окружения своих подчиненных. Затем командовал 58, 39 и 4-й гвардейской армиями. В боях за Днепр 27 сентября 1943 года генерал-лейтенант А.И. Зыгин подорвался на mine⁶.

137. Генерал-майор **Качанов Кузьма Максимович**, 1901 года рождения. Командующий 34-й армией. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет. (Воен.-истор. журнал. 1993. № 3. С. 2).

В РККА с 1918 года, командовал ротой и батальоном, был начальником штаба полка. После окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе (1932 г.) служил в штабе Ленинградского военного округа (ЛВО). С июля

1937 по июнь 1941 года – заместитель начальника штаба ЛВО. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. В августе–сентябре 1941 года – командующий 34-й армией. Арестован 12 сентября 1941 года, 27 сентября военным трибуналом Северо-Западного фронта приговорен к расстрелу, а 29 сентября приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован в декабре 1957 года.

141. Генерал-лейтенант **Кленов Петр Семенович**, 1894 года рождения. Начальник штаба Северо-Западного фронта. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1993. № 3. С. 2).

Арестован в июле 1941 года, осужден Особым совещанием при НКВД

А.И. Зыгин

К.М. Качанов

П.С. Кленов

В.Е. Климовских

Н.А. Клич

Г.П. Котов

Г.П. Кравченко

Г.И. Кузьмин

Т.С. Кулаков

И.Д. Курманов

В.Н. Мазур

Ф.Г. Маляров

И.П. Маслов

Р.Н. Моргунов

Заместитель начальника тыла Краснознаменного Балтийского флота, состоявший в распоряжении главнокомандующего Военно-морского флота. Умер 10 сентября 1944 года. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 4. С. 2).

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

155. Герой Советского Союза генерал-майор авиации **Копец Иван**

Иванович, 1908 года рождения. Командующий Военно-воздушными силами Западного фронта. Закончил жизнь самоубийством 23 июля 1941 года (Воен.-истор. журнал. 1993. № 4. С. 3).

В РККА с 1927 года. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков и Качинскую военную авиационную школу летчиков, курсы усовершенствования начсостава при Академии Генерального штаба РККА. В 1936–1937 гг. летчик-истребитель старший лейтенант И.И. Копец воевал в Испании. В июне 1937 года представлен к званию Героя Советского Союза. В представлении говорилось: «Старший лейтенант Копец – бесстрашный летчик-истребитель, героически дравшийся с фашистской авиацией с первых дней гражданской

СССР, расстрелян 23 февраля 1942 года. Реабилитирован в 1956 году.

142. Генерал-майор **Климовских Владимир Ефимович**, 1895 года рождения. Начальник штаба Западного фронта. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1993. № 3. С. 2).

Награжден орденом Красного Знамени. Арестован 8 июля 1941 года, 22 июля приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в трусости, бездействии и паникерстве. Расстрелян в тот же день. Похоронен на подмосковном полигоне НКВД. Реабилитирован 31 июля 1957 года.

143. Генерал-лейтенант **Клич Николай Александрович**, 1895

года рождения. Начальник артиллерии Западного фронта. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет (Воен.-истор. журнал. 1993. № 3. С. 2).

Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Арестован 8 июля 1941 года. 17 сентября приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в преступной халатности, в результате которой большая часть артиллерии Западного фронта и боеприпасов попала к противнику. Расстрелян 16 октября 1941 года. Похоронен на подмосковном полигоне НКВД. Реабилитирован 31 июля 1957 года.

152. Генерал-майор интендантской службы **Колпаков Архип Иванович**, 1892 года рождения.

войны в Испании... В качестве командира группы истребителей И-15 тов. Копец участвовал почти во всех воздушных боях над Мадридом. Он имеет более 300 часов боевого налета. Лично им сбиты три «хейнкеля» и два «фиата». Тов. Копец по праву занимает одно из первых мест среди лучших летчиков истребительной авиации, боевая слава которых широко распространена не только в воздушных, но и в наземных частях республиканской армии». И.В. Сталин лично утвердил представление к награде, зачеркнув при этом звание «старший лейтенант» и вписав «полковник»⁹. Таким образом, 21 июня 1937 года Копец был удостоен звания Героя Советского Союза, получил сразу звание полковника и должность заместителя командующего ВВС Ленинградского военного округа. В Советско-финляндской войне командовал ВВС 8-й армии. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора авиации. Награжден двумя орденами Ленина и орденом Красного Знамени. Накануне войны командовал ВВС Западного Особого военного округа. В первый день войны на аэродромах были уничтожены сотни самолетов этого округа (Западного фронта). Генерал И.И. Копец покончил жизнь самоубийством 23 июня 1941 года.

163. Генерал-майор **Коробков Александр Андреевич**, 1897 года рождения. Командующий 4-й армией Западного фронта. Репрессирован в 1941 году. Посмертно реабилитирован (Воен.-истор. журнал. 1993. № 5. С. 18).

Арестован 9 июля 1941 года. 22 июля приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в преступной халатности, трусости и малодушии. Расстрелян в тот же день. Похоронен на подмосковном полигоне НКВД. Реабилитирован 31 июля 1957 года¹⁰.

168. Герой Советского Союза генерал-майор **Косоногов Лев Васильевич**, 1904 года рождения. Командир 117-й гвардейской стрелковой дивизии 18-й армии Северо-Кавказского фронта. Погиб в ноябре 1943 года (Воен.-истор. журнал. 1993. № 5. С. 19).

«Умело организовал действия частей при высадке на Керченский полуостров и захвате плацдарма. 1–15.11.1943 г. дивизия отбила 11 контратак противника, поддержанных танками и авиацией, нанеся врагу большой урон в живой силе и боевой технике. Погиб 17.11.1943, когда катер подорвался на mine в Керченском проливе»¹¹. Звание генерал-майора присвоено в день гибели 17 ноября 1943 года. Звание Героя Советского Союза присвоено 16 мая 1944 года (посмертно). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета».

173. Генерал-майор **Котляров Александр Андреевич**, 1900 года рождения. Командир 58-й тан-

ковой дивизии Западного фронта. Погиб в ноябре 1941 года. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 6. С. 8).

Звание генерал-майора танковых войск А.А. Котлярову присвоено 7 октября 1941 года. По данным историков И.И. Кузнецова и А.А. Маслова, специально изучавших проблему потерь советского генералитета в годы войны, генерал-майор танковых войск А.А. Котляров не погиб, а застрелился в ноябре 1941 года¹².

174. Генерал-лейтенант **Котов Григорий Петрович**, 1902 года рождения. Командир 6-го гвардейского стрелкового корпуса. Погиб 7 ноября 1944 года во время налета авиации противника. Похоронен в Одессе (Воен.-истор. журнал. 1993. № 6. С. 8).

В РККА с января 1919 года. Участник Гражданской и Советско-финляндской войн. В 1920-е годы командовал ротой и батальоном. После окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе служил на руководящих должностях. В период Великой Отечественной войны командовал 136-й стрелковой дивизией, был начальником штаба 51-й армии, командовал 47-й армией, был заместителем командующего различных армий. С декабря 1943 года командовал 6-м гвардейским стрелковым корпусом. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды¹³. Погиб во время налета американской авиации. Это случилось в районе югославского города Ниш. 7 ноября 1944 года 27 американских истребителей «лайтнинг» ошибочно атаковали советскую автоколонну. Вместе с Г.П. Котовым погибло еще 5 человек¹⁴.

175. Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации **Кравченко Григорий Пантелеевич**, 1912 года рождения. Командующий ударной авиационной группой Ставки Верховного Главнокомандования. Погиб 23 февраля 1943 года в воздушном бою с противником. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены (Воен.-истор. журнал. 1993. № 6. С. 8).

В Красной армии с 1931 г. Окончил Качинскую военную авиационную школу имени А.Ф. Мясникова (1932), курсы усовершенствования комсостава при Академии Генерального штаба (1941). В 1938 году Г.П. Кравченко сражался против японских агрессоров в Китае, сбил несколько японских самолетов, за что 22 февраля 1939 года был удостоен звания Героя Советского Союза. В боях на территории Монголии летом 1939 года майор Г.П. Кравченко командовал истребительным авиаполком и 29 августа награжден второй медалью Золотой Звезда, став первым дважды Героем Советского Союза. В войне с Финляндией (ноябрь 1939 – март 1940 г.) командовал Осо-

бой авиагруппой в Эстонии. 4 июня 1940 года 28-летний Г.П. Кравченко получил звание генерал-лейтенанта авиации. В 1940 году командовал ВВС Прибалтийского военного округа. В Великую Отечественную войну командовал 11-й смешанной авиадивизией (22.6 – 20.12.1941), 215-й истребительной авиадивизией (16.7.1942 – 23.2.1943). В воздушном бою 23 февраля 1943 года его самолет был подбит. Генерал Кравченко выпрыгнул с парашютом, но из-за повреждения вытяжного тросика парашют не раскрылся. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом «Знак Почета».

180. Генерал-майор **Кузьмин Григорий Иванович**, 1895 года рождения. Командир 21-го танкового корпуса Юго-Западного фронта. Погиб 28 мая 1942 года. Данных о месте захоронения не имеется (Воен.-истор. журнал. 1993. № 6. С. 9).

Редакция «Военно-исторического журнала» получила письмо, в котором полковник в отставке К.Г. Будрин изложил обстоятельства гибели Григория Ивановича Кузьмина. «Генерал-майор танковых войск Кузьмин Григорий Иванович 17 апреля 1942 года принял командование 21-м танковым корпусом и погиб смертью храбрых в Харьковском сражении. Танкисты и сам командир корпуса бились с противником в окружении до последнего снаряда и патрона. Когда в корпусе не осталось танков, Кузьмин объединил остаток людей в районе Лозовеньки (20 км юго-западнее Балаклеи Харьковской области) и в ночь на 28 мая повел их на прорыв в пешем строю. Его ударная группа с тяжелыми боями обошла Лозовеньки, прорвалась к Волвенково, где попала под шквальный перекарестный огонь противника. Генерал Кузьмин был тяжело ранен разрывной пулей в живот. Мужественный генерал предпочел смерть плену и покончил с собой»¹⁵.

183. Герой Советского Союза генерал-майор **Кулаков Теодор Сергеевич**, 1900 года рождения. Командир 339-й стрелковой дивизии Кавказского фронта. Погиб в бою в ноябре 1943 года. Похоронен в Краснодаре (Воен.-истор. журнал. 1993. № 6. С. 9).

В РККА с февраля 1918 года. Участник Гражданской войны. В Великой Отечественной войне с июня 1941 года. Командир 339-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта генерал-майор Т.С. Кулаков отличился в Керченско-Эльтигенской десантной операции. Умело руководил частями дивизии при форсировании Керченского пролива, захвате, удержании и расширении плацдарма. 16 ноября 1943 года на подступах к Керчи погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 16 мая 1944 года (посмертно). Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени¹⁶.

189. Генерал-майор **Курманов**

Иван Дмитриевич, 1890 года рождения. Преподаватель Военной академии Генерального штаба. Умер 25 сентября 1942 года. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 7. С. 10).

Академия Генерального штаба РККА имени К.Е. Ворошилова в апреле 1942 года была преобразована в Высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова (см. приказ наркома обороны СССР от 9 апреля 1942 г.)¹⁷. Следовательно, в сентябре 1942 года генерал-майор Курманов преподавал в Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова.

194. Контр-адмирал Лавров Алексей Модестович, 1887 года рождения. Главный редактор редакции специального руководства гидрографического управления Военно-морского флота. Умер 10 июля 1942 года. Похоронен в Омске (Воен.-истор. журнал. 1993. № 7. С. 11).

На военной службе с 1904 года. Инженер-контр-адмирал (4.6.1940). Награжден орденами Российской Империи (Святого Станислава 3-й степени, Святого Станислава 2-й степени, мечами к нему, Святой Анны 3-й степени) и советскими орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Умер 29 июня 1942 года в Омске¹⁸.

195. Генерал-майор Лагодюк Яков Осипович, 1898 года рождения. Заместитель начальника связи 1-го Прибалтийского фронта. Погиб 27 июля 1944 года при артиллерийском обстреле. Похоронен в Даугавпилсе, Латвия (Воен.-истор. журнал. 1993. № 7. С. 11).

Генерал-майор войск связи (13.5.1942).

205. Герой Советского Союза генерал-майор Лизюков Александр Ильич, 1900 года рождения. Командующий 5-й танковой армией Брянского фронта. Погиб в бою 25 июля 1942 года в районе села Медвежье Семилукского района Воронежской области (Воен.-истор. журнал. 1993. № 7. С. 13).

В Великой Отечественной войне А.И. Лизюков был заместителем командира 36-й танковой дивизии, командовал 1-й Московской мотострелковой дивизией. Командующий Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко 5 августа 1941 года докладывал И.В. Сталину: «С 24 июля части Соловьевской переправы на реке Днепр, руководимые полковником Лизюковым, героически неоднократно выбивали из нее противника и самоотверженно восстанавливали переправы. 3–5 августа, организовав части переправы, идя вместе с бойцами в бой, полковник Лизюков и полковой комиссар Тупиков разгромили в несколько раз превосходящего врага, отбросили его, восстановили переправы и дали возможность отходя-

щим частям 16-й и 20-й армий беспрепятственно переправиться через Днепр. За проявленные храбрость и героизм ходатайствуем присвоить звание Героя Советского Союза команданту переправы Лизюкову Александру Ильичу»¹⁹. В тот же день (5 августа 1941 г.) звание Героя было присвоено. Лизюков награжден также двумя орденами Ленина. 10 января 1942 года он стал генерал-майором. Генерал Лизюков командовал 2-м гвардейским стрелковым корпусом (31.12.1941 – 4.4.1942 г.), 2-м танковым корпусом (15.4.1942 – 28.5.1942 г.) и 5-й танковой армией (июнь–июль 1942 г.). Генерал Лизюков погиб в бою близ с. Медвежье Воронежской области. Это случилось при следующих обстоятельствах. 25 июля 1942 года части А.И. Лизюкова понесли большие потери, а 89-й танковый батальон, прорвавшийся вперед, вел неравный бой в окружении. Пытаясь оказать помощь окруженным, генерал Лизюков сел в танк КВ и лично возглавил атаку. Немцы подбили командирский КВ. Лизюков последним покинул подбитый танк и был сражен автоматной очередью²⁰.

206. Генерал-майор Липлавский Яков Иванович, 1897 года рождения. Командир 1-й отдельной запасной бригады химической защиты. Убит случайным выстрелом 23 декабря 1944 года. Похоронен в Иванове (Воен.-истор. журнал. 1993. № 7. С. 13).

Генерал-майор технических войск (22.2.1944).

211. Генерал-майор Мазур Викентий Никитович, 1903 года рождения. Командир 4-го артиллерийского корпуса. Трагически погиб 19 мая 1943 года при исполнении служебных обязанностей на Брянском фронте. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 8. С. 16).

Генерал-майор артиллерии (1.3.1943).

215. Генерал-майор Маляров Федор Гаврилович, 1894 года рождения. Командующий артиллерией 57-й армии Южного фронта. Погиб в бою 25 мая 1942 года. Похоронен в районе ст. Лозовая Харьковской области (Воен.-истор. журнал. 1993. № 8. С. 16).

Генерал-майор артиллерии (4.6.1940).

218. Генерал-майор Маслов Иван Петрович, 1898 года рождения. Заместитель командующего 9-й воздушной армией Дальневосточного фронта. Погиб в авиационной катастрофе 11 апреля 1944 года. Похоронен в братской могиле в районе села Н. Сысоевского Приморского края (Воен.-истор. журнал. 1993. № 8. С. 17).

Генерал-майор авиации (17.10.1942).

229. Генерал-лейтенант Моргунов Родион Николаевич, 1894 года рождения. Начальник

ремонтного управления Главного автобронетанкового управления Красной армии. Погиб 5 марта 1945 года в автомобильной катастрофе. Похоронен в Москве (Воен.-истор. журнал. 1993. № 8. С. 19).

Генерал-лейтенант танковых войск (11.5.1944).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Учетно-послужная карта Н.Д. Гольцева.

² Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М.: Общество «Мемориал» – Издательство «Звенья», 2000. Кн. 1. С. 118.

³ ЦАМО РФ, личное дело К.М. Гусева; Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2000. С. 127.

⁴ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 1987. Т. 1. С. 551.

⁵ Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001. С. 92–93.

⁶ Кузнецов И.И. Судьбы генеральские. Иркутск, 2000. С. 67.

⁷ Расстрельные списки... С. 199.

⁸ Там же.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1154. Л. 26.

¹⁰ Расстрельные списки... С. 213.

¹¹ Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1987. Т. 1. С. 745.

¹² Кузнецов И.И. Указ. соч. С. 171.

¹³ Симонов Ф. Командармы Великой Отечественной. Подольск: Сатурн-С, 1996. С. 82–83.

¹⁴ Воен.-истор. журнал. 1996. № 6. С. 11.

¹⁵ Там же. 1993. № 12. С. 5.

¹⁶ Герои Советского Союза. Т. 1. С. 813.

¹⁷ Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2–2). С. 200.

¹⁸ Лурье В.М. Указ. соч. С. 134.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1318. Л. 153.

²⁰ Родинский Д., Царьков Н. Повесть о братьях. М.: Политиздат, 1976. С. 94–95.

А.А. ПЕЧЕНКИН
Фото предоставлены
А.А. СТЕПАНОВЫМ

(Окончание следует)

В ИНСТИТУТЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ПРОШЛА ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

При Институте военной истории Министерства обороны РФ на постоянной основе действуют два диссертационных совета Д 215.010.01 и ДС 215.039.01. Диссертационный совет Д 215.010.01 имеет право принимать диссертации по специальностям 07.00.02 — отечественная история и 07.00.03 — всеобщая история. Диссертационный совет ДС 215.039.01 принимает диссертационные исследования по специальности 20.02.22 — военная история. В 2004 году в диссертационных советах института было защищено четыре докторские и восемь кандидатских диссертаций.

28 января на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации полковником вооруженных сил Сирийской Арабской Республики Маруаном Харири на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — всеобщая история — на тему «Развитие тактики и оперативного искусства в период израильского вторжения в Ливан в 1982 году и войны в Персидском (Арабском) заливе в 1991 году». Научный руководитель — доктор исторических наук Л.И. Медведко. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.И. Шерemet; доктор исторических наук, профессор Г.И. Коротков. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

11 февраля на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации подполковником Шаговым Андреем Евгеньевичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — всеобщая история — на тему «Исторический опыт организации и проведения вооруженными силами США психологических операций в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов 1980—2000 гг.». Научный руководитель — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник В.А. Гаврилов. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.И. Шерemet; доктор исторических наук, доцент А.Н. Назаров. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

10 марта на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации полковником в отставке Родиным Анатолием Михайловичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — отечественная история — на тему «Политическая, военная и государственная деятельность А.С. Бубнова в 1905—1937 гг.». Научный консультант — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Е.К. Лукашев. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор Ф.Г. Сейранян; доктор исторических наук, профессор Г.И. Коротков; доктор исторических наук, профессор О.В. Золотарев. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

24 марта на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации капитаном 2 ранга Логвиновым Олегом Алексеевичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исто-

рических наук по специальности 07.00.03 — всеобщая история — на тему «Военные аспекты турецко-греческих отношений во второй половине XX столетия». Научный руководитель — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В.А. Яременко. Официальные оппоненты — доктор исторических наук Л.И. Медведко; доктор исторических наук, профессор А.Ш. Кадырбаев. Ведущая организация — Пограничная академия Федеральной службы безопасности РФ.

21 апреля на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации подполковником Крыловым Семеном Владимировичем (Военно-воздушная академия имени Ю.А. Гагарина) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Становление и развитие системы управления воздушным движением авиации Военно-воздушных сил в период 1950—1991 гг.». Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор В.М. Зарецкий. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.С. Бруз; кандидат исторических наук С.Ю. Шукарев. Ведущая организация — 24-е научное экспериментально-исследовательское управление МО РФ.

28 апреля на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации полковником Письменским Геннадием Ивановичем (Военно-инженерная академия) на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Эволюция военно-инженерного искусства. Проблемы и опыт их решения». Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор Р.М. Португальский; доктор исторических наук, профессор А.В. Кириллов; доктор военных наук, профессор В.К. Копытко. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

12 мая на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации подполковником Миркинским Виктором Александровичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — отечественная история — на тему «Военная и научная деятельность Дмитрия Михайловича Карбышева». Научный руководитель — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник А.Г. Шляхтунов. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор А.Т. Климович; доктор военных наук, профессор Г.И. Письменский. Ведущая организация — Институт всеобщей истории РАН.

25 мая на заседании диссертационного совета Д 215.010.01 состоялась защита диссертации Катасоновой Еленой Леонидовной (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 — всеобщая история — на тему «Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945—2003 гг.)». Научный консультант — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор В.А. Золотарев. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.И. Денисов; доктор исторических наук, профессор Г.И. Ко-

ротков; доктор юридических наук, профессор А.Я. Капистин. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

9 июня на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации подполковником Ковердюком Николаем Владимировичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Подготовка летных кадров для фронтовой бомбардировочной авиации в годы Великой Отечественной войны: опыт и уроки». Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор А.Г. Первов. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор А.В. Кириллов; кандидат исторических наук, доцент В.И. Ктиторов. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

22 сентября на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации капитаном 1 ранга в отставке Жуматием Владимировичем Ивановичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Развитие искусства подготовки и ведения морских десантных операций Вооруженных Сил СССР (1918—1945 гг.)». Научный консультант — доктор исторических наук, профессор В.В. Ионов. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.П. Зимонин; доктор исторических наук, профессор Д.Н. Филипповых; доктор военных наук, профессор А.Н. Овечкин. Ведущая организация — Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

8 декабря на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации подполковником Гребенюком Сергеем Владимировичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция 1942 года: опыт и уроки». Научный руководитель — кандидат исторических наук, доцент Б.И. Невзоров. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, доцент В.П. Пляскин; кандидат исторических наук, доцент С.И. Гайкалов. Ведущая организация — Общевойсковая академия Вооруженных сил РФ.

22 декабря на заседании диссертационного совета ДС 215.039.01 состоялась защита диссертации полковником Герасимовым Василием Леонидовичем (Институт военной истории МО РФ) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 20.02.22 — военная история — на тему «Отечественная морская авиация в Первую мировую войну». Научный руководитель — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор В.А. Золотарев. Официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор В.М. Зарецкий; кандидат военных наук, доцент П.А. Банников. Ведущая организация — Военный университет МО РФ.

*Полковник в отставке Н.И. КОБРИН,
ученый секретарь диссертационных
советов при Институте
военной истории МО РФ,
кандидат исторических наук, доцент
(Москва)*

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОПОВА

Решение продовольственной проблемы в годы войны

ВЕЛИКАЯ Отечественная война явилась суровым экзаменатором советской экономике, в том числе социалистическому сельскому хозяйству. Хотя к 1 января 1941 года Красная армия и Военно-морской флот имели 3—4-месячные продовольственные запасы¹, их непродуманное размещение² привело к тому, что страна и ее Вооруженные Силы уже в начале войны начали испытывать трудности с продовольственным снабжением³. Тяжелое положение, складывавшееся с продовольствием, заставило правительство принять весьма жесткие меры по его распределению, которое стало осуществляться под непосредственным руководством Государственного Комитета Обороны (ГКО). 1 июля 1941 года правительством был образован Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии под руководством первого заместителя председателя СНК А.И. Микояна, который в тесном контакте с Тылом Вооруженных Сил, в частности Управлением продовольственного снабжения Красной армии занимался выделением фондов, оформлением отпуска продовольствия из государственных резервов, рассмотрением планов снабжения войск продовольствием, подготовкой проектов решений ГКО и правительства по продовольственным вопросам.

Сколь серьезна была продовольственная проблема, говорит сам порядок рассмотрения вопросов. Сначала заявки на продовольствие и фураж анализировались в СНК, затем заместитель управляющего делами СНК и представитель Генерального штаба готовили соответствующий проект постановления ГКО, который передавался в группу контроля для доклада на очередном заседании ГКО. Принятое решение подписывалось И.В. Сталиным, после чего вступали в действие механизмы военных снабженцев.

Надо отметить, что вопросы обеспечения армии продовольствием и фуражом в первые месяцы войны СНК СССР рассматривал почти ежедневно. Только с 22 июня по 1 сентября 1941 года состоялись решения по использованию для снабжения армии эвакуированного скота и организации для его

переработки передвижных скотобойных пунктов, созданию гуртов скота на 45-дневную потребность всех фронтов, изготовлению упрощенных походных кухонь, пищеварных котлов и запасных частей к полевым хлебозаводам, передаче ряда гражданских складов продовольственной службе Красной армии. На последнем решении стоит остановиться подробнее. Военно-

К 60-летию Победы

му ведомству из Управления государственных материальных резервов (УГМР), которым с конца 1938 до декабря 1948 года руководил М.В. Данченко, были переданы базы с личным составом и запасами продовольствия и оборудования общей емкостью 43 тыс. вагонов, а также базы Наркомата заготовок. Однако процесс передачи сопровождался ненужными формальностями, что приводило к потере времени, а следовательно и к утрате имущества, так как склады нередко попадали к стремительно наступавшему противнику. Но даже если этого не происходило, из-за путаницы в зоне боевых действий нередко оказывались склады (базы) разных хозяев, а командование оставалось в неведении, к каким складам прикреплены их войска. В свою очередь начальники складов не имели указаний, какие части они должны обеспечивать. Случалось, что войска захватывали не принадлежавшие им продовольственные склады. Не удивительно, что перебои с получением продовольствия были нередкостью, а в ряде случаев личный состав не получал даже минимума продуктов питания⁴.

Чтобы, с одной стороны, улучшить снабжение войск продовольствием, а с другой — воспрепятствовать захвату продовольственных складов противником, было принято решение по разбронированию государственных резервов в западных районах страны, которые могли попасть в руки врага, и передаче их напрямую действующей армии. Несколько снижало напряжение с обеспечением войск и разрешение вести заготовку продовольствия и фуража в своих тыловых районах в счет обязательных государственных поставок с оплатой по загото-

вительным ценам. При этом порядок взаимоотношений между военными и сдатчиками сельскохозяйственных продуктов был максимально упрощен⁵. Организационные формы заготовок продукции окончательно сложились лишь в октябре 1941 года после некоторой стабилизации положения на фронте: тогда заготовки стали осуществляться через государственные заготовительные органы.

Надо сказать, что трудности с продовольствием затронули всю страну. Учитывая, что уже летом 1941 года оказались захваченными многие важнейшие сельскохозяйственные районы, заготовки зерновых культур в 1941 году по сравнению с предвоенным годом сократились с 36 446 тыс. т до 24 298 тыс., подсолнечника — с 1,5 млн. до 478 тыс., сахарной свеклы — с 17 357 тыс. до 1670 тыс., мяса в живом весе — с 2040 тыс. до 1469 тыс., молока — с 6453 тыс. до 5252 тыс. т. Еще более грозная опасность нависла в 1942 году в связи с расширением зоны оккупации. Страна лишилась почти половины посевных площадей и более половины поголовья крупного рогатого скота и лошадей⁶. В 1942 году сократились и рыночные фонды продовольственных товаров. Так, удельный вес муки и крупы снизился с 86 проц. в 1940 году до 73 в 1942 году, мясопродуктов — с 43 до 23 проц. В этот период работали только 26 сахарных заводов из 211, которые выпускали сахарного песка 5 проц., а сахара-рафинада 2 проц. к довоенному уровню⁷.

Сущность перевода сельского хозяйства и пищевой промышленности на военные рельсы заключалась в эвакуации скота, сельскохозяйственных машин и транспортных средств в восточные районы, принятии мер по увеличению за Уралом и в Сибири посевных площадей, повышению норм поставок мяса и шерсти, введении дополнительных поставок зерна и мяса в фонд Красной армии. Были приняты меры и по укреплению трудовой дисциплины в сфере сельскохозяйственного производства — Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 года мобилизация трудоспособного населения для работы в народном хозяйстве, объявленная Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 февраля 1942 года

«О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», была распространена и на сельских жителей в целях привлечения их на работу в колхозы, машинно-тракторные станции (МТС) в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ.

В ЦЕЛЯХ строжайшего учета и распределения ресурсов продовольствия в связи с резким сокращением рыночных фондов был полностью перестроен товарооборот и введено нормированное снабжение населения продовольственными товарами⁸. Карточная система, введенная в июле 1941 года в Москве и Ленинграде, стала быстро распространяться на другие города⁹. В сентябре нормированное снабжение хлебом, сахаром, кондитерскими изделиями было уже в 197 городах и рабочих поселках, а спустя два месяца — во всей стране. С ноября в крупных городах и промышленных центрах были введены карточки также на мясо, рыбу, жиры, крупы, макаронны. Порядок продажи других продуктов питания (в том числе овощей) регламентировался в зависимости от наличия ресурсов местными органами власти.

Нормы снабжения основными продовольственными товарами разделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей. Нормы для рабочих в свою очередь предусматривали две категории. По первой обеспечивались работники оборонной, угольной, нефтяной, химической, резиновой, металлургической, машиностроительной, цементной промышленности, станкостроения, транспорта, оборонного строительства и ряда предприятий других отраслей, выполнявших военные заказы. Они получали в день по 800 г хлеба, а иждивенцы и дети — по 400 г. В месячный паек рабочих входили: мясо и рыба — 1,8 кг, жиры — 0,4 кг, крупа и макаронные изделия — 1,2 кг¹⁰. В 1942 году были введены карточки для получения дополнительного питания рабочими горячих и вредных цехов и занятыми на подземных работах, а также беременными женщинами, кормящими матерями, донорами и больными.

По второй категории обеспечивалось все остальное городское население, нормы которого были ниже. Для поощрения передовиков производства руководителям промышленных предприятий предоставлялось право на выдачу дополнительного горячего питания и сверхнормативный отпуск овощей из подсобных хозяйств.

Нормированное снабжение продовольствием при крайне ограниченных ресурсах позволило в целом устойчиво обеспечивать городское население, прежде всего рабочих промышленности, строительства и транспорта, необходимым минимумом основных продуктов питания. Но перебои со снабжением были, и не везде люди могли полностью получить установленную норму продуктов. Зимой 1941/42 гг. даже в Москве продовольственные карточки отоваривались всего на 30–40 проц. Обычным явлением стали огромные очереди у продовольственных магазинов. Но в самом тяжелом положении находился, как известно, блокадный Ленинград¹¹.

Снабжением Ленинграда продовольствием систематически занимался А.И. Микоян, а практические мероприятия по оказанию помощи городу были возложены на начальника Тыла Красной армии генерала А.В. Хрулева. Обеспечением и доставкой продовольственных ресурсов из внутренних областей, а также организацией всех погрузочно-разгрузочных работ в пути следования занимались службы Тыла.

Тяжелейшие лишения и голод пришлось пережить защитникам города зимой 1941/42 гг. Решающее значение в улучшении снабжения войск и населения имел подвоз продовольствия по ледовой Дороге жизни. С 29 ноября 1941 по 2 апреля 1942 года по ней было доставлено 162 419 т продовольствия — 75 проц. общего количества перевезенных по этой дороге грузов, что позволило создать к весне 1942 года 2-месячные неприкосновенные запасы продуктов и переходящие запасы в пределах 6–8 суток. В результате возросшего подвоза продовольствия с 24 января 1942 года была увеличена норма выдачи хлеба, а затем и мяса. Хлеба стали получать: рабочие — 400 г, служащие — 300 г, иждивенцы и дети — 250, войска первой линии — 600, войска тыловых частей — 400 г. С 8 февраля 1942 года горячую пищу в войсках готовили регулярно три раза в сутки¹².

ВЕСНОЙ 1942 года продовольственное обеспечение в стране оказалось близко к кризису. Карточки на продукты питания в городах и поселках отоваривались примерно на треть, ухудшилось снабжение войск действующей армии. В этот период был взят курс на расширение подсобных хозяйств предприятий, для чего выделялось 1,2 млн. га земли, а под индивидуальные огороды — 0,5 млн. га.

В 1943 году посевная площадь подсобных хозяйств в промыш-

ленности и на транспорте достигла 3,1 млн. га, поголовье скота выросло до 0,9 млн. голов, что оказалось в полтора раза больше довоенного уровня. Подсобные хозяйства ОРСов в последние год войны давали около 40 проц. общих ресурсов картофеля и около 60 — овощей.

Подсобные хозяйства получили развитие и в Вооруженных Силах. К концу 1943 года насчитывалось свыше 5 тыс. военных хозяйств с общей посевной площадью около 298 тыс. га, что было почти в 15 раз больше, чем в довоенные годы. Ими в 1942 году было собрано 292 тыс. т картофеля и овощей, в 1943 году — 916 тыс., в 1944 году — 964 тыс. т. Только за один 1943 год в войска поступило также более 2 тыс. т мяса, около 6 тыс. т рыбы, значительное количество молока, яиц, грибов и зелени. Продукция подсобных хозяйств обеспечила в 1942 году 8 проц. потребности всей армии в овощах и картофеле, а в 1943 и 1944 гг. — около 25 проц.¹³. Это дало возможность сэкономить для народного хозяйства страны сотни тысяч тонн продовольствия, высвободить для перевозки других грузов железнодорожный и водный транспорт.

Вместе с тем основной формой обеспечения действующей армии и населения продовольственными товарами и фуражом оставалось централизованное государственное снабжение, на котором состояли около 80 млн. человек, в том числе в Вооруженных Силах — 14 млн.¹⁴.

В 1941–1942 гг. общая доля государственных заготовок от валового сбора зерна составила 42–44,3 проц., а в отдельных районах превышала 50 проц. Отчисления сельскохозяйственной продукции государству производились и за счет фондов личного потребления, которые сокращались из года в год. Для оплаты трудодней выделялось менее 20 проц. зерна от валового сбора (в 1942 г. — 2,4 млн. т). Натуральная оплата трудодня уменьшилась в 2–3 раза. На душу населения в день приходилось примерно 200 г зерна и 100 г картофеля¹⁵.

Получение некоторых видов продовольствия по ленд-лизу из США в определенной мере сняло напряжение с собственного сельского хозяйства. Эти поставки представители Вооруженных Сил принимали в портах Камчатки, Персидского залива, в Мурманске и Архангельске. Оттуда продовольствие направлялось на фронтовые базы, где производилась подсортировка. Всего за 1941–1944 гг. из США, Англии и Канады было получено 4,3 млн. т продовольствия¹⁶, что составляло примерно 25 проц.

Валовой сбор основных продовольственных культур в 1940—1945 гг.

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Зерновые культуры, млн. т	95,6	56,4	29,6	29,6	48,8	47,3
В проц. к 1940 г.	100	59	31	31	51	49,5
Сахарная свекла, млн. т	18,0	2,0	2,2	1,3	4,1	5,5
В проц. к 1940 г.	100	11	12	7	23	30,6
Подсолнечник, млн. т	2,64	0,9	0,29	0,79	1,0	0,84
В проц. к 1940 г.	100	34	11	30	38	31,8
Картофель, млн. т	76,1	26,6	23,6	35,0	54,8	58,3
В проц. к 1940 г.	100	35	31	46	72	76,6

Составлена по: *Вознесенский Н.А.* Военная экономика в период Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1948. С. 260—261.

общего тоннажа зарубежных поставок, или около 11 проц. общего расхода продовольствия и фуража для войсковых нужд за всю войну. Импорт зерна, крупы, муки (в пересчете на зерно) составлял 2,8 проц. среднегодовых заготовок зерна в нашей стране¹⁷.

ВАЖНУЮ роль в продовольственном снабжении населения и войск на всем протяжении войны играли пищевые концентраты. В 1941 году вырабатывалось 73 тыс. т концентратов, а к концу войны — 160—180 тыс. т. Их массовое производство было налажено в Горьком, Сызрани, Куйбышеве. Была расширена производственно-техническая база пищевого концентратной промышленности за счет нового строительства и переоборудования цехов в Серпухове, Москве, Иванове, Энгельсе, Семипалатинске, Орске, Иркутске и в Закавказье. Всего за годы войны было выпущено около 600 тыс. т всех видов пищевых концентратов, при этом всеобщим признанием пользовались овощные смеси.

Освобождение в 1943—1944 гг. значительной части территории от немецко-фашистских захватчиков создало необходимые предпосылки для увеличения продовольственных ресурсов. Началось восстановление сельского хозяйства. Если в 1943 году валовой сбор зерна соответствовал уровню предшествующего года, то в результате прироста посевных площадей и повышения урожайности зерновых культур в 1944 году СССР получил на 17,6 млн. т (на 1,1 млрд. пудов) хлеба больше, чем в предыдущем году (см. таблицу). За 1943 и 1944 годы поголовье крупного рогатого скота выросло на 15,8 млн. голов, овец и коз — на 8,4 млн., свиней — на 2,8 млн., лошадей — на 1,7 млн. голов. Пищевая промышленность восточных районов страны увеличила производство специальных видов продуктов, особенно пищевых концентратов, к концу 1943 года начали работать сахарные заводы в Курской области и на Украине. В 1944 году валовая продукция пищевой промышленности значительно возросла и превысила уровень 1942 года по мясопродуктам на 41 проц., крупе и макаронам — на 56, рыбным товарам — на 69, животным жирам — на 65 проц., растительным жирам — на 2,8 раза¹⁸.

В увеличении сельскохозяйственной продукции можно выделить два периода: до 1943 года, когда расширение посевных площадей шло за счет освоения в восточных районах новых земель, и с 1943 года, когда расширение пошло за счет вовлечения в производство освобожденных от оккупации тер-

риторий¹⁹; при этом наблюдалось некоторое сокращение посевов на востоке страны. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику в сельскохозяйственном производстве, положение с продовольствием оставалось напряженным.

Во-первых, росла численность личного состава Вооруженных Сил. Так, в начале 1944 года по сравнению с началом предшествующего года суточная потребность действующей армии в продовольствии возросла на 15 проц., в начале 1945 года — уже на 34 проц. Тем не менее обеспечение продовольствием фронтов, участвовавших в наступательных операциях 1944—1945 гг., осуществлялось бесперебойно, а фактические размеры продовольственных запасов на фронтах в этот период поддерживались в среднем на уровне 30 дней.

Однако, как говорится, в хлебе насущном нуждались не только войска, и притом не только свои. Продовольственная поддержка оказывалась жителям освобожденных районов, продуктами питания и фуражом необходимо было обеспечивать войска иностранных формирований, в том числе польские танковые бригады и пехотные дивизии, румынскую дивизию, три стрелковые и одну танковую бригады Чехословакии, французский авиационный полк. Кроме того, на заключительном этапе войны к «армейскому котлу» подключилось и население освобожденных от фашизма стран Европы. Так, жителям Варшавы безвозмездно было передано 60 тыс. т хлеба, большое количество жиров, сахара, овощей, сухих фруктов. Значительная помощь продовольствием была оказана и другим городам Польши²⁰. В апреле 1945 года городскому самоуправлению Вены было передано 7 тыс. т продовольственного зерна, 500 т кукурузы, 1000 т фасоли, 1000 т гороха, 200 т сахара, 300 т мяса, 200 т мыла²¹. Большая помощь была оказана народам Югославии: только за февраль—октябрь 1944 года в партизанские районы самолетами бы-

ло доставлено около 1000 т продовольствия, затем население Белграда и других городов — 53 тыс. т зерна²². 9 тыс. т зерна было передано Чехословакии для снабжения Праги, 4,4 тыс. т хлеба и 375 т сахара — для Брно, 3,6 тыс. т хлеба, 325 т сахара и 125 т соли — для города Моравска-Острава²³, в результате чего нормы выдачи продовольствия населению этих городов удалось повысить на 30—40 проц. Всемирная помощь оказывалась также населению Венгрии, Румынии, Болгарии, Германии. На последнем этапе войны организованное снабжение продуктами питания немецких городов было парализовано, подвоз продовольствия в немецкую столицу с населением около 3 млн. человек прекратился за 2—3 месяца до вступления войск Красной армии, а за 10—15 суток не выдавался даже хлеб. Уже 9 мая 1945 года в поверженный Берлин прибыли член ГКО А.И. Микоян и начальник Тыла Красной армии А.В. Хрулев для организации снабжения населения города продовольствием. Сначала для жителей Берлина установили временные нормы снабжения, но уже 11 мая было принято решение обеспечить город продуктами питания на пять месяцев и ввести с 15 мая повышенные продовольственные нормы; особой заботой при этом стало питание детей.

Армейские органы продовольственной службы взяли на снабжение также около 1 млн. репатриированных граждан СССР и союзных государств и несколько сотен тысяч военнопленных²⁴. Всего по решению ГКО в 1944 году и в первой половине 1945 года населению восточноевропейских государств из ресурсов фронтов безвозмездно было передано: зерна и хлебопродуктов — 572 тыс. т, мясопродуктов — 60 тыс. т, сахара — 90 тыс. т, жиров — 3 тыс. т, картофеля и овощей — 146 тыс. т²⁵.

Решение продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны — один из факто-

ров разгрома врага. Лозунг «Все для фронта, все для победы» выражал коренные интересы всего населения страны. Экономическая победа, одержанная советским народом в годы грозного военного испытания, включает и победу на тяжелом продовольственном фронте, что удалось достигнуть самоотверженной работой труженников села и перерабатывающей промышленности.

Благодаря им Советские Вооруженные Силы на всем протяжении войны в целом бесперебойно обеспечивались продовольствием. Общий расход продуктов питания и фуража составил около 40 млн. т, хотя к концу войны Советский Союз вышел с государственным запасом хлеба лишь на 30–35 проц, меньше довоенного уровня. Все это подтверждает тот факт, что сельское хозяйство СССР в целом смогло обеспечить основные потребности фронта и тыла в продукции растениеводства и животноводства и доказало свою жизнеспособность в самых критических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Продовольственная служба Вооруженных Сил России. М.: Терра, 1999. С. 167.

² Более четверти запасов продовольствия было сосредоточено на территории западных приграничных округов, до 70 проц. мобилизационных запасов также осталось на оккупированной врагом территории. В западных приграничных военных округах мобзапасы размещались в 261 пункте (без учета районов содержания мобилизационного фонда живого скота). Из них в 32 пунктах сохранилось до 80 проц. продуктов. Имелись и такие хранилища, в которых, по учетным данным, содержалось всего от 2 до 5 т продфуража. Такое размещение объяснялось главным образом отсутствием специальной складской площади, что затрудняло их хранение и особенно выдачу войскам в период мобилизационного развертывания. См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 87. Оп. 23402. Д. 15. Л. 166, 8, 36.

³ На Западном фронте за первую неделю боевых действий (с 22 по 29 июня) были потеряны 14 складов, где имелось почти 40 тыс. т продфуража, или 50 проц. всех запасов фронта. См.: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 14703. Д. 6. Л. 36; Оп. 2454. Д. 27. Л. 152.

⁴ В начале войны снабжение войск действующей армии и военных округов производилось по нормам мирного времени. Лишь 2 сентября 1941 года были утверждены новые — военные — нормы продовольственного

пайка, дифференцированные с учетом военно-служебных обязанностей и в зависимости от условий несения службы отдельными контингентами военнослужащих. Продовольственный паек по основной красноармейской норме содержал 3450 ккал. Эта норма периодически увеличивалась, качественно улучшалась и применялась практически на протяжении всей войны, тогда как паек в немецкой армии составлял 2750 ккал, а с 1 июля 1942 г. даже уменьшился. Конечно же, правительство Германии рассчитывало, что ее солдаты будут снабжаться продовольствием за счет грабежа населения захваченных областей.

⁵ Постановление СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1801/803. Циркуляр главного интенданта Красной армии (ГИКА) от 4.7.1941 г. № 18.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. Т. I. С. 402–407.

⁷ Там же. С. 412.

⁸ В ходе Второй мировой войны нормированное снабжение было установлено практически во всех воевавших государствах.

⁹ Карточки в сельской местности не вводились, хлеб и другие продукты питания медицинским работникам, учителям, эвакуированным отпускались по талонам и спискам.

¹⁰ Установленные вначале нормы снабжения хлебом были снижены в ноябре 1943 г., когда понадобилось выделить ресурсы для населения освобожденных регионов. Восстанавливались прежние нормы в 1945 г.

¹¹ Над городом и бойцами Ленинградского фронта нависла угроза голода. В осажденном Ленинграде осталось 2887 тыс. гражданского населения, обеспечение которого практически было возложено на армейскую продовольственную службу. К 12 сентября 1941 г., т.е. ко времени прекращения подвоза с Большой земли, в Ленинграде осталось: хлебного зерна и муки — на 35 суток, крупы и макарон — на 30, мяса и мясопродуктов — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. С 20 ноября 1941 г. по февраль 1942 г. суточный паек личного состава соединений и частей первой линии Ленинградского фронта содержал 2593 ккал, а в тыловых частях — 1605. Войска первой линии получали в день 500 г хлеба и 125 г мяса, а в тыловых частях — соответственно 300 г и 50 г. Рабочие получали 250 г суррогатного хлеба в сутки, остальное население — 125 г. См.: Павлов В.Д. Стойкость. М.: Политиздат, 1963. С. 89–91.

¹² Продовольственная служба Во-

оруженных Сил России... С. 167.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ *Вещиков П.И.* Военное хозяйство — Тыл Вооруженных Сил России (XVIII—XX вв.). М., 2003. С. 306.

¹⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М.: Воениздат, 1984. С. 184.

¹⁶ Продовольственная служба Вооруженных Сил России... С. 215.

¹⁷ Обращало на себя внимание то, что продукты, поступавшие из-за океана, были прочно упакованы, тара надежно сохраняла содержимое, была удобна для погрузки и разгрузки. Отечественная упаковка оставляла желать лучшего, из-за чего терялись многие тонны крупы, муки, сахарного песка и др. Потери в три раза превышали установленные нормы убыли. Длительное время махорка отгружалась не в пачках, упакованных в ящики, а в мешках, банки с консервами нередко загружались в вагоны навалом, из-за чего продукция портилась, а простои вагонов и автомашин были обычным явлением. Война показала, как важно предприятиям иметь достаточные запасы добротных тарных и упаковочных материалов.

¹⁸ Продовольственная служба Вооруженных Сил России... С. 261.

¹⁹ Возрождению сельскохозяйственного производства в освобожденных районах и в целом по стране во многом способствовало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., а также Постановление СНК СССР от 14 марта 1944 г. «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства». В феврале 1945 г. СНК СССР принял постановление о развитии сельской электрификации и индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих (в 1945 г. огородничеством занимались более 18 млн. человек против 5 млн. в 1942 г.).

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 587. Оп. 14081. Д. 8. Л. 46; Ф. 67. Оп. 198025. Д. 328. Л. 13

²¹ Там же. Ф. 246. Оп. 37385. Д. 4. Л. 75.

²² Там же. Ф. 67. Оп. 20089. Д. 567. Л. 141.

²³ Там же. Ф. 4459. Оп. 1. Д. 3312. Л. 183.

²⁴ Военнопленные также получали нормированный продовольственный паек. Например, при ликвидации «котла» в районе Сталинграда в период с 10 января по 2 февраля 1943 г. для взятых в плен немецких солдат было выделено 2840 т продовольствия.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 87. Оп. 107442. Д. 4. Л. 12.

Полковник И.Т. ЯНБЕРДИН

АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК

20.04.1980 года. Вместе с генералом Журавель мы приехали в Баграм, где находилось отделение артиллерийского склада, с намерением провести сравнительные стрельбы из трофейных карабинов и своих снайперских винтовок, чтобы развеять или подтвердить слухи о способности душманов поражать цели с дальних расстояний. Но когда на ремонтной площадке увидели изрешеченные пулями реактивные установки «Град», поняли: стрельбы придется отложить. Оказалось, что личный состав этих установок, возвращавшийся из рейда, попал в засаду. Пострадала не только техника — есть убитые и раненые.

После того как артиллерийские мастера закончили дефектовку первой установки, картина получилась неутешительная: пробиты пулями направляющие трубы, во многих местах перебиты экранированные кабельные соединения, прострелена и выведена из строя коммутационная коробка, не работают механизмы вертикального и горизонтального наведения. Это — по артиллерийской части. А на самой машине, кроме выбитых стекол и покореженной кабины, был разбит радиатор и выведен из строя двигатель.

Не пришлось приступать к стрельбам и после того, как были организованы ремонтные работы. Принятия срочных мер потребовало состояние дел на одном из артиллерийских складов, переведенных из Пули-Хумри. Начальник отдела хранения вооружения и материалов старший лейтенант Кукушкин пожаловался, что людей у него мало, а самолеты с грузами идут один за другим. Стрелковое оружие хранить негде, и оно лежит в ящиках прямо под открытым небом. Еще совсем недавно здесь ничего не было, а сейчас посреди складской территории египетской пирамидой возвышается гора неразобранных грузов. С каждым днем она становится все выше. Нужно немедленно разделить этот грузопоток: оружие — в одну сторону, запасные части — в дру-

гую, материалы — в третью. А еще ведь прибывают краска, разные растворители — ну да ладно, пусть пока полежат в углу склада в бочках, разве что нужно оборудовать погребок. Что же касается запасных частей, то их необходимо сортировать по назначению: к наземной артиллерии, к бронетанковому вооружению, к зенитным средствам, стрелковому оружию и т.д.

К моему удивлению, больше всего запасных частей шло к зенитному вооружению, особенно разные радиодетали: лампы, диоды, триоды, сопротивления, конденсаторы, катушки. Когда мне в руки попадала очередная коробка с тщательно упакованными радиодеталями, я начинал нервничать, затрудняясь определить их назначение и степень дефицитности.

С хранением оружия вопрос решился: со дня на день сюда должно было поступить сборно-разборное металлическое хранилище. Остальное пока придется размещать в палатках, где надо ставить стеллажи и заводить картотеки.

А с разгрузкой самолетов могут помочь только десантники, благо 345-й парашютно-десантный полк стоит на другом конце аэродрома. Езды туда — минут десять. Вскоре мы уже были в расположении полка. Готовность к немедленному действию накладывает свой отпечаток и на повседневный быт десантников — у них как-то все четче и подтянутее, чем в нашей пехоте. Когда я изложил их командиру свою просьбу о помощи в разгрузке самолетов, он без раздумий ответил, как будто уже ждал меня:

— Никаких проблем. Поможем с разгрузкой и доставим вооружение в мастерскую нашим транспортом. Шлите только заблаговременно телеграмму с указанием типа самолета, номера борта, количества груза и времени приземления.

И впрямь, не было ни одного случая срыва или простоя самолетов с нашими грузами: десантники всегда были на высоте и держали свое слово.

На третий день из Ташкента по

воздуху доставили направляющие трубы к установкам «Град», три большие палатки со стеллажами для укладки запасных частей. Одновременно из Термеза с очередной автоколонной подвезли и металлическое хранилище.

Теперь работы всем хватало — только успевай поворачиваться. Прежде всего, конечно, нужно установить хранилище и спрятать туда стрелковое оружие. На это дело был поставлен начальник 5-го цеха капитан И.Д. Гапеев.

Иван Дмитриевич отличался от других офицеров тем, что, всегда одетый строго по форме и застегнутый на все пуговицы, абсолютно правильно руководил своими подчиненными, стоя все время рядом с ними в начищенных сапогах и отглаженных брюках, ровным голосом давая указания и команды, наблюдая за мерами безопасности, но не вмешиваясь лично в саму работу. Это удастся не каждому. Я сам грешил тем, что, увлекшись работой, вместе с солдатами начинал иной раз перетаскивать какие-нибудь ящики.

Этого делать не следует — упускается общее руководство.

К этому времени три реактивные установки «Град» уже вышли из ремонта, на очереди была четвертая.

— Какой ремонт записать в формулярах на установки? — спросил меня подошедший начальник мастерской.

Этот вопрос поставил меня в тупик. Дело в том, что года три назад директивой Главного ракетно-артиллерийского управления (ГРАУ) было отменено производство в войсках среднего ремонта; остались только текущий. По сложности и объему на установках ремонт проделан, конечно, не текущий, но и не капитальный, среднего же нет.

— В формулярах не указывайте вид ремонта, — ответил я начальнику мастерской, — но подробно перечислите все ремонтные работы. Если кто заинтересуется, пусть сам и определяет, какой ремонт мы тут провели.

Когда первостепенные вопросы были утрясены, очередь, наконец, дошла и до стрельбы из трофейных карабинов и винтовок. Чтобы

представить суть сравнительных стрельб, которые мы наметили провести, процитирую выдержку из книги В. Кожевникова «Высшее стрелковое образование», где речь идет о снайперах Великой Отечественной войны:

«Другие думают так: прицелился, надавил на спусковой крючок — и готов фашист. Нет, тут культурный подход требуется. Извините, вы на восемьсот метров фашиста снять можете? Науку для этого представляете себе? Так я вам скажу.

Первое — сумей определить, что он от тебя на восемьсот метров находится, а не на шестьсот и не на семьсот пятьдесят. Для этого отточенный глазомер требуется. По углам дальность вычислить — геометрия нужна.

Пуля, когда летит, вращается слева направо и дает отклонение вправо.

На шестьсот метров она на двенадцать сантиметров уклоняется, на восемьсот — уже на двадцать девять. Зная эту цифру, и держи, значит, в соответствии мушку. А если сильный боковой ветер, тут как? Выноси точку прицеливания на две фигуры. Но ведь разные обстоятельства могут быть — и ветер, и фриз бежит, да еще в разные стороны... Тут такое сложение и вычитание, голова вспухнет. А времени тебе отпущено в самый обрез. Профессор, и тот вспотеет».

Мы с генералом Журавель снайперами не были, но смело взялись

за дело: выбрали огневой рубеж и установили стандартную мишень на 2000 метров — прицельную дальность, указанную на прицельной планке карабина. На этой дистанции мишень даже на большом белом щите казалась маленькой точкой, в которую мы ни разу не попали.

— Нет, на такой дальности мы ничего не добьемся, — сказал генерал, — давайте установим мишень на 1000 метров.

На этой дальности стрельба пошла увереннее, и вскоре мы, меняя оружие, смогли убедиться, что надежнее всего цель поражается из нашей снайперской винтовки, а что касается трофейных карабинов разных систем, то слухи об их сверхточности явно преувеличены. Душманы теперь чаще всего применяют наши же автоматы и гранатометы РПГ-7 из засад с близкого расстояния.

1.05.1980 года. Первой — любимый весенний праздник. В Союзе теперь нарядное людское море затопило улицы городов, гром оркестров, флажки, шарiki...

Телефонный звонок прерывает праздничные мечтания:

— Говорит генерал Панкратов, сейчас полетите со мной, подходите к вертолетной площадке.

Куда и зачем, не успел спросить, но уже слышно, как пара вертолетов заходит на посадку, и надо спешить. Хорошо, что долго

собираться не нужно — «все мое ношу с собой». Вертолеты стояли на площадке с работающими двигателями, лопасти винтов со свистом рассекали воздух. Вскоре подъехал начальник штаба, одетый в защитный полевой комбинезон, с автоматом в руках.

— Летим на аэродром, — сообщил он. — Там предстоит работа в группе генерала армии Ахромеева.

Сперва мы побывали в Кундузе, где лихому вертолетчику майору Гайнуудинову, признанному мастеру боя и спасителю жизни многих наших бойцов, первому на афганской войне вручали Золотую Звезду Героя. Затем путь наш — в Файзабад. Там сложилась трудная обстановка для 860-го отдельного стрелкового полка, который всю зиму вел интенсивные боевые действия, фактически находясь в осаде. Особенно критическим оказалось положение с боеприпасами. Их здесь можно было взять только в 201-й дивизии, но та и сама испытывала в них нужду. Помимо того, боеприпасы в Файзабад из той же 201 сд можно было доставлять только вертолетами Ми-6, что создавало дополнительные трудности.

Осажденный полк ютился на небольшом пятачке, зажатом с трех сторон горами, вершины которых нависали прямо над головой. Ни дерева, ни кустика, ни другой какой-либо растительности — кругом только камни, камни и камни.

ХРОНОГРАФ

1 марта 1920 года части Первой Конной армии и ударной группы 10-й армии (С.М. Буденный и М.Д. Великанов) в ходе Егорлыкского сражения разгромили 2, 4-й Донские конные, 3-й и Добровольческий корпуса и несколько отдельных Кубанских бригад белогвардейцев. Были созданы благоприятные условия для перехода в наступление войск Кавказского фронта под командованием М.Н. Тухачевского.

2 марта 1925 года Реввоенсовет СССР издал приказ «О введении единоначалия в армии». Единоначалие вводилось в двух формах: полное и неполное. Полными единоначальниками соединений и частей назначались командиры — члены РКП(б), имевшие необходимые военные и политические знания и навыки командной и партийно-политической работы. При неполном единоначалии командиры, не имевшие опыта партполитработы, единолично решали только вопросы боевой подготовки, административные и хозяйственные, а политико-воспитательной работой руководил комиссар. Уже в апреле 1925 года единоначальниками стали 40 проц. командиров корпусов, 14 проц. командиров дивизий и 25 проц. командиров полков. Введение единоначалия повысило авторитет и ответственность командного состава, способствовало дальнейшему укреплению дисциплины и боеспособности войск Красной армии.

2 марта 1965 года образовано Министерство общего машиностроения СССР (С.А. Афанасьев), задачей которого стало проектирование и производство ракетно-космической техники.

3 марта 1705 года вышел Указ Петра I о наборе рекрутов.

Все даты приведены по новому стилю.

Русская армия перешла на новую систему комплектования, при которой из податных сословий (крестьяне, мещане) набиралось определенное число рекрутов. До 1793 года они служили в армии и на флоте пожизненно, затем срок службы был сокращен до 25, а с 1834 года — до 20 лет.

3 марта 1955 года указом Президиума Верховного Совета СССР введено воинское звание «Адмирал Флота Советского Союза» — высшее воинское звание в ВМФ СССР. Впервые тем же указом это звание было присвоено адмиралам Н.Г. Кузнецову и И.С. Исакову с вручением особого знака отличия «Маршальская звезда».

6 марта 1945 года авиация Краснознаменного Балтийского флота, действовавшая в районе Брюстерорта, Пиллау, Мемеля и Засница, потопила и повредила 9 транспортов противника, в том числе такие, как «Оратава» (3337 т.) и «Роберт Меринг» (3314 т.).

6 марта 1945 года 2-я ударная армия 2-го Белорусского фронта ликвидировала группировку противника, окруженную в крепости Грауденц (Грудзэндз), и освободила город. Войска 1-го Белорусского фронта, наступая вдоль побережья Балтийского моря, овладели г. Каммином. Войска 3-го Украинского фронта начали Балатонскую оборонительную операцию по отражению контрнаступления немецко-фашистских войск в районе оз. Балатон. Завершена операция 15 марта 1945 года. Значительную роль в срыве контрнаступления вражеских войск сыграла 17-я воздушная армия (генерал-полковник авиации В.С. Судец). В сложных метеоусловиях летчики совершили до 6000 самолетовылетов, в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено до 250 вражеских самолетов. Войска немецкой армии «Юг», в состав которой с 6 марта входила перебросенная с запада из района Арденн 6-я танковая армия, потерпели тяжелое поражение.

Сверху расположение полка видно как на ладони, и душманы ведут обстрел с вершины, незаметно подкрадываясь и накапливаясь за обратными скатами, с расстояния примерно около 1000 метров. На их вылазки полк отвечает морем огня из всех видов оружия, расходуя огромное количество боеприпасов. Однако его огневая мощь снижается из-за малых углов возвышения танковых пушек, а стрельба из автоматов на большую дальность не имеет смысла. И хотя танки и БМП здесь почти бесполезны из-за незначительного сектора вертикального обстрела, их все же приспособливают к местным условиям, устанавливая с уклоном на складах местности и придавая таким образом дополнительный угол возвышения орудийным стволам. Выручают установки «Шилка», но они работают на износ, и ресурс стволов почти исчерпан.

Позиция гаубичной батареи расположена почти посреди лагеря. 122-мм гаубицы М-30 стоят в орудийных окопах под масксетями. При осмотре первой из них замечаю дополнительную прорезь, сделанную автогенном в щите напротив головки панорамы.

— Зачем сделали прорезь в щите?

— Для увеличения сектора вертикального обстрела.

— Но ведь углы возвышения у гаубицы М-30 и так большие.

— Углы возвышения большие и позволяют обстреливать вершины гор, но на максимальных углах возвышения щит закрывает панораму, поэтому и проделана дополнительная прорезь.

В остальном, кроме нехватки осветительных снарядов, у артиллеристов проблем не было: наши замечательные гаубицы М-30, прошедшие Великую Отечественную войну, работали надежно.

Когда закончился осмотр очередного орудия, ко мне подошел командир батареи и предупредил:

— Вчера на этом месте погиб от душманской пули командир огневого взвода. Вам не следует так долго находиться на открытом пространстве.

Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что на позиции безопасно, никто не ходит, расчеты укрылись возле орудий под масксетями, офицеры и солдаты одеты одинаково, без всяких знаков различия. На мне же фуражка с золотым шнуром, на плечах погоны со звездами... Уж лучше бы не слышать этого предупреждения, невольно вынуждавшего укрыться куда-нибудь. Но нельзя же у всех на глазах показывать свое малодушие. Пришлось довести проверку до конца, хотя она оказалась прямо-таки мучительным испытанием.

Склад боеприпасов полка приютился под самой горой за горной речкой. Она оказалась неглубокой, и мы сумели перебраться че-

рез нее вброд. На берегу лежал корпус боевой машины пехоты без гусениц, катков, пушки и подкрылков — словом, гладкий, как яйцо.

— Что это за машина?

— Стояла здесь в боевом охранении. Внезапно в реку обрушился огромный селевой поток с гор. Он-то и накрыл машину.

При взгляде на эту маленькую речку, в которой солдаты ловили форель, даже не верилось, что возможна такая стихия, перемолвавшая в каменном потоке многотонную машину, словно детскую игрушку.

Побывали мы и у пехотинцев. Мотострелковые батальоны занимали свои позиции здесь же, неподалеку, и когда мы подошли к первой боевой машине пехоты, стоявшей в открытом окопе, прежде всего бросился в глаза ствол пушки «Гром», к которому хомутами был прикреплен пулемет ДШК.

Это была новинка, и я стал подробно знакомиться с методикой стрельбы таким способом. Дело в том, что сам по себе крупнокалиберный пулемет ДШК пехотного варианта является прекрасным оружием. Его мощная пуля калибра 12,7-мм достигает цели на расстоянии семи километров, что очень важно в этих условиях, а укрепив пулемет на орудийном стволе, можно было вести огонь по пушечному выстрелу из-за брони. Внимательно изучил придумку умельцев и генерал армии

8 марта 1945 года «Красная звезда» опубликовала сообщение, что по состоянию на 1 февраля 1945 года орденами и медалями награждено 72196 женщин-воинов Красной армии, 44 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

10 марта 1955 года Военно-Морские Силы СССР были переименованы в Военно-Морской Флот СССР.

14 марта 1945 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об усилении противовоздушной обороны Дальнего Востока и Забайкалья». В соответствии с ним были созданы Забайкальская армия ПВО (командующий — генерал-майор артиллерии П.Ф. Рождественский), Приамурская армия ПВО (командующий — генерал-майор артиллерии Я.К. Поляков) и Приморская армия ПВО (командующий — генерал-лейтенант артиллерии А.В. Герасимов). Имевшиеся до этого зоны и районы ПВО расформированы, а на их базе созданы корпуса и дивизии ПВО. Принятая организация обеспечила быстрое сосредоточение сил и средств ПВО для прикрытия развертывания войск и наиболее важных объектов на Дальневосточном театре военных действий.

15 марта 1945 года началась Верхне-Силезская наступательная операция советских войск, проводившаяся войсками 1-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза И.С. Конев). Завершилась 31 марта. Советские войска овладели юго-западной частью Верхней Силезии и вышли в предгорья Судет.

16 марта 1855 года родился А.А. Поливанов, государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Службу начал в лейб-гвардии Гренадерском полку, участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., был ранен. В дальнейшем служил в Главном штабе. В 1906—1912 гг. — помощник военного министра. В 1915—1916 гг. — военный ми-

нистр и председатель Особого совещания по обороне государства. С 1920 года — в Красной армии. Умер 25 сентября 1920 года.

19 марта 1945 года Правительство СССР сделало заявление Правительству Турецкой Республики о своем желании денонсировать советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, заключенный 17 декабря 1925 года в Париже, в связи с приближением окончания срока его действия. Через 6 месяцев после этого заявления договор утратил силу. При этом договор от 16 марта 1921 года продолжал действовать. В русле его СССР и Турция 28 февраля 1967 года подписали протокол о редемаркации государственной границы между двумя странами, а 17 апреля 1973 года был подписан протокол об определении линии морской границы на Черном море.

25 марта 1945 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1945 год».

26 марта 1945 года войска 3-го Украинского фронта овладели городами Папа и Девечер — крупными узлами дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев, прикрывающими пути к границам Австрии, а также заняли более 100 других населенных пунктов, среди которых Баконьпотерд, Ловаспатона, Ваньола, Куп, Нослоп, Даба, Шомловече, Шомлова-шархель, Падраг, Надьважонь, Васоль, Балатонудвари, Орвеньеш, Осефо, Тигань и железнодорожные станции Лазы, Романд, Баконь-Тамашы, Папатесер, Нальдимот, Айка.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

Ахромеев, поставив мне задачу совершенствовать самодеятельный способ.

Между тем от генерала Панкратова я узнал о принятом решении оттянуть полк немного назад в сторону аэродрома, что избавляло от фронтального обстрела. Однако полк все равно нужно было усилить огневыми средствами, и лучше всего — зенитными установками ЗУ-23-2.

Вскоре наша группа выехала в обратный путь. По прибытии на аэродром генерал армии Ахромеев обошел и осмотрел все позиции. Затем остановился на миг перед трехэтажным зданием аэровокзала и вдруг с лейтенантской легкостью стал карабкаться по шаткой лесенке на его плоскую крышу.

— Здесь нужно поставить пулемет, — сказал он, как только я поднялся вслед за ним.

Действительно, отсюда, с крыши, открывался отличный обзор во все стороны, и позиция для пулемета — идеальна.

В это время из Кундуза поступило метеосообщение об ухудшении погоды — набирал силу знаменитый «афганец». С этим ветром шутки плохи, и хотя мы тут же вылетели в обратный путь, кундузский аэродром был уже затянут тучами пыли, так что наши вертолеты с трудом совершили посадку. На летном поле стихия бушевала вовсю: горячий ветер с ураганной скоростью гнал облака черной пыли, песок забивал глаза, нос и уши; трудно было дышать.

21.07.1980 года. Кандагар. Цель моей командировки — 70-я отдельная мотострелковая бригада, которая стоит лагерем километрах в трех от аэродрома в чистом поле. Здесь нет уже привычных гор, и до самого горизонта простирается ровная, как стол, местность, по которой пуштуны кочуют в близлежащий Пакистан и обратно.

Знакомлюсь с комбригом полковником Шатиным, начальником штаба майором Высоцким, заместителем командира по вооружению подполковником Чичканёв, начальником службы РАВ капитаном Геллером.

Мотострелковая бригада — в армии явление новое. Численно она больше мотострелкового полка и имеет в своем составе помимо прочего десантно-штурмовой батальон, батарею реактивных установок «Град-1», автоматические минометы «Василек».

Нетерпимое положение в 70 омбр сложилось со складом боеприпасов, которого практически нет — сложено все штабелями рядом с жилыми палатками, причем головные части реактивных снарядов направлены в сторону военного лагеря.

Боеприпасы бригада доставляет из Кушки своим транспортом. Колонна в составе 30 машин делает рейс за двадцать дней.

Боевые действия идут интенсивно, и расход боеприпасов нарастает. Их выдают по потребности, поэтому здесь, на юге, нужны немалые запасы в объеме до пяти боекомплектов и соответствующий хорошо оборудованный склад емкостью на сотню вагонов.

В последнее время подвоз боеприпасов все больше затрудняется из-за минно-дорожной войны, и в бригаде уже насчитывается 75 случаев подрыва на минах.

24.07.1980 года.

— Вас срочно вызывает в резиденцию генерал Кичаев, — сообщил мне дежурный, едва я возвратился из командировки. Дело шло к вечеру, и без необходимости меня не стали бы вызывать.

Олег Михайлович встретил меня с озабоченным видом и тут же объяснил причину срочного вызова:

— Я только что от Маршала Советского Союза Соколова. Он потребовал предложения по вооружению горных батальонов. Вооружение должно быть легким, мощным и мобильным. Соображения необходимо изложить к утру.

Вскоре офицеры службы РАВ дружно принялись за работу. Начали с автомата, который в горах, конечно, сгодится. Но — какой? Лучше всего, пожалуй, АКМС с металлическим складывающимся прикладом десантного варианта...

Коллективные рассуждения выплеснули на бумажную страничку. Получилось девять пунктов: автомат, снайперская винтовка СВД — на каждое отделение; пулемет ПКМ — один на отделение; миномет «Поднос» — три на роту; дымовые гранаты, станковый гранатомет СПГ-9Д, гранатомет РПГ-7 с осколочной гранатой, противотанковая граната «Муха», гранатомет АГС-17 — все это во вьюках.

На том, казалось, мы исчерпали свои возможности, но все же чего-то еще не хватало. После мучительных раздумий сообра-

зили — не доставало мощности оружия отдельно взятому солдату. Ему ведь в горах нужна собственная «карманная артиллерия». Помнится, я когда-то читал в журнале «Техника и вооружение» обзор вооружения иностранных армий и мне запомнилась короткая заметка о ручной гранате, выстреливаемой из винтовки с помощью холостого патрона. Хорошо бы иметь нечто подобное для наших горных батальонов. Соединились бы мощь гранаты с дальностью броска при помощи автомата. Есть и мобильность, и легкость. Последнее — главное, поскольку в горах нужно все нести на себе в невыносимую жару и при недостатке кислорода, когда и спичечная коробка кажется килограммовой гирей.

Идея с гранатой показалась всем привлекательной и была записана десятым пунктом. В общем виде, на всякий случай.

Закончив с оружием, мы обменялись между собой мнениями по поводу снаряжения, которое, как известно, тесно сочетается с вооружением. Очевидно, что для горных батальонов нужно соответствующее специальное снаряжение.

— Вот когда я был во Вьетнаме, — вступил в разговор майор Ерохин, — то видел американское снаряжение: специальные легкие комбинезоны с множеством карманов; эластичные емкости для воды, надеваемые вокруг шеи, защищают от жары, и можно пить из специального сосочка.

— Подойдет ли такая амуниция для гор? — засомневался майор Юсупов.

Однако это уже не наша епархия: снаряжение идет по службе тыла. Словом, мы пока оставили эту тему.

К утру наши предложения по вооружению горных батальонов были готовы и лежали на столе в виде отпечатанного краткого доклада. Вскоре подъехал генерал Кичаев. Поднявшись к нам и поздоровавшись со всеми, он сел на табуретку на свое обычное место у двери и углубился в чтение.

Вот он вычеркивает дымовую гранату, вычеркивает гранатомет СПГ-9Д, вычеркивает АГС-17. На последнем, десятом пункте ручка задерживается и... этот пункт остается.

Заметив наше удивление, Олег Михайлович пояснил, что уже разработано такое оружие в виде подствольного к автомату грана-

томета, но на вооружение тот еще не принят и существует только в нескольких опытных образцах.

— Смело пишите в предложениях последним пунктом: 40-мм подствольный гранатомет ГП-25, — сказал он нам.

Забрав с собой скорректированные им же наши предложения, он уехал на доклад к начальству.

Через некоторое время генерал Кичаев сообщил по телефону, что маршал Соколов в целом одобрил наши предложения и порекомендовал ускорить освоение подствольного гранатомета. Об этом уже доложено в Москву начальнику Главного ракетно-артиллерийского управления, так что несколько подствольных гранатометов будут направлены в 40-ю армию ближайшими самолетами. Действительно, вскоре девять подствольных гранатометов и немного боеприпасов к ним были доставлены нам по воздуху из Москвы.

Едва несколько небольших ящиков привезли, как все столпились вокруг стола, желая поскорее рассмотреть новинку. Когда вскрыли ящик и достали первый образец, мы, вооруженцы, с первого взгляда прониклись симпатией к нему: легкий, удобный, простой, хорошо пристегивается под ствол автомата, заряжается мощной гранатой с дульной части; есть свой прицел, свой спусковой крючок, своя удобная резиновая рукоятка. Прекрасный дизайн, калибр — 40 мм, вес — 1,5 кг, дальность стрельбы — до 400 м, радиус разлета осколков — 30 м.

Все это хорошо, но что скажут в войсках, оправдаются ли наши надежды в деле? Не всякое оружие приживается там, где не конструируют, а воюют. Как примут солдаты и офицеры это оружие: станет оно для них необходимостью или лишней обузой? Ответ на этот вопрос можно получить только в войсках.

— Хватит любоваться, — сказал я офицером. — Отвезем гранатомет на проверку в соседний 181-й мотострелковый полк.

В это время разведывательный батальон этого полка как раз собирался на очередную операцию, и его командир охотно взял на испытание новое оружие. Мы подробно объяснили назначение гранатомета, его устройство, меры безопасности при его использовании, вручили все девять образцов. При этом посоветовали вооружить новинкой наиболее опыт-

ных и грамотных бойцов, чтобы потом было кого полнее и подробнее расспросить для последующих выводов о первом боевом применении подствольных гранатометов.

Вскоре разведчики ушли в рейд, а мы с нетерпением стали ждать их возвращения. Когда сообщили, что они вернулись, мы снова выехали в полк. Я попросил пригласить для беседы кого-нибудь из участников рейда. В ответ комбат как-то загадочно усмехнулся. Затем выставил перед собой подствольный гранатомет и сказал восторженно:

— Замечательное оружие! Но испытывали его не солдаты, а я сам и мои офицеры. Отличная штука! Бьет точно даже на дальности 400 метров, достает душманов за дувалами, камнями и обратными скатами. Легкий, простой, удобный. Просим оставить пусть даже опытные образцы в батальоне и дать нам побольше боеприпасов.

Ошеломляющий отзыв! Я стал уточнять подробности. По словам разведчиков, им удавалось забрасывать гранаты с поразительной точностью даже в амбразуры. Для душманов применение подствольных гранатометов было полной неожиданностью, и они выскакивали из-за дувалов ошалелые, с поднятыми руками. В ходе операции гранатометы постоянно были в деле, офицеры их не выпускали из рук. Не всякому оружию дано покорить сердце солдата и прижиться в войсках. Подствольный гранатомет ГП-25 покорил всех сразу.

Все эти отзывы генерал Кичаев немедленно доложил маршалу Соколову, у которого он пользовался уважением. Помимо того мною были направлены соответствующие телеграммы в округ и в ГРАУ.

Вскоре ГП-25 пошли в 40-ю армию широким потоком.

15.08.1980 года. Кундуз. В 201 сд мало что изменилось. Работы по оборудованию склада боеприпасов идут крайне медленно, сделано мало. Вместе с дивизионным начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ) майором Божовым обходим территорию склада и намечаем план первоочередных работ. Реактивные снаряды решаем укрыть в траншее на краю склада; для гранат, патронов и пиротехнических средств нужно строить хранилище. Боеприпасов на складе пока

мало, обеспеченность дивизии на сегодняшний день составляет где-то около 1,5 боекомплекта, а нужно 3. Если учесть, что боекомплект дивизии весит 1600 т, нужно подвезти еще 2400 т.

Жара здесь дикая. Утром красный шар солнца едва только выкатится из-за горизонта, а на термометре уже 37 градусов. Сейчас около одиннадцати, и жара почти достигла своего апогея. Нещадное солнце стоит в безоблачном небе, обжигая иссушающим жаром. Завершив работу на складе, мы собрались уже уходить, но у меня возникло ощущение, что упущен еще какой-то важный вопрос.

— А где часовая? — вдруг осенило меня.

Майор покрутил во все стороны головой, но того нигде не было видно.

— Часовой должен быть, я его лично инструктировал, — сказал он растерянно.

Стали искать бойца и вскоре обнаружили его в пожарной бочке, сидящим по горло в воде во всем обмундировании, — спасался от жары.

Часовой, конечно, будет наказан, но проблемы ведь это не решает: передохнуть от жары негде — караульная палатка не спасает.

— Нужно немедленно строить караульное помещение, — сказал я Божову.

— А из чего строить? Стройматериалов никаких нет.

— Используйте опыт местных жителей. Они возводят свои дома из самодельных глиняных кирпичей, которые не пропускают жары, очень прочны. Делать их несложно. Прежде всего нужна форма. Возьмите пустой патронный ящик, перегородите его внутри пополам. Вот вам готовая форма. Берите глину и делайте кирпичи. Сохнут они на такой жаре быстро.

— А из чего делать перекрытие?

— Разрешаю использовать пустые ящики из-под реактивных снарядов «Град». Больше того, саму кладку кирпичей нужно начинать, исходя из размеров этих ящиков...

Вернувшись из командировки, я рассказал о случае с часовым, и мы послали в войска телеграммы с требованием развернуть строительство караульных помещений на складах указанным способом.

*Полковник запаса А.П. ПАВЛОВ
(Продолжение следует)*

ОТ КРАСНОГВАРДЕЙСКИХ ОТРЯДОВ ДО РЕГУЛЯРНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

ВОПРОС о создании вооруженных сил стоял перед партией большевиков еще до захвата ими власти в октябре 1917 года. Красная гвардия, собранная из отрядов вооруженных рабочих, должна была не только справиться с силами внутренней контрреволюции, но и взять на себя задачи обороны страны от агрессии со стороны других государств. В.И. Ленин считал, что необходимо «всюду проводить поголовное вооружение народа, слияние его с милицией и армией»¹. Эта установка настойчиво и последовательно проводилась в жизнь. Так, Военно-революционный комитет (ВРК) сумел установить контроль над большинством воинских частей Петрограда, фактически разоружив Временное правительство².

Октябрьские события в Петрограде стали первым удачным опытом большевиков по мобилизации вооруженных сил для борьбы за власть. 25 октября (7 ноября) было выполнено требование В.И. Ленина достигнуть «гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может, и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнkerов), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т.д.»³.

Как известно, после Октябрьского вооруженного восстания 1917 года и установления власти Советов Петроград еще несколько месяцев оставался столицей нового государства. Это во многом предопределило то обстоятельство, что именно Петроград стал главным центром формирования новой революционной армии. Ситуацию усугубляла близость города к государственной границе, к вооруженному неприятелю, в первую очередь к войскам кайзеровской Германии. В условиях еще не закончившейся Первой мировой войны новое руководство страны было вынуждено в кратчайшие сроки создать основу Рабоче-крестьянской Красной армии и флота.

Осенью 1917 года ленинская идея о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа стала еще более реалистичной. Создание собственных вооруженных сил большевики начали в мес-

тах, где имелся многочисленный промышленный пролетариат, а для захвата власти им необходимо было организовать и вооружить всех рабочих, призвать на помощь балтийских моряков, чтобы ударить внезапно «из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском море»⁴.

Слом старого армейского аппарата и формирование нового осуществлялись практически одновременно и параллельно. Уже II Всероссийский съезд Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года создал в рамках советского правительства Комитет по военным и морским делам (с начала 1918 г. его функции стали выполнять два соответствующих наркомата — по военным делам и по морским делам). Руководимый В.А. Антоновым-Овсеенко, Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко этот орган должен был осуществлять объединение руководства действовавших прежде, при Временном правительстве, отдельно военного и морского ведомств. Комитету в срочном порядке предстояло решить следующие задачи: овладеть Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилеве, отстранить от должности прежде высшее военное чиновничество, принять на себя верховное командование действующей армией и руководство центральным военным и военно-морским аппаратом, наладить действенный контроль за работой различных военных учреждений в интересах бесперебойного управления войсками.

С момента установления советской власти на территории Петрограда и Петроградской губернии действовали военные штабы, осуществлявшие управление воинскими частями и соединениями. Так, 29 октября (10 ноября) был создан единый штаб обороны Петрограда во главе с подполковником М.А. Муравьевым; здесь же, в столице, наводился главный штаб рабочей Красной гвардии Петрограда, а также действовали Василеостровский и Сестрорецкий районные штабы Красной гвардии и ряд других. В числе различных функций непрерывно совершенствовавшейся структуры одной из главных была вербовка добро-

вольцев и инструкторов в ряды воинских частей и подразделений⁵.

Вооруженное выступление, предпринятое главой свергнутого Временного правительства А.Ф. Керенским и генералом П.Н. Красновым, стало первой попыткой контрреволюции ликвидировать советскую власть вооруженным путем. В течение 27—31 октября большевикам удалось направить на фронт против мятежников 10—12 тыс. красногвардейцев, 10 тыс. матросов, 4000—5000 солдат. «Мы поставили под ружье все, что было способно стоять за дело республики...» — отмечал позднее Н.И. Подвойский⁶. Таким образом, фундаментом армии и флота нового типа стали Красная гвардия, уже проявившая себя в ходе революционных событий, и та часть прежних вооруженных сил, которая сочувствовала преобразованиям в стране.

В первые месяцы после Октябрьской революции советское правительство стало формировать в центральных городах России экспедиционные красногвардейские отряды, наиболее многочисленными из которых были созданные в Петрограде и Москве. Посланные на окраины страны помогать местным красногвардейцам в установлении советской власти, они служили ядром революционных войск, объединяя и сплачивая вокруг себя местные революционные силы. Ими командовали избранные личным составом революционеры, как правило, не имевшие военного образования, а зачастую и боевого опыта. В некоторых частях осуществлялось коллегиальное руководство.

С назначением нового Верховного главнокомандующего (Н.В. Крыленко) определились и основополагающие направления в работе Ставки: руководство внешней военной политикой армии и построение ее как целостного организма «в смысле снабжения, — как отмечалось в приказе главноверха, — и в первую голову в смысле овладения ею целиком на пяти фронтах»; вооруженная борьба при участии армии с внутренними врагами Советской республики, с отечественной контрреволюцией; создание новых боеспособных вооруженных сил

взамен старых, полная непригодность которых «если не всеми еще ясно и отчетливо осозналась, то, во всяком случае, всеми ощущалась»⁷.

С вступлением в должность нового Верховного главнокомандующего советское правительство получило возможность формировать из солдат-фронтовиков ударные революционные отряды, которых, впрочем, оказалось немного, так как войска с фронта снимать было опасно, а демобилизованные солдаты стремились быстрее попасть домой, избегая всевозможных добровольных и принудительных новых мобилизаций.

22 ноября 1917 года при Ставке был создан Центральный революционный полевой штаб для «осуществления борьбы с контрреволюцией», формировавший экспедиции и руководивший их действиями при подавлении контрреволюционных выступлений⁸. Местные красногвардейские формирования являлись вспомогательными и служили для восполнения потерь, понесенных экспедициями. Экспедиционные, или «летучие» отряды, имевшие чаще всего смешанный состав, трудно поддавались управлению. Выручала революционная сознательность их первых бойцов, заменявшая порой воинскую дисциплину. Преобразование старой армии началось с отмены на фронте смертной казни, введения свободной агитационной работы, освобождения из-под ареста революционно настроенных военнослужащих.

В КОНЦЕ 1917 года в большинстве воинских частей власть перешла в руки солдатских комитетов, а бывшей Ставкой Верховного главнокомандующего начал управлять Военно-революционный комитет. Руководство войсками осуществляли одновременно два органа — реорганизованный штаб Ставки Верховного главнокомандующего и Революционный полевой штаб. 16 (29) декабря Совет народных комиссаров принял декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». В результате были отменены все чины, звания, титулы и иные отличия⁹. Неделю спустя был издан приказ Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о создании на фронте и в тылу Народной социалистической гвардии¹⁰.

Для ускорения и упорядочения организационной работы революционной Ставкой к 30 декабря 1917 года были разработаны «Общие соображения по сформиро-

ванию армии», в соответствии с которыми новые вооруженные силы должны были комплектоваться на добровольческих началах с основной ориентацией на солдат действующих и запасных частей, а также красногвардейцев и других добровольцев. Вступать в новую армию предлагалось только «истинным поборникам свободы и революции», чья обязанность — «жить, сражаясь, и умереть в борьбе»¹¹.

Активная работа в этом направлении велась в Петроградском военном округе, главнокомандующим войсками которого был назначен К.С. Еремеев и куда в декабре 1917 года прибыли представители Московского военного округа для выработки совместными усилиями общих подходов к решению задачи создания армии социалистического государства. Результатом этой работы стало образование добровольческого отряда численностью 1000 человек (командир В.Н. Павлов), сформированного в Петрограде на базе красногвардейских отрядов Выборгской стороны, Ижорского завода, а также военнослужащих Московского и 1-го пулеметного полков. 1 (14) января 1918 года во время торжественных проводов добровольцев на Западный фронт состоялся митинг с участием советских руководителей во главе с В.И. Лениным. Создание этого отряда послужило толчком к формированию многих подобных ему воинских частей и отдельных подразделений, например интернационального отряда, созданного по инициативе американского писателя А.Р. Вильямса.

Опыт боевых действий в первые месяцы существования советской власти показал невозможность отказа от регулярной армии, в связи с чем приходилось прибегать к помощи фронтовых и тыловых частей. Только с Западного фронта, согласно отчету его штаба, в декабре 1917 — январе 1918 года были отправлены на внутренние фронты порядка 15 полков пехоты и три артиллерийские бригады¹². Задачу поддержания революционного порядка в различных регионах решали также красногвардейские отряды рабочих, солдат и матросов. Но они, хотя и справлялись с этой задачей, подавляя контрреволюционные мятежи, проявляли низкую боеспособность, слабую организованность, недисциплинированность. Кроме того, местное население было недовольно появлением в своих районах пришлых красногвардейцев. Так, в июле 1918 года, как свидетельствуют докумен-

ты той поры, у крестьян имелся негативный «осадок от отрядов Красной гвардии»¹³.

Убедившись в невозможности вести боевые действия силами Красной гвардии и матросов, советское правительство решило создавать регулярную Красную армию на добровольческой основе. 18 января 1918 года главнокомандующий войсками Петроградского военного округа подписал приказ о создании первого корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), основу которого составляли петроградские рабочие и который явился базой для формирования и обучения войсковых резервов. В феврале—апреле того же года он состоял из 10 батальонов, пулеметного и конного полков, тяжелого артиллерийского дивизиона, легкой артиллерийской бригады, мортирного дивизиона, пяти авиационных отрядов, мотоциклетной, инженерной и автомобильной частей, воздухоплавательного отряда и прожекторной команды. Его численность достигала 15 тыс. человек, а авиация составляла 45 боеспособных аэропланов¹⁴.

Корпус, непосредственно подчинявшийся наркому по военным делам и главнокомандующему войсками Петроградского военного округа, возглавлял совет, составленный из представителей от каждой из входивших в него воинских частей. Подготовленный на его базе личный состав в феврале—марте 1918 года воевал против войск кайзеровской Германии в районе Нарвы, Пскова, Витебска, Орши, после чего пополнил создававшиеся 1, 2, 3 и 4-ю дивизии РККА (к этому времени корпус был расформирован).

ОСНОВОЙ продолжавшегося строительства Красной армии, так же как и Красного флота, оставался принцип добровольности их комплектования, являясь единственно возможным и необходимым в переходный период от одной социально-политической системы к совершенно противоположной. Публичное же объявление об образовании РККА и РККФ произошло в день выхода в свет Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденной Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) 3 (16) января 1918 года.

На следующий день в центральной печати было опубликовано «Положение об организации Социалистической Армии». 5 (18) января 1918 года в Петрограде председателем Совнаркома В.И. Лениным был подписан декрет о созда-

нии РККА и учреждении при Народном комиссариате по военным делам специального органа — Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА¹⁵, в обязанности которой входили разработка новых уставов и инструкций, а также обеспечение формировавшихся частей всем необходимым, в том числе и опытными кадрами для обучения. Вошедшие в ее состав Н.И. Подвойский, Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношин и другие большевики развернули широкую агитационную работу. Под их воздействием по всей стране при советах и солдатских комитетах создавались военные отделы и штабы Красной армии, куда входили представители солдатских секций советов и местных штабов Красной гвардии. В действующей армии для вербовки добровольцев организовывались штабы РККА при фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных солдатских комитетах. Создавалась также сеть вербовочных пунктов, а из числа красноармейцев выделялись сотни агитаторов и организаторов, проводивших мобилизационную работу в тылу и на фронте; все затраты обеспечивались необходимыми денежными средствами¹⁶. Основой частей, формирующихся в тылу и отправляющихся на фронт для замены уходивших домой демобилизованных солдат и подкрепления красноармейских частей на передовой, стали отряды Красной гвардии и запасные полки.

В соответствии с декретом о создании РККА ее руководящим органом являлся Совет народных комиссаров (СНК). В нем же наряду с объявлением о начале строительства новой армии определялось и ее официальное название, поскольку до этого времени добровольческие части именовались по-разному. Так, Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко называл их Народной социалистической гвардией, управление Западного фронта вело речь о Народно-революционной гвардии, на Северном фронте создавали Красную народную гвардию.

Декрет определил также и правовое положение советских военнослужащих. В ряды Красной армии допускались граждане Советской республики не моложе 18 лет. Красноармейцам выплачивалось денежное довольствие в размере 50 рублей в месяц. Одновременно с началом строительства РККА было организовано создание Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота как составной части Красной армии, а 29 января (11 февраля) 1918 года

Совнарком принял Декрет и об организации Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ)¹⁷.

ВСТУПЛЕНИЕ в ряды РККА и РККФ было организовано на классовых началах, но независимо от религиозной, национальной и расовой принадлежности. От добровольцев требовались рекомендации войсковых комитетов, партийных, профсоюзных или иных общественных организаций, лояльных по отношению к советской власти. Широко было распространено вступление в новую армию целых воинских частей и подразделений. При этом требовались круговая порука, а также поименное голосование.

Первоначально в Красную армию и на флот принимались как бывшие подданные Российской Империи, так и иностранные граждане, что способствовало набору добровольцев из числа военнопленных Первой мировой войны, беженцев, профессиональных революционеров, бывших студентов и иностранцев, находившихся в России в поисках заработков (в Петрограде это были в основном финны, китайцы, корейцы). Среди бывших военнопленных основную часть пополнения Красной армии и флота составили венгры, немцы, австрийцы, чехи, словаки, представители югославянских народов. После же подписания Брестского мирного договора в РККА и РККФ имели право вступать лишь те военнослужащие, которые принимали советское гражданство, но эта международная договоренность часто нарушалась. В результате за период с 1918 по 1920 год красноармейцами стали около 350 тыс. иностранных военнослужащих¹⁸.

19 февраля 1918 года состоялось заседание Совнаркома, на котором по предложению В.И. Ленина было создано Особое совещание по борьбе с вторгшимися на территорию республики кайзеровскими войсками. Залог успешного сопротивления большевики видели «в сочетании огромной революционной энергии и творчества трудящихся масс, умелого руководства закаленных в классовых битвах кадров большевистской партии с военными знаниями и боевым опытом... части старого офицерского корпуса»¹⁹.

Немногочисленные части Красной армии, формировавшиеся из фронтовиков, оказались не в состоянии противостоять удару германских войск. «Старой армии, знакомой с условиями ведения войны при современных условиях, нет. Вконец измученная предше-

ствующей войной, смертельно уставшая от трех с половиной годового сидения в окопах, она в боевом отношении представляет собой нулевую величину. Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы ее не сделать пушечным мясом для германских орудий, ее необходимо обучить, дисциплинировать»²⁰, — так характеризовал В.И. Ленин войска, которые пытались защитить Республику Советов от австрийско-германской интервенции.

После срыва мирных переговоров, которые велись в невыгодной для советской стороны обстановке «в Брест-Литовской крепости, в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей»²¹, перед командованием фронтов и руководством прифронтовых районов была поставлена задача оказывать сопротивление там, где это представлялось возможным, при этом рекомендовалось использовать партизанские формы борьбы.

20 февраля в 14 ч в Петрограде, в здании бывшего Военного министерства, начало работу совещание, на котором присутствовали как народные комиссары по военным и морским делам (Н.И. Подвойский, Э.М. Склянский, П.Е. Дыбенко, Ф.Ф. Раскольников), так и «старые» специалисты: начальник Генерального штаба Н.М. Потапов, его помощник генерал М.П. Каменский, начальник и профессора Николаевской военной академии А.И. Андогский, В.Е. Борисов, В.Ф. Новицкий, контр-адмирал В.М. Альфатер и другие. Участвовал в совещании также Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, сделавший общий обзор сложившейся ситуации. Н.И. Подвойский, сообщив разведывательные данные о неприятеле, заявил о необходимости «наметить в тылу линию сосредоточения... ввести отступление в русло и устроить вновь войска», организуя одновременно «партизанскую войну»²². В заключение было принято решение об отходе за линию Нарва — Псков — Жлобин — Бердичев — Одесса и о перенесении оперативного отдела Ставки Верховного главнокомандующего во главе с М.Д. Бонч-Бруевичем из Могилева в Петроград.

Поздно вечером 20 февраля состоялось заседание Совнаркома, посвященное мобилизации сил для отпора неприятелю. В целях обеспечения «непрерывности работ» из состава СНК был выделен Временный исполнительный ко-

митет во главе с В.И. Лениным, принявший в ночь на 21 февраля обращение «К трудящемуся населению всей России» с призывом к защите от врагов «извне и внутри». В тот же день в 12 ч 20 мин. В.И. Ленин направил телефонограмму в Петроградский и во все районные комитеты большевистской партии города. В ней он предлагал «не теряя ни часа... организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного под контролем этих рабочих на рытье окопов под Петером»²³. Были организованы комитет революционной обороны Петрограда и чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. Соответствующие военно-оперативные органы создавались также в Пскове, Ревеле, Нарве. По поручению В.И. Ленина для организации обороны столицы в нее прибыли генерал М.Д. Бонч-Бруевич и другие представители Ставки, включая генералов С.Г. Лукирско-го, Н.И. Раттеля, Н.А. Сулеймана²⁴.

В двадцатых числах февраля представители штаба обороны Петрограда энергично занимались созданием небольших воинских формирований — «разведывательных групп» и «отрядов поддержки» по 50—100 человек в каждом и направляли их на ближайший фронт, а также вели планирование линии завесы — системы первых оперативных объединений Красной армии, действовавших на протяжении марта—октября 1918 года. Круглосуточно они формировали, вооружали и снабжали всем необходимым различные части и подразделения, разъясняли начальникам и командирам их действия при столкновении с противником.

22 февраля в Петрограде начал создаваться Первый кавалерийский корпус РККА. В течение же ночи и дня 23-го на фронт в районе Нарвы и Себежа были отправлены все намеченные штабом воинские формирования.

В РЕЗУЛЬТАТЕ огромной организаторской работы из солдат, матросов и трудящихся к 22—23 февраля на важнейших направлениях прифронтовой полосы начал создаваться заслон из красноармейских и красногвардейских формирований и некоторых частей русской армии и флота, еще сохранявших боеспособность. Наиболее успешно формирование добровольческих отрядов шло на таких крупных столичных заводах, как Путиловский, Балтийский, Невский, «Новый Лессер», «Вулкан», «Треугольник». 26 февраля председатель ВЦИК Я.М. Свердлов сообщал по этому пово-

ду в газете «Известия»: «...формируем и отправляем отряды Красной Армии. Подъем в рабочих районах большой. Один Сестрорецкий завод отправил 1000 человек... Идут записываться целые заводы, мужчины и женщины от 18 до 50 лет»²⁵. Вместе с добровольцами-рабочими на позиции выступали солдаты и матросы старой армии. Так, 27 февраля газета «Правда» сообщала, что отряд балтийских моряков, ранее сражавшийся против Дутова, в полном составе направился на Псковской участок фронта. Большевистская организация 6-го Туккумского латышского полка приняла решение «всеми силами и средствами противостоять наступлению германских империалистов» и вывести полк к Пскову. Собравные большевиками силы были объединены в первые формирования действующей Красной армии — псковский, нарвский, дновский и гдовский боевые отряды. По предложению М.Д. Бонч-Бруевича командование создававшейся на подступах к Петрограду линией обороны принял на себя генерал Д.П. Парский, командовавший прежде 12-й армией.

Таким образом, были сделаны первые шаги по созданию регулярных формирований как формы обороны молодого Советского государства от кайзеровских войск, неожиданно натолкнувшихся на упорное сопротивление и вынужденно отступивших к Нарве. К моменту вступления Д.П. Парского в командование подчиненными войсками красноармейские отряды уже продвинулись до Ямбурга. Спустя некоторое время на нарвском направлении установилось равновесие сил.

Но для более надежного обеспечения обороны Петрограда было необходимо сформировать и протянуть отряды завесы южнее. С этой целью штабом формировались и выдвигались на передовые рубежи новые воинские формирования, составившие после их переброски на нарвское и псковское направления северный участок завесы под общим командованием Д.П. Парского²⁶.

25 февраля по личному распоряжению начштаверха М.Д. Бонч-Бруевича командующим отрядами, воевавшими в районе Пскова, был назначен бывший генеральный штаба полковник болгарин Й. Пехливанов. В его подчинении находились 25 красноармейских отрядов, лишь немногие из которых насчитывали 100 и более человек. В начале марта их общая численность составила 3600 бойцов и командиров. Сотрудник

французской военной миссии граф де Люберсак, побывавший в те дни на фронте под Псковом, сообщил своему руководству о поразительном мужестве красных воинов, о хорошей организации их сопротивления. Действия отрядов Й. Пехливанова в дальнейшем дали возможность приступить к формированию Псковской дивизии Красной армии²⁷.

В те же дни упорные бои велись на западе от Петрограда — под Нарвой. И хотя разгромить кайзеровские войска ни там, ни под Псковом Красной армии не удалось, приостановка неприятеля имела не только военное, но и политическое значение. Она показала, что Красная армия — это сила, с которой нельзя не считаться. Германское командование, пытаясь нанести удар по Петрограду с западного и южного направлений, военного успеха не добились.

Х АРАКТЕРНОЙ особенностью начального периода строительства армии нового типа являлось то, что наряду с частями РККА продолжалось формирование новых отрядов Красной гвардии. Точного разграничения понятий «Красная армия» и «Красная гвардия» не было. В отдельных местах даже после принятия декрета о строительстве РККА местные советы продолжали создавать Красную гвардию. Впрочем, ее штабы, где проводилась работа по формированию, вооружению и обучению первых красноармейских частей, сыграли важную роль в формировании последних. Как правило, на базе местных штабов Красной гвардии создавались военные отделы, занимавшиеся набором добровольцев для Красной армии. К концу апреля 1918 года в Красную армию вступили около 100 тыс. бывших красногвардейцев и командиров Красной гвардии, из них 14 768 — в Петрограде²⁸.

Наиболее сильными и организованными были части Красной армии, формировавшиеся из солдат-фронтовиков. Еще в начале января 1918 года согласно инструкции Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о создании Народной социалистической гвардии солдаты 12-й армии Северного фронта приступили к формированию красноармейских полков. В полках, находившихся на передовой, желавших вступить в Красную армию предполагалось выделять в «красноармейские» роты, занимавшие позиции всего своего полка. Остальные «регулярные» роты уводились в тыл, где их личный состав частично демобилизовывался. Красноармей-

ский полк, формировавшийся на базе армейского корпуса, предположительно должен был иметь три батальона и состоять из 12 рот, включавших в себя солдат одного полка. Батальон создавался из четырех рот, выделенных из полков одной дивизии.

Всего же к весне 1918 года на Северном фронте в Красную армию вступили 24 тыс. добровольцев, в армиях Западного фронта к середине февраля записались 5000 человек, а к весне их число возросло до 15 тыс. Другие фронты дали меньшее количество красноармейцев: Юго-Западный и Румынский совместно — 20 тыс., Кавказский — до 10 тыс.²⁹

В начальный период создания Красной армии командиры избирались личным составом частей и подразделений. Многие командные должности занимали бывшие начальники дружин и отрядов Красной гвардии, имевшие опыт организаторской работы. Другим источником формирования командного состава РККА были революционные солдаты, матросы, унтер-офицеры старой армии. Они, по словам К.Е. Ворошилова, были «желанными кандидатами на строевые, административные и даже штабные должности». На фронте немало красноармейских частей возглавляли младшие офицеры. Бывшие ротные командиры, выбранные своими солдатами за человеческое к ним отношение, они не обладали необходимыми знаниями и не имели достаточного опыта, чтобы руководить более крупными войсковыми единицами.

Таким образом, формирование Вооруженных сил Советской республики в течение зимы 1917/18 годов сводилось к переходу части солдат русской армии и красногвардейцев в состав частей Красной армии и выбору ими своего командира. Подобная организация напоминала партизанские отряды, где воинская дисциплина заменялась сознательностью бойцов, согласных подчиняться выбранному ими командиру.

Органы военного управления создавались стихийно, бессистемно, под конкретные, внезапно возникавшие задачи. Часто для выполнения одной и той же задачи формировалось несколько различных штабов, которые могли издавать противоречащие друг другу приказы. При создании органов управления не учитывалась возможность их использования на дальнейшем этапе, что приводило к необходимости их постоянной реструктуризации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1974. С. 198.

² Академические вести. 1997. Вып. 48 (93).

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 383.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ Центральный государственный архив в Санкт-Петербурге (ЦГА СПб). Ф. 4868. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

⁶ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1979. Т. 3. С. 129—131; Гражданская война в СССР: В 2-х т. М., 1980. Т. 1. С. 76.

⁷ Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны. М., 1976. С. 276.

⁸ Там же. С. 282.

⁹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 242, 243.

¹⁰ Российский государственный военный-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1817. Л. 3.

¹¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сб. док. М., 1973. С. 310.

¹² Директивы командования фронтов Красной армии. М., 1971. Т. 1. С. 147.

¹³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1223. Оп. 2. Д. 31. Л. 48.

¹⁴ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 226.

¹⁵ Там же. С. 225, 226.

¹⁶ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 352—356.

¹⁷ Там же.

¹⁸ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. С. 226.

¹⁹ Петров В.И. Отражение Страной Советов нашествия германских империалистов в 1918 году. М., 1980. С. 82.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 409.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8321. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

²² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 66.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 354.

²⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 244, 249.

²⁵ Кляцкин С.М. На защите Октября. М., 1965. С. 132.

²⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1971. Т. 1. С. 81.

²⁷ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. С. 228.

²⁸ Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 93.

²⁹ Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 304.

Подполковник О.В. НЕСТЕРОВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В УЛЬЯНОВСКЕ

В УЛЬЯНОВСКОМ высшем военно-техническом училище состоялась заочная читательская военно-историческая конференция «Объективное освещение событий Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на страницах "Военно-исторического журнала"», посвященная 60-летию Победы. С докладом выступил начальник училища генерал-майор А.В. Морохов. Он отметил, что «Военно-исторический журнал» является одним из самых популярных и читаемых журналов у личного состава училища. Его отличительной чертой является то, что издание находится вне политики, что весьма важно для последних лет. Докладчик обратил особое внимание на большое количество материалов о Великой Отечественной войне и высокий уровень их подготовки. В качестве пожелания докладчик рекомендовал публиковать больше исследований, посвященных войнам древнерусского государства и геральдике современной Российской армии.

С докладом выступил полковник в отставке Ф.С. Макушев, который отметил, что, несмотря на существенные перемены в жизни нашей страны, «Военно-исторический журнал» остается на страже интересов русского солдата и офицера и является практически единственным изданием, не позволяющим безнаказанно облизывать грязью защитников Отечества. Ф.С. Макушев пожелал редакции чаще публиковать статьи о подвигах русского солдата, особенно в Афганистане, Чечне.

На конференции также выступил кандидат исторических наук, преподаватель кафедры тактики и общевоеенных дисциплин подполковник В.А. Щеголев. Он отметил, что статьи «Военно-исторического журнала» оказывают большую помощь преподавателям в подготовке не только по историческим вопросам, но и по вопросам тыла, в частности службы горячего.

Курсант М.С. Литвинов, выступая на тему «Борьба за господство в воздухе в оборонительной операции Курской битвы», также акцентировал внимание на материалах по этому вопросу, опубликованных в «Военно-историческом журнале».

Сержант Р.Р. Хуснетдинов в своем выступлении отметил красочность оформления журнала, которое не уступает многим передовым изданиям, а порой даже и превосходит их. В качестве пожелания редакции он высказал мнение, что следует давать больше материалов о сражениях, в которых русская и советская армии одерживали победы. Были высказаны пожелания продолжать публикацию материалов под рубрикой «Священная война на российских землях». Курсант А.Б. Бочкарев предложил даже фрагменты своего небольшого исследования о боевом пути Невельской дважды Краснознаменной дивизии.

Опираясь на опубликованные в журнале материалы, на конференции также выступили: курсант В.В. Швыков с докладом на тему «Морской Генеральный штаб России»; курсант Н.К. Алексеев с материалом «Генерал-майор Башанов. Образец мужества и храбрости»; командир отделения сержант Р.Р. Нуриддинов с сообщением на тему «Уроки борьбы с минной опасностью в Русско-японской войне».

О нравственных принципах офицеров русской армии во второй половине XIX века рассказал командир группы старший сержант А.В. Березнюк. В завершение конференции с докладом «Шесть фронтов маршала И.С. Конева» выступил курсант М.М. Малафеев.

В заключение конференции слово было предоставлено начальнику училища генерал-майору А.В. Морохову, который подвел итоги конференции, поблагодарил участников и пожелал редакции «Военно-исторического журнала» дальнейших творческих успехов.

Полковник Н.В. ЛОГИНОВ,
заместитель начальника
Ульяновского высшего
военно-технического училища
по учебной и научной работе,
кандидат технических наук, доцент

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ

СОГЛАСНО сложившейся в отечественной историографии традиции, преобразования, предпринятые правительством Ивана IV в период с 1550 по 1572 год в военной области, часто называют военной реформой Ивана Грозного. Их основным содержанием «явилось усовершенствование системы военного управления, учреждение постоянного (стрелецкого) войска и упорядочение службы в русском поместном войске, налаживание сторожевой службы на границах Русского государства, выделение «наряда» (артиллерии) в самостоятельный род войск»¹. Однако военная реформа — это кардинальное видоизменение всей военной организации государства и общества, приводящее их в новое качественное состояние.

Ставя вопрос именно таким образом, следует признать, что военные преобразования Ивана Грозного являются лишь завершающим этапом военной реформы, предпринятой его дедом Иваном III и его отцом Василием III.

РАЗВИТИЕ центральных районов России накануне военной реформы XV—XVI вв. происходило под влиянием ряда факторов, важнейшими из которых являлись: значительное ослабление многонационального золотоордынского государства; рост самостоятельности и военной силы удельных русских князей; опережающее военно-экономическое развитие территорий, объединявшихся под началом Москвы; единое военно-политическое руководство процессом объединения в лице московских князей; всесторонняя поддержка духовенством мер объединения и централизации власти. Решению задачи объединения способствовало также и известное этническое единство славянских народов, издревле проживавших на территории центральных княжеств.

В связи с этим предпосылками

проведения первой военной реформы в России можно назвать: появление объективной потребности создания военной организации, способной обеспечить поддержку княжеской элиты перед лицом внутренних и внешних угроз, а также существование политических сил, которым по силам организовать и довести до логического конца задачу формирования единого централизованного государства и его военной организации.

Как нам представляется, толчком, запускающим механизм военной реформы стало знаменитое «стояние на Угре». Чтобы возобновить ежегодные выплаты налогов или, как тогда называли, «выход» с русских земель, прекращенные Иваном III в 1476 году, хан Большой Орды Ахмат осенью 1480 года выступил в поход на Москву. В начале октября, обходя стоявшие в Коломне, Серпухове и Тарусе полки Ивана III и стремясь соединиться с обещавшим поддержку польско-литовским королем Казимиром, Ахмат подошел к притоку Оки — Угре. Там он был встречен передовыми русскими полками под командованием Ивана Молодого (сына Ивана III) и Андрея Меньшого (брата Ивана III). Форсировать Угру с ходу не удалось. После четырехдневного безуспешного сражения хан решил дожидаться подхода Казимира. Сил как у золотоордынского, так и у московского войска для решительного сражения не хватало. Обстановка была столь сложной, что часть боярства и жена великого князя Софья с казной спешно покинули Москву. В то же время братья Ивана III — Борис и Андрей Большой, стоявшие со своими полками в Великих Луках, на помощь не выступили, а активно искали контакты с Казимиром в надежде на его поддержку после падения Москвы. Лишь обещание Ивана III выделить им дополнительные земли из наследия умершего в 1472 году брата Юрия изменило обстановку.

Нашествие Ахмата показало, что власть великого князя отнюдь не так обеспечена и бесспорна². Ивану III становится ясно, что сложившийся порядок необходимо менять, решительно централизуя

государственную власть. Поэтому цель преобразований, предпринятых им и продолженных затем Василием III и Иваном IV, заключалась прежде всего в создании в государстве условий, при которых положение великокняжеской власти было бы незыблемым, как в условиях внутриполитической борьбы, так и перед лицом угрозы внешнего вторжения.

Для достижения этой цели было необходимо в значительной степени усилить собственную военную мощь, сломить военную силу оппозиции, максимально расширить социальную основу великокняжеской власти и ее экономические возможности, уничтожить сохранявшуюся автономиию великих и удельных князей, а также отдельных городов-республик, подчинить церковь идее объединения государства под началом великого князя Московского.

Начались реформы с изменения «докончаний» удельных князей, по которым их вотчины после смерти переходили не детям, а во владение великого князя. Так, с весны 1482 по осень 1486 года под управление Ивана III переходят Белозеро, Серпуховские земли и часть Рязанских, Ростов, Тверь, Псков³.

К 1491 году на Руси были ликвидированы все уделы, кроме Волоцкого, и большая часть частновладельческих прав на управление отдельными городами. Следующими шагами военно-политического переустройства стали: выведение дворян и бояр из-под юрисдикции власти местных князей, раздача земельных владений во всех районах государства, особенно во вновь присоединяемых, преданным великому князю дворянам, что приводило к расширению социальной базы самодержавия.

Вначале была применена практика роспуска боярских дворов во вновь присоединяемых к Московскому княжеству городах — Новгороде, Ярославле, Серпухове, Твери, Вятке, Пскове — и вывода местного боярства в центральные или окраинные районы страны. При этом новые хозяева, получая в поместье земли из конфискованных боярских вотчин, автоматически становились помещиками — слу-

жилыми людьми великого князя Московского, лично ему преданными и зависимыми от его воли⁴. Для управления присоединенными территориями великий князь назначал наместников, которые, хоть и были подчас лишены им собственных вотчин, в кормление иногда получали несравненно более богатые территории.

Чтобы не допускать сращивания местной аристократии с представителями великого князя, наместники раз в 3—4 года (а в середине XVI в. практически ежегодно) менялись. Однако такой порядок управления таил в себе значительные недостатки. Наместники не были заинтересованы в каких-либо позитивных изменениях на местах, часто самоустраивались от исполнения своих обязанностей, а на заключительном этапе своего правления вообще начинали заниматься только личным обогащением. Кроме того, постоянный рост территории государства⁵ требовал более эффективных форм управления, ведь поскольку наместники подчинялись лично великому князю, с большим приращением территорий неизбежно ослаблялся контроль над ними.

Решение проблемы нашлось в создании приказной системы государственного и военного управления. Одними из первых появились приказы, ведавшие личным составом и службой поместного войска (Разрядный), производством вооружения и пороха (Оружейная палата), доходами в казну, а также казенными землями и сооружениями (Казенный), несколько позже — Посольский, Ямской, Печатный приказы⁶.

Важной частью проводимых Иваном III преобразований стало развитие военного производства. Путем назначения «нарядов»⁷, переселения мастеров, поддержки горно-рудного и литейного производств великий князь всячески стремился во всех сколько-нибудь значимых городах наладить изготовление оружия, защитного снаряжения, пороха. Перенимая лучший мировой опыт, Иван III приглашал из-за границы оружейных и пушечных мастеров. К концу XV — началу XVI века он добился того, что у русского государства имелась уже достаточно сильная артиллерия. Изготовленные в этот период пушки были столь хороши, что стояли на вооружении русских крепостей вплоть до конца XVII века⁸.

Особое место в вопросах усиления обороны государства в этот

период занимает развитие системы порубежных крепостей, а также укрепление основных городов центра России. В Нижнем Новгороде, Муроме, Мещере, Касимове, Рязани, Кашире, Серпухове, Козельске, Смоленске, Звенигороде, Твери, Владимире строятся новые деревянные крепости, в Коломне, Туле, Ивангороде, как и в Москве, — каменные, во всех городах устанавливается артиллерия.

Именно при Иване III армия получает свое окончательное устройство по полкам. Полк становится административной единицей. При этом каждая самостоятельная рать состоит из трех полков — большого, передового и сторожевого (малый разряд) или пяти — большого, передового, правой и левой руки, сторожевого (большой разряд).

Наряду с поместным войском в боевых действиях все активнее принимают участие казаки, которые вместе с пушкарями составляют основу гарнизонных войск, а на южных рубежах несут сторожевую службу, а также конные отряды татарских ханов, перешедших на службу князя Московского.

Преобразования военной организации, предпринятые Иваном III, продолжил его сын — Василий III. Важнейшими направлениями его усилий стали: расширение системы поместного землевладения, прямо увеличивающее поместное войско; формирование жесткой вертикали государственной власти и централизованных органов военного управления; дальнейшее развитие вооруженных сил; стимулирование военного производства.

Вопрос развития поместного землевладения в этот период не был связан со столь болезненными мерами, как в годы царствования Ивана III. С одной стороны, великокняжеская власть укрепилась, и мало кто мог реально противиться ее решениям, с другой — Россия значительно увеличила свою территорию.

Василий III продолжил политику преодоления следов «живой автономии», введя повсеместное наместничество. Дабы преодолеть недостатки последнего, он сформировал структуры централизованного управления в лице городских приказчиков и губных старост, которые не только стали выполнять часть управленческих функций, но и вполне успешно следить за действиями воевод, волостелей и наместников.

Значительные изменения произошли в вооруженных силах. Так,

с увеличением количества центров оружейно-ружейного производства⁹ в войска все в большем количестве начало поступать огнестрельное оружие, что привело не только к усилению боевых возможностей, но и к усложнению структуры войск. Появилась полевая артиллерия. Наряд превратился в обособленную часть войска. С конца первой четверти XVI века в росписях военных походов впервые упоминается о двух различных самостоятельных нарядах: большом (во главе с особым воеводой) и легкоорудийном (в составе полков).

В зависимости от решаемых задач к традиционному пятиполковному большому разряду добавляются еще два полка: государев, когда во главе войска выступает лично великий князь, и ертаульный, представляющий собой легкий конный отряд, двигавшийся впереди передового полка и производивший разведку, а также обеспечивавший боевое охранение войск в походе.

С начала XVI века пищальники сводятся в отряды и действуют в составе подразделений. Оставаясь войсками «по прибору», они в то же время используются не только в период ведения боевых действий, но и выполняют функции гарнизонных войск с экстерриториальным принципом размещения¹⁰.

В этот же период мы встречаем и первые упоминания о делении вооруженных сил в период боевых действий по родовому и видовому признакам. Например, во время похода на Казань в 1524 году отдельно расписывается не только состав полков и наряда сухопутного войска, но и конная (большой разряд — 5 полков), и судовая рать (также большой разряд)¹¹.

Руководство полками возлагается, как правило, на бывших удельных князей и бояр. Однако их назначение на командные должности достаточно часто происходит вперемешку с простыми боярами, проявившими себя в ходе военных походов или подтвердившими свою личную преданность центральной власти.

Проведенные в вооруженных силах преобразования позволили России осуществить ряд успешных военных походов. В 1510 году к Русскому государству присоединяется Псковская земля, в 1514-м — Смоленская, в 1521-м — Великое княжество Рязанское.

К концу правления Василия III вопрос об институтах силы единого централизованного государства в общих чертах уже был ре-

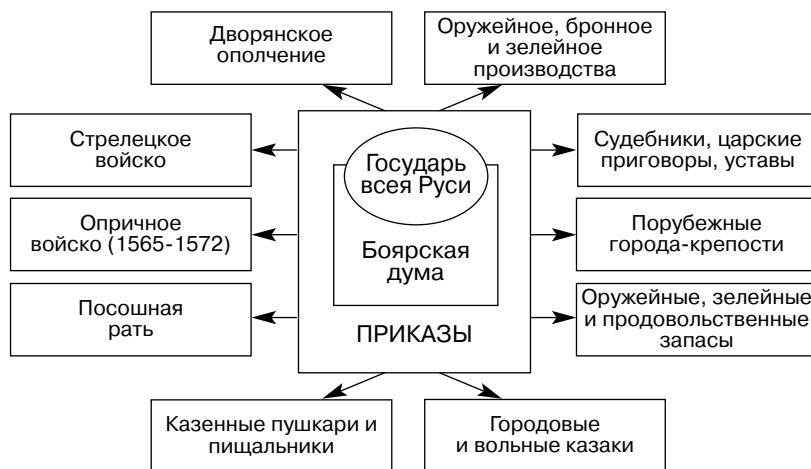
шен. Однако государственная власть все еще удерживалась в одних руках непрочно, и если уже нельзя было вмешаться в вопрос о престолонаследии, то подчинить государя, тем более малолетнего, воле определенной княжеско-боярской политической группировки было вполне возможно. Именно в этот период происходит ожесточенная борьба между княжеско-боярскими группировками Глинских, Оболенского, Захарьиных, Бельского и Шуйских за право регентства над Иваном IV. Происходившая на глазах Ивана IV, она во многом определила его дальнейшие действия. В это время он не только убеждается в необходимости полного уничтожения княжеско-боярского своеволия, но и приходит к мысли об обязательности более жесткой привязки армии непосредственно к власти государя.

Для этого в 1546 году создаются первые отряды стрельцов, которые уже получают великокняжеское жалованье не за войну, а за исполнение обязанностей в течение года. В 1550 году в целях усиления личной безопасности Иван IV учреждает сначала «выборных стрельцов и с пищалей 3000 человек», размещая их в Москве в Воробьевской слободе, а затем и «избранную тысячу», представляющую собой конный отряд поместного ополчения наиболее преданных государю и боеготовых бояр и детей боярских.

«Избранная тысяча» получила поместья на незначительном удалении от Москвы. Она и «выборные стрельцы», по сути, являлись личной гвардией Ивана IV, готовой сразу выступить на защиту интересов государя.

После десятилетия княжеско-боярского правления в стране эта мера была отнюдь не лишней. Бояре восстановили свое влияние на местах. Практически каждый из них имел достаточно мощную дружину из вооруженных дворовых и местных дворян¹². Многие после смерти Василия III дали клятву на верность тому или иному представителю великокняжеского рода.

Сложившиеся обстоятельства требовали решительного пересмотра большей части устоявшихся норм и правил государственного устройства. Необходимо было не только найти средства на содержание стрельцов и разрастающегося аппарата управления, но и упорядочить отношения между центром и его органами в уездах и местной княжеско-боярской аристократией, преодолеть

Структурная схема военной организации России во второй половине XVI в.

недостатки местничества в государственном и военном управлении, упорядочить государственную службу дворян, осуществить тщательную ревизию наличных средств, ввести ряд законов, подтверждающих новый политический порядок в стране.

Программа действий Ивана IV и его ближайшего окружения была представлена на совещании членов Боярской думы, представителей феодальной аристократии, духовенства и служилых людей в феврале 1549 года. Это был первый Земский собор, который, не ограничивая власти царя, обеспечивал легитимность принимаемых им решений и всех последующих действий. На соборе Иван IV выступил с резким осуждением боярского правления в предшествовавшие годы, и призвал к совместным усилиям для укрепления государства.

Решением собора дворяне освобождались от подсудности боярам-наместникам и по всем судебно-административным делам через уже окрепшую приказную систему переходили в ведение непосредственно царской власти. Собор поддержал идею Ивана IV о необходимости составления нового Судебника, который должен был установить твердый порядок суда и управления в Российском государстве.

Судебником 1550 года власть царских наместников значительно ограничивалась, расширялись права местного самоуправления, отменялись податные льготы монастырей. Особым пунктом Судебник оговаривал порядок набора богатыми вотчинниками на частную службу разорившихся воинов-дворян или не имеющих собственной статьи дохода боярских детей. Отныне дворян, годных для военной службы, «опричь тех, которых государь от службы от-

ставит», холопить строжайшим образом запрещалось.

В том же 1550 году приговором Ивана IV была предпринята еще одна мера централизации управления — на время военных походов и боевых действий запрещались местнические споры в войсках при назначении на командные должности. Указом устанавливалось жесткое старшинство большого воеводы — первого воеводы большого полка.

В соответствии с решениями Земского, а затем Стоглавого соборов уже с 1551 года «кормление» в ряде регионов России начинает постепенно отменяться, и власть переходит от бояр-наместников и волостей к избираемому населением на 1—2 года земским старостам; иммунитетные привилегии княжеских, боярских и монастырских слобод отменяются; мыт заменяется тамгой¹³; обязанности государственной службы распространяются на вотчины.

Переустройство прежней системы управления потребовало переосмысления порядка комплектования войска. В 1556 году специальным «Приговором царским о кормлениях и о службе»¹⁴ был определен порядок привлечения дворян к военной службе. В соответствии с ним с каждых 100 четвертей (около 57 га) «добрый земли» должен был являться один дворянин на коне в полном доспехе, а в дальний поход — с двумя конями. За ратников в полном доспехе помещику выплачивалось 2 рубля, а в тегляе (кафтан, подбитый войлоком) — 1 рубль. Денежное вознаграждение удваивалось за каждого из выставленных сверх нормы людей.

Руководство поместным ополчением возлагалось на специального воеводу, который с целью выявления боеготовности и численности дворянской конницы был обязан периодически проводить смотры. Служилым людям надлежало являться на смотры «конны, людны и оружны», а «нетчики» (кто уклонялся) подлежали особому разбирательству: «ленивы за бедностью» или же нет, в последнем случае дворянин мог лишиться своего поместья.

Такой порядок дал достаточно быстрые результаты. Так, если на смотре в Кашире в 1556 году из 222 дворян саадак¹⁵ имели 41 человек, копье — 19, рогатину — 9, топор — 1, а остальные 152 человека вообще не имели никакого оружия, то в 1577 году на смотре в Коломне из 283 человек все были одинаково вооружены — саадаком и саблей.

В то же время было ясно, что мелкопоместное дворянство по разным причинам (бедность хозяйства, частые отрывы на несение военной службы) подчас будет вынуждено становиться должниками более крупных феодалов. Чтобы не допустить этого, правительство в 1557 году запрещает взимать с мелкопоместного дворянства «рост» (проценты) за старые долги, а сам «рост» ограничивает 10 проц. годовых.

Проведенные мероприятия позволили укрепить не только экономическую заинтересованность помещиков в несении военной службы, но и вертикаль военной организации. Кроме того, они серьезно подорвали власть местной феодальной аристократии, поскольку выводили мелкопоместное дворянство из-под ее влияния.

Усложнение внешнеполитической ситуации в связи с началом Ливонской войны 1558—1583 гг. совпало с ростом недовольства княжеско-боярской оппозиции. Боярство часто бежало из страны, переходило в стан врага, под разными причинами отказывалось от службы, подготавливало к сдаче принадлежащие Москве города.

Средством достижения политического единства правящей элиты, разгрома внутренних противников становится опричнина.

На наш взгляд, опричнина, введенная Иваном IV в 1565 году, является первым опытом создания в стране сил государственной безопасности. Безопасности лично Ивана IV, безопасности системы создаваемых им отношений самодержавного правления. Суть которой состояла в

получении Иваном IV от Боярской думы права на суд и расправу над представителями княжеско-боярской оппозиции и создание в стране вооруженной силы, которая могла бы обеспечить эту функцию. Чтобы полномочия опричников ни у кого не вызвали сомнений, они выводились из-под ведения общегосударственных органов власти и суда.

Первыми преобразованиями в войсках в связи с введением опричнины стала чистка командного состава армии: ряд воевод в полках, стоявших в порубежных городах, был отозван, а вместо них были назначены проверенные (из опричников). Параллельно в Мценске, Калуге, Серпухове, Коломне, Кашире, Ржеве и Тарусе были созданы и исключительно опричные полки. Подразумевалось, что в случае совместных боевых действий опричное войско должно было соединяться с земским. Однако главной задачей опричных войск стало все же не участие в боевых действиях с внешним противником, а выполнение иных задач, главной из которых являлась борьба против княжеско-боярского сопротивления, а также весьма независимо настроенных служилых людей, недовольных жесткой дисциплиной, насаждаемой царской властью.

За неполных семь лет существования опричнины (с 1565 по 1572 г.) по стране прокатилась целая волна политических процессов. Так, в 1565 году Иван IV казнил или отправил в пожизненную ссылку «за великие изменные дела» князей, боярских детей, а также близких к ним дворян Москвы, Ярославля и Ростова. В 1566 году расправе подверглись участники Земского собора, обратившиеся к государю с просьбой прекратить насилия опричников над заслуженными людьми. В 1567—1568 гг. репрессии охватили центральные и северо-западные порубежные города. В 1569 году Иван IV лично отравил великого князя Владимира Старицкого и предал смерти почти весь его двор. К концу года были разорены Тверь и Торжок. В 1570 году «государев разгром» был учинен в Новгороде, Пскове и Москве.

Описывая пытки и казни в Новгороде, летописец сообщает, что ежедневно в течение пяти недель в Волкове топили по 1000—1500 человек, «а тот день хорош, когда в воду бросят всего пятьсот или шестьсот человек»¹⁶.

Погромы 1570 года показали,

что опричное войско постепенно перерождалось в неуправляемую вооруженную группировку, живущую грабежами, насилием и убийствами мирного населения. Окончательный приговор опричнине подписали события 1571 года, когда в критический момент набега крымского хана Девлет-Гирея на Москву опричники не вышли на государеву службу. Сожжение Москвы стоило жизни всему командному составу опричных войск. И уже начиная с 1572 года упоминания об опричнине исчезают из документов.

Одним из важнейших мероприятий военного реформирования в период царствования Ивана Грозного стало создание стройной системы пограничной службы.

К первой линии укрепленных городов, созданной усилиями Ивана III и Василия III, при Иване IV добавилась вторая¹⁷. Далеко в степи русское правительство стало выдвигать полевое войско — украинную рать. К татарским кочевьям направлялись отряды сторожей, действия которых были определены первым русским уставом о сторожевой и станичной службе, составленным в 1571 году воеводой М.И. Воротыньским.

Это был один из наиболее передовых документов своего времени. Он не только отражал жизненную потребность государства в защите своих границ, но и позволил создать органично вписанную в военную организацию систему раннего предупреждения о военной опасности со стороны сопредельных государств. Ни одно государство мира на тот момент не имело ничего подобного.

Пограничная служба включала в себя организацию сторожевого охранения на обеих линиях укрепленных городов, разведывательной службы и службы связи. Все порубежные земли делились на 12 сторожевых районов, которые в свою очередь состояли из 73 сторожевых участков и 4 наблюдательных застав. Один сторожевой район обслуживали 8 станиц. Служба организовывалась с 1 апреля по 1 декабря. Оставляя посты, пока не являлась смена, считалось недопустимым и каралось смертной казнью.

В результате проведенных мероприятий южная граница имела в постоянной готовности до 170 сотен казаков (около 25 тыс. человек)¹⁸.

Серьезные изменения в годы правления Ивана IV претерпели средства вооруженной борьбы. Поступление в войска в большом

количестве огнестрельного оружия позволило сделать стрелечное войско основой полевых армий, а также вооружить огнестрельным оружием конницу.

К середине XVI века относятся и первые упоминания о многоствольных скорострельных орудиях под названием «сорок». Примечательно, что увеличение скорострельности оружия в эти годы является едва ли не важнейшим требованием центральной власти к его производителям. Поиск новых технических решений приводит к постепенной замене изобретенных в конце XV века фитильных пищалей на более безопасные и скорострельные кремневые ружья. Ко второй половине XVI века относятся и первые опыты создания в России нарезного оружия.

Насыщение войск огнестрельным оружием приводит к зарождению в тактике ведения боевых действий новых приемов, когда стрелечные полки для повышения эффективности ружейного огня выстраиваются в одну—две линии по 4—6 шеренг в глубину и поочередно производят залпы из своего оружия. Таким образом, линейная тактика, принятая всей Европой лишь в середине XVII века, когда окончилась Тридцатилетняя война, была предвосхищена русскими войсками еще в 60-х годах XVI века.

Артиллерия получила устойчивое деление на крепостной, осадный и полковой наряды. При этом к крепостному наряду относились мало- и среднекалиберные орудия, к осадному (стеннобояному) — большого калибра. Полковой наряд в этот период получил колесные лафеты на конной тяге и был вооружен легкими пушками малых и средних калибров, стреляющими ядрами весом от 100 г до 3,5 кг.

К началу 80-х годов XVI столетия военная реформа XV—XVI вв. полностью завершилась. Ее главным итогом стало формирование принципиально новой военной организации (см. схему), нацеленной на обеспечение устойчивости и безопасности самодержавного правления перед лицом внутренних противников.

В своем развитии она прошла три достаточно четко различаемых этапа. На первом этапе (1482—1505 гг.) была осознана необходимость военного реформирования, созданы ее предпосылки и начаты преобразования военной организации, на втором (1505—1548 гг.) в общих чертах оформилась система военно-по-

литического руководства, помещичье землевладение стало действительной основой самодержавного правления, сложилась структура вооруженных сил, сформировалось военное производство. На третьем этапе (1548—1572 гг.), в период царствования Ивана IV, были достигнуты важнейшие цели военной реформы: власть сосредоточилась в руках государя, а военная организация обрела способность надежно обеспечивать незыблемость сложившегося политического порядка.

Однако неудачи на заключительном этапе Ливонской войны, поражения, нанесенные польско-литовскими, а затем шведскими войсками показали, что формирование военной организации, способной успешно противостоять внешним противникам, — задача не настоящего, но будущих поколений. Она была успешно решена в ходе военной реформы Петра I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1995. Т. 3. С. 300—301.

² Так, С.М. Соловьев подчеркивает, что, хотя князь московский на деле был сильнейшим из князей Северной Руси, «он продолжал еще носить название великого князя, что означало только старшего в роде княжеском... князья-родичи еще не переставали требовать родственного, равного обхождения; члены дружины еще сохраняли старое право отъезда... когда дружинник при первом неудовольствии отъезжал от одного князя к другому и считал себя вправе знать все думы княжеские». См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. 3. Т. 5—6. С. 58.

³ Более подробно см.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. С. 57—68.

⁴ В ходе подобных преобразований в Новгороде в 80—90-х годах XV в. землю из рук великого князя получили около 2500 помещиков.

⁵ Так, Иван III унаследовал в 1462 г. от своего отца — Василия Темного около 430 тыс. км² земли, Василий III расширил территорию государства к 1533 г. до 2800 тыс. км², к концу правления Ивана IV в границах России уже находилось 5400 тыс. км² земель.

⁶ По мнению ряда исследователей, несмотря на то что прямое документальное свидетельство существования приказов впервые появляется только в 1512 г., начало приказной системе положил в конце XV в. именно Иван III, и лишь позже Василием III, а затем Иваном IV указы в России были превращены в относительно стройную систему управления. См.: Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве.

М., 1961; Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М.: Мысль, 1982; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII в. М.: Воениздат, 1954; Алексеева Л.А. Основные тенденции образования и развития Русского централизованного государства в XIV—XVI вв. Владивосток: ДГАЭиУ, 1988.

⁷ Назначение нарядов — форма обязательной повинности того или иного района, населенного пункта перед великокняжеской властью по изготовлению оружия, защитного снаряжения, пороха, подготовке специалистов, заготовке провианта и средств передвижения для войск. Именно благодаря великокняжеским заданиям на изготовление пушек и подготовку необходимых специалистов для их использования первые артиллерийские подразделения на Руси стали называться «нарядами».

⁸ См.: Епифанов П.П. Псковский «наряд» 1696 г. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М.: МГУ, 1948. Вып. № 8. С. 48—56.

⁹ Например, к 30-м годам XVI в. в Москве и Новгороде уже было развернуто производство пушек, пищалей, пороха, холдного оружия и защитного снаряжения. В летописях упоминаются казенные оружейные мастера в Туле и Суздале, казенные мастера станочного и колесного дела по артиллерийской части на р. Шелони, кожевенного производства в Ярославле.

¹⁰ Традиционно считалось, что войска в этот период собирались исключительно для ведения войны, однако в Псковской летописи за 7008 г. (1510 г.) указывается, что в период приведения Пскова к целованию московскому правительству Василий III прислал из Москвы 1000 «пищальников казенных», а после своего отъезда из Пскова оставил там 1000 детей боярских (очевидно, испоместил) и 500 пищальников новгородских. См.: Псковская первая летопись // Полн. собр. русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1848. Т. IV. С. 288.

¹¹ См.: Продолжение Летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 246, 270.

¹² Например, А.А. Зимин замечает, что только у удельных князей Воротыньских в этот период «одних военных слуг насчитывалось несколько тысяч». См.: Зимин А.А. Опричнина. М.: Территория, 2001. С. 74.

¹³ Мыт — пошлина за провоз товаров через определенную местность. Как правило, поступала в руки боярства и князей, в то время как тамга — налог с продаж — в государственную казну, так как взималась таможенными целовальниками земского самоуправления.

¹⁴ Так называемое уложение о службе. См.: ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. XIII. С. 267—269.

¹⁵ Саадак — комплект оружия конного воина, состоявший из лука, стрел с колчаном и чехла к ним.

¹⁶ История СССР. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 193.

¹⁷ Алатьерь, Темников, Кадома, Шацк, Рязск, Доньков, Пронск, Михайлов, Епифань, Мценск, Орел, Рильск, Путивль, Новгород-Северский.

¹⁸ См.: Лебедев Н.Н. XVI столетие о ратном деле. М.: Посредник, 1911. С. 56.

Полковник О.В. АДАМЦЕВИЧ

«МУШТРУЙТЕ И ВОСПИТЫВАЙТЕ... СНАЧАЛА СЕБЯ, ПОТОМ СОЛДАТА»

Становление и развитие военно-профессиональной подготовки офицерского состава отечественного флота

ИСТОРИЧЕСКИЙ опыт свидетельствует, что офицерство как социально-профессиональный слой появляется не раньше, чем возникают постоянные военные формирования с устойчивой внутренней организацией. В России впервые офицерские звания (на западноевропейский манер) были введены в 30-е годы XVII века в связи с формированием первых солдатских (пехотных) полков «нового строя». Именно в этот период были заложены основы создания офицерского корпуса регулярной армии и флота, а в общественное сознание внесены те начала и принципы, которые со временем определили социальную роль и профессиональное значение воинских начальников.

В ВМФ России формирование профессионального офицерского корпуса шло параллельно с созданием и развитием флота путем привлечения на службу иностранных военных специалистов, подготовки офицерских кадров за рубежом и создания национальной системы военно-морского образования.

В отношении офицеров-иностранцев Петр I придерживался четкой линии: там, где появлялась возможность заменить иностранца русским, замена производилась немедленно. В то же время он бережно относился к тем иностранцам, которые имели высокий уровень военно-профессиональной подготовки и приносили несомненную пользу России¹.

Обучение офицеров флота за рубежом осуществлялось как в ходе службы на военных кораблях, так и в специальных учебных заведениях. Обучение на кораблях носило преимущественно практический характер. Парусный маневр, навигация, мореходная астрономия, тактика морского боя, дисциплинарная практика, устройство корабля — вот чему учили в то время в Европе будущих офице-

ров флота. Военно-морские учебные заведения таких морских держав, как Великобритания, Франция, Испания, не имели общих профессиональных программ, и обучение морскому делу шло в основном по принципу «делай как я». Впоследствии, с конца XVII века в эти школы начали приглашать учителей-предметников, в частности математиков, гидрографов, специалистов по кораблевождению и корабельной архитектуре. Сроки обучения, как правило, были рассчитаны на три года. Гардемарины (морские гвардейцы) — так называли учащихся военно-морских учебных заведений — за этот срок должны были освоить теорию и практику судовождения, некоторые разделы физики, теоретической механики и математики, изучить историю мореплавания, иностранные языки и научиться правилам хорошего тона, танцам, фехтованию, верховой езде, владению холодным оружием. И все же главное требование, которое предъявлялось к выпускникам этих учебных заведений, заключалось в том, чтобы офицеры умели «осуществлять парусный маневр, применять оружие и держать в руках матросов»².

Изучив европейскую систему военно-профессионального обучения офицерских кадров, Петр I окончательно осознал насущную необходимость создания собственной системы подготовки военных специалистов как важнейшего условия успеха задуманных и осуществлявшихся им преобразований.

На становление и развитие военно-профессиональной подготовки офицеров ВМФ России в исследуемый период оказывал влияние целый комплекс социально-педагогических факторов, к основным из которых можно отнести следующие: создание многоуровневой национальной системы военно-морского образования;

развитие русской военно-педагогической мысли в профессиональной деятельности выдающихся флотоводцев; формирование социально-правовых требований и юридически обоснованных норм профессионального поведения офицеров; укрепление военно-профессиональных флотских традиций. Так в начале XVIII века было положено начало военно-морскому образованию в России. С этой целью организуются первые военно-морские образовательные учреждения, определяется содержание военно-морского образования, состоявшего из двух компонентов — общенаучного и профессионального, устанавливается тесная связь образовательных программ с наукой, закладываются основы системы отбора для обучения. В эти же годы начинает формироваться и отечественный корпус военно-педагогических кадров³.

Однако нельзя не отметить того факта, что созданная в тот период в России школа подготовки морских офицеров давала возможность укомплектовывать в основном лишь низшие командные должности, что же касалось командиров кораблей и старших офицеров, то они необходимого специального образования не получали⁴. Только в начале XVIII века приходит осознание того, что военно-морское образование требует дифференциации. Начиная с 1726 года вводится отдельная программа подготовки линейных (строевых) офицеров, штурманов и морских артиллеристов. Во второй половине века отчетливо намечается тенденция к переходу от единственного учебного заведения к сети государственных образовательных учреждений, осуществляющих раздельную подготовку командных и инженерных кадров для флота. Этот процесс, но уже на более высокой научно-педагогической основе, продолжается и в XIX веке. Так, в 1830 году учреждается Александровский кадетский корпус (прообраз будущего Нахимовского училища) с целью довузовской подготовки малолетних сирот, детей заслуженных воинов дворянского происхождения. В его состав вводится мор-

ская рота, куда принимаются дети в возрасте 6—7 лет. По достижении десятилетнего возраста они переводятся в Морской кадетский корпус⁵.

В тот период предпринимались шаги по централизации управления всеми военными и военноморскими образовательными учреждениями, прежде всего в сфере определения содержания военного образования и регламентации работы военно-учебных заведений. Принципиальное значение имело появление к началу XX века государственной системы подготовки офицеров к преподавательской и научной деятельности, достаточно эффективной, рассчитанной на поиск талантов и их индивидуальное самосовершенствование⁶. Принимались меры по улучшению методов и методик военно-профессиональной подготовки офицерских кадров на различных уровнях образования.

Военно-морское образование развивалось и совершенствовалось по мере накопления флотом боевого опыта. Флот поставлял образовательным учреждениям фактический материал для аналитической работы, а те преобразовывали его в образовательные программы, по которым для флота готовили профессионалов высокого уровня. В 1718 году в качестве обязательной составляющей российского военно-морского образования была введена морская практика на боевых кораблях продолжительностью 3—5 лет, в ходе которой обучаемые приобретали умения и навыки в кораблевождении, применении морской артиллерии, парусном и гребном деле, управлении кораблем и соединением в бою и походе.

МЕТОДЫ проведения учебных занятий в военно-морских учреждениях отрабатывались постепенно с учетом уровня подготовленности воспитанников⁷. Сначала основным являлся метод заучивания пройденного материала наизусть, иными словами зубрежка. Учебный материал излагался без доказательств, в виде вопросов и ответов, что неизбежно вело к его механическому запоминанию. Теоретические занятия проводились методом чтения учебников или записок, а сами учебники составлялись в форме катехизиса, как это было принято в европейских странах. Практические занятия сводились в основном к выполнению расчетных задач по математике, навигации, мореходной астрономии, геодезии и другим предметам. По своей сущности это была

школа памяти — от учеников требовалось механическое запоминание учебного материала.

Глубокие изменения в содержании образования и организации образовательного процесса в XVIII веке на долгие годы предопределили тенденцию к усилению общеобразовательного и гуманитарного компонентов и практической направленности в военно-профессиональной подготовке офицеров флота, что позволяло наряду с обучением больше внимания уделять и воспитанию будущих морских офицеров. Уровень проведения занятий и их методическое обеспечение постоянно повышались.

Историко-педагогический анализ некоторых элементов системы национального военно-морского образования позволяет утверждать, что все доступные воспитательные средства, все способы непосредственного воздействия наставников на их питомцев, повседневное исполнение установленных обычаев, ритуалов и традиций своевременно возбуждали и упрочивали в каждом из них живой интерес к военному делу и славе родного оружия, глубокое уважение к профессии морского офицера.

Такие выпускники военно-морских учебных заведений, как выдающиеся флотоводцы Ф.Ф. Ушаков, В.Я. Чичагов, Д.Н. Сенявин, Н.С. Мордвинов, М.П. Лазарев, Г.И. Бугаков, П.С. Нахимов, В.И. Истомин, С.О. Макаров, Н.О. Эссен и ряд других, получив всестороннюю морскую военно-профессиональную подготовку, отвечавшую требованиям своего времени, отлично исполняли на разных должностях свои нелегкие служебные обязанности. Кроме этого, они создали школу практической военно-профессиональной подготовки офицеров ВМФ России, сформировали свои, весьма прогрессивные военно-педагогические взгляды, разработали эффективные системы подготовки моряков к длительным плаваниям, к действиям в бою, и этим, несомненно, развили отечественную военно-педагогическую науку. Их военно-педагогические взгляды тесно увязывались с научно-педагогической мыслью России, которую выражали гражданские педагоги П.Ф. Каптерев, К.Д. Ушинский, Н.А. Корф и многие другие, что стало важным социально-педагогическим фактором дальнейшего совершенствования военно-профессиональной подготовки морских офицеров применительно к потребностям

своего времени, интересам развивавшегося флота, менявшимся условиям вооруженной борьбы на море.

Необходимым педагогическим условием устойчивости, непрерывности и управляемости системы военно-профессиональной подготовки в ВМФ России служили социально-правовые требования и юридически обоснованные нормы профессионального поведения офицеров. Они формировались в конкретных исторических условиях и легли в основу государственных взглядов на обучение и воспитание офицеров флота.

ПЕРВЫЙ Устав Морской стал образцом военной-морской теоретической мысли и литературным памятником замечательной эпохи выдающихся побед Российской императорской флота, созданным поколением лучших морских офицеров⁸. Некоторые его положения оказались настолько жизненными, что на протяжении всей истории русского и советского ВМФ оставались без особых изменений. Устав органично сконцентрировал в себе все морские традиции и военно-профессиональные правила, которые дала действительная жизнь и профессиональная служба на кораблях при всевозможных обстоятельствах и условиях.

В январе 1722 года вступил в силу закон, получивший название «Табель о рангах», которым в основу чиновничества, прежде всего в армии и на флоте, были положены не сословные привилегии, а личные качества, военно-профессиональные способности, образование, опыт и храбрость офицера. В 1855 году был установлен морской ценз, когда при дальнейшем продвижении по службе обращалось внимание на продолжительность времени, проведенного офицерами на корабле. Это правило просуществовало до 1907 года.

Важным социально-педагогическим фактором исследуемого периода, влиявшим на формирование системы военно-профессиональной подготовки офицеров ВМФ России, являлись складывавшиеся военно-профессиональные традиции⁹. Их педагогический характер наиболее ярко выражен в сферах общения и самосовершенствования офицеров флота, в чем, кстати, особое место принадлежало корабельным кают-компаниям¹⁰ и морским офицерским собраниям¹¹. Они служили важнейшим средством активизации военно-профессиональной среды, помогали офицерам в их

военно-профессиональном становлении, учили их четким и ясным правилам, необходимым на службе и в быту. Здесь ценились высокий интеллект, товарищеское общение независимо от звания и служебного положения, умение различать служебные, официальные и товарищеские взаимоотношения¹².

Традиция самовоспитания и самообразования офицерского состава, по мнению военных педагогов дореволюционной России, являлась важнейшим путем формирования основных военно-профессиональных качеств. Человек, посвятивший себя военному делу, обязан был непрестанно повышать военно-профессиональный уровень, вырабатывать в своем характере те черты, которые позволили бы ему высоко нести звание офицера. «И муштруйте и воспитывайте... Но только сначала себя, а потом солдата»¹³, — требовал в свое время Н.Д. Бутовский.

Самовоспитание и самообразование строились на прочном фундаменте умственного и нравственного развития, полученного юношей в стенах военного учебного заведения. «Человек, окончивший школьное образование, должен вступить в жизнь с сознанием, что он еще ничего не знает и не имеет никакого военного воспитания и что его познакомили лишь с программой знаний и показали рамки, в которые должна вложиться его личность в смысле воспитания, но и то и другое ему придется достигнуть самому»¹⁴, — таков общепедагогический взгляд С.О. Макарова на проблему самообразования и самовоспитания.

Исследование сущности и содержания традиций офицеров отечественного ВМФ показывает, что они служили основой формирования специфической военно-профессиональной среды, в которой активно использовались и нравственные идеалы, и воздействие силой личного примера, где разрабатывались и реализовывались морально-этические нормы поведения, устанавливались педагогически целесообразные отношения и развивалась самодеятельность, где шел поиск побуждения военного человека к самообразованию и самовоспитанию.

Таким образом, к началу XX века в России сложилась стройная национальная система военно-профессиональной подготовки офицерских кадров для флота, которая в своей динамике представляла сложный, порою противоречивый педагогический процесс. Сформировавшиеся социально-

педагогические подходы к решению исследуемой проблемы говорят о ее неоднозначности и зависимости от социально-политических и иных факторов. Вместе с тем накопленный опыт организации качественной военно-профессиональной подготовки офицеров активно использовался и в другие исторические периоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 71; Колыбель флота. Навигацкая школа — морской корпус. 1701—1951. Париж: Изд-во Всезарубежн. объединен. морск. организаций, 1951. С. 14.

² Чекуров М.В. Так гласил морской закон. М.: Транспорт, 1998. С. 39—40.

³ Нужнов И.Н., Вахмистрова С.И. История становления и развития системы подготовки офицерских кадров Российского флота. СПб., 1997.

⁴ Военно-морское образование в России. / В.П. Еремин, Н.Д. Загорин, В.П. Кобзев, Н.В. Махров. СПб.: Наука, 2000. С. 97—102.

⁵ Паначин Р.Г. Педагогическое образование в России: историко-педагогические очерки. М.: Педагогика, 1979. С. 82—83.

⁶ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. 82 с.

⁷ Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. С. 7—50.

⁸ Книга «Устав Морской». О всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб., 1763. С. 1.

⁹ Мясин В.П. Военно-профессиональные традиции офицеров ВМФ России (педагогический аспект): Учебное пособие. Калининград: Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, 2001. 80 с.

¹⁰ Горденев М.Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Русского Императорского флота. М.: Андреевский флаг, 1992. 80 с.; Дыгало В.А. Флот государства Российского. Откуда и что на флоте пошло. М.: Изд. гр. «Прогресс», 1993. 352 с.

¹¹ Кронштадтское морское собрание. Крат. очерк столетнего существования. СПб., 1902. 115 с.

¹² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-203. Оп. 1. Д. 28. Л. 13; Ф. р-283. Оп. 2. Д. 95. Л. 4—4об.; Д. 1107. Л. 65; Ф. р-249. Оп. 1. Д. 84. Л. 24—29 об.

¹³ Военная психология и педагогика. Хрестоматийный сборник. М., 1992. С. 38.

¹⁴ Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. СПб.: ЭЛМОР, 1997. С. 42.

Контр-адмирал В.П. МАСЯГИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ НА 65-летие ЖУРНАЛА

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции / Сост. В.М. Крылов, С.В. Ефимов, Л.К. Маковская, С.В. Успенская. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. 256 с., ил.

Передана членом редакционного совета «Военно-исторического журнала» начальником Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидатом исторических наук, профессором полковником в отставке В.М. Крыловым (Санкт-Петербург)

С тобой одной мы связаны судьбою... Фотолетопись города Подольска / Авт.-сост. В.И. Яковлева. М.: Глобус, 2003. 216 с., ил.

Передана членом редакционной коллегии «Военно-исторического журнала» начальником Архивной службы Вооруженных сил РФ полковником С.А. Ильенковым (Москва)

Колосова Е.Е. Российская империя в фотографиях. Конец XIX — начало XX века: Альбом. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.

Передана членом редакционного совета «Военно-исторического журнала» директором Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) Л.П. Запругаевой (г. Красногорск Московской обл.)

Военнослужащие в Сталинграде. 1943—1954: Документы и материалы. Т. 2. Военнослужащие в СССР 1939—1956 гг.: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2003. 1160 с., ил.

Передана членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», директором Российского государственного военного архива (РГВА) В.Н. Кузленковым (Москва)

Военный сборник. Статьи и публикации по российской военной истории до 1917 / Под ред. В. Егорова. М.: ИПГ «Профис», 2004. 128 с., ил.

Передана членом редакционной коллегии «Военно-исторического журнала», директором Российского государственного военно-исторического архива И.О. Гаркушей (Москва)

Млечин Л.М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 815 с.

Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 494 с.

Передана автором (Москва)

Фои Ф. Воспоминания (Война 1914—1918 гг.). М.: Государственное военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1939. 431 с.

Фрузе М.В. Статьи и речи. М.: Государственное военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1936. 513 с.

Де-Лазари. Атлас «Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.» в схемах с пояснительным текстом. М.: Госвоениздат, 1934. 80 с.

Переданы доктором исторических наук, профессором А.А. Чернобаевым (Москва)

ОТ МИНЕРНОЙ РОТЫ К ИНЖЕНЕРНЫМ ПОЛКАМ

Становление и развитие организационной структуры инженерных войск России (1702—1917 гг.)

ПЕРВЫЕ штатные формирования инженерных войск появились в русской армии в начале XVIII века. Их создание было обусловлено развитием военно-инженерного искусства, истоки которого берут свое начало в Древней Руси.

В те времена простейшие виды военно-инженерных работ выполняли ратники, а для проведения более сложных привлекали мастеровых людей, среди которых были «городники», занимавшиеся строительством укреплений, «мостники», наводившие мосты и переправы, «порочных дел мастера»¹, строившие осадные машины. О них упоминается в «Ипатьевской летописи» и «Повести временных лет». В XIV веке людей, руководивших такими работами, стали называть «размыслами» от слова «размышлять», подчеркивая тем самым интеллектуальный характер их труда. В значении же официального титула термин «размысл» стал употребляться в XVI веке с царствования Ивана Грозного. Первым военным инженером считается Иван Выродков, руководивший военно-инженерными работами в Казанском походе Ивана Грозного в 1551 году.

С ростом численности русского войска и дальнейшим развитием военного искусства увеличивался объем работ по инженерному обеспечению боевых действий. Соответственно выросла потребность в специальных отрядах для выполнения подобных работ. И такие отряды стали создавать из «посошной рати», получившей свое название от единицы податного обложения крестьян — «сохи». Пешая посоха обычно привлекалась к военно-инженерным работам: расчистке дорог, ремонту и строительству мостов, ведению минных подкопов при осаде крепостей.

Известно, что для обеспечения движения войска во время походов Ивана Грозного на Казань вместе с идущей впереди «яртоульной дружиной»² следовал отряд посошной рати, который прокладывал дороги, наводил переправы, строил мосты.

Необходимость создания по-

добных формирований со временем получила отражение в нормативно-правовых военных документах. Так, в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», подготовленном в 1621 году Онисимом Михайловым на основе «иностранных военных книг», предусматривалось иметь для обеспечения боевых действий осадной армии четыре прапора³ по 406 человек шанцекопов⁴, сотню горокопов⁵ и команду переправочного парка с 5 стругами (плоскодонными деревянными судами, возимыми на телегах). Организационно эти формирования должны были входить в состав артиллерии.

С развитием военного искусства усложнялись задачи инженерного обеспечения действий войск. Для их выполнения надо было иметь в составе армии постоянные специальные формирования. И они появляются в ходе военных реформ, проводимых Петром I в начале XVIII века.

В ПЕРВЫЕ в исторических материалах упоминается о действии минеров⁶ при осаде Нарвы в 1700 году в ходе Северной войны. В составе артиллерийского полка, в котором тогда была объединена вся полевая артиллерия действующей армии, в 1702 году сформировали минерную роту, а в 1704 году в штат этого полка ввели понтонную команду⁷, штатная численность личного состава которых тогда еще не была определена. Подготовка кадров для этих формирований велась в инженерной школе, открытой при Пушечном дворе в Москве по указу Петра I от 10 (21 по нов. стилю) января 1701 года⁸.

Организационно-штатная структура инженерных войск была утверждена указом Петра I от 8 (19) февраля 1712 года⁹, в соответствии с которым в штат артиллерийского полка были введены три инженерных подразделения общей численностью 148 человек. Минерная рота в составе 3 офицеров и 72 нижних чинов¹⁰ предназначалась для возведения укреплений на артиллерийских позициях и выполнения инженерных работ при

атаке и обороне. Понтонная команда обеспечивала переправы артиллерии через водные преграды из подручных средств и состояла из 2 офицеров и 34 нижних чинов. Инженерная команда в количестве 8 офицеров и 29 нижних чинов предназначалась для организации всей инженерной службы артиллерийского полка, а в случае необходимости ее специалисты направлялись и в пехотные подразделения для руководства военно-инженерными работами, проводившимися силами их личного состава¹¹. Данный указ Петра I законодательно оформил создание в русской армии инженерных войск.

В те же годы в штаты приграничных крепостей вводятся военные (или гарнизонные) инженеры, на которых возлагаются задачи общего руководства работами по совершенствованию крепостных укреплений. В декабре 1722 года в штат каждого пехотного полка были введены обер-офицер (фактически — полковой инженер) и два кондуктора, которым в период военных действий поручалось руководить инженерными работами по обеспечению осады крепостей и возведению полевых укреплений, а в мирное время обучать обер- и унтер-офицеров полка военно-инженерному делу¹². Этим было практически заложено создание инженерной службы в родах войск русской армии.

Численность инженерных войск постепенно росла. Указом Петра I от 21 января (1 февраля) 1724 года было утверждено штатное расписание, согласно которому инженерные чины пехотных полков и полевой артиллерии номинально были сведены в инженерный полк, в котором состояло 248 человек, в том числе 44 офицера, 192 кондуктора и 12 нестроевых чинов. Штат минерной роты был увеличен до 89 человек, а команда понтонеров сохранена в прежнем составе. Этим же штатом было определено иметь в 29 крепостях 236 гарнизонных инженерных чинов, в том числе 39 офицеров, 93

кондуктора и 75 кузнецов, плотников и других мастеровых. Все полевые (служащие при войсках) и гарнизонные (при крепостях) инженерные чины, минерная рота и понтонная команда (в некоторых документах она уже именовалась понтонной ротой) составили корпус военных инженеров в котором числилось 608 человек¹³.

Тогда же создается специальный орган управления инженерным ведомством — фортификационная контора, находившаяся в подчинении Артиллерийской канцелярии.

В связи с укреплением системы крепостей в приграничных районах России в их штаты в 1728 году были введены инженерные команды в составе обер-офицеров, кондукторов, минерных сержантов и рядовых, а также мастеровых различных специальностей, численность которых определялась штатным расписанием для каждой крепости. Так появляются формирования крепостных инженерных войск.

В НАЧАЛЕ Семилетней войны 1756—1763 г. Россия выступила против Пруссии с 70-тысячной армией. Для выполнения всего комплекса инженерных мероприятий по обеспечению ее боевых действий в январе 1757 года был сформирован инженерный полк из двух минерных, двух пионерных¹⁴ и двух мастеровых рот (всего 34 офицера и 1794 нижних чинов). В его состав вошла минерная рота, а остальные пять рот были сформированы заново. В 1760 году роты мастеровых реорганизовали в пионерные. Тогда же понтонная команда артиллерийского полка была развернута в понтонную роту. В 1760 году штат роты увеличили на 89 человек. По окончании Семилетней войны инженерный полк в апреле 1763 года расформировали и вместо него оставили 2 роты: минерную (287 человек) и пионерную (235 человек)¹⁵.

Ход Русско-турецкой войны 1768—1774 г. потребовал увеличения инженерных войск для обеспечения действий двух русских армий на Дунайском театре и в Крыму. В июне 1771 года пионерную роту развернули в пионерный батальон при Генеральном штабе (в составе 4 рот, 13 офицеров и 644 нижних чинов), который после окончания войны в октябре 1775 года расформировали и оставили одну пионерную роту. В дальнейшем продолжалось создание новых формирований: в 1790 году была основана еще одна понтонная рота, а в

1793-м на новых территориях Российского государства из пехотных солдат создана инженерная рота для южных границ (258 человек). В роты пехотных полков ввели по одному пионеру¹⁶.

В феврале 1797 года Павел I повелел сформировать 12-ротный пионерный полк, который был создан в декабре 1798 года. В нем было 2 батальона, каждый из 5 пионерных рот и 1 саперной роты, состоящей поровну из минеров и саперов¹⁷. Всего в полку насчитывалось 2354 человека (56 офицеров, 5 чиновников и 2293 нижних чинов). Одновременно в каждой понтонной роте увеличили количество понтонов до 200, разделив их на 4 депо. Пионерные роты полка вместе с пионерными депо были расположены в Петербурге, Москве, Смоленске, Киеве и Каменец-Подольске. При этом чины каждой саперной роты были разделены поровну между пионерными ротами своего батальона¹⁸.

Несмотря на создание полковой и батальонных структур, роты по-прежнему оставались самостоятельными единицами, лишь номинально сведенными в батальоны и полк, которые представляли собой административные образования.

В том же 1798 году в штат лейб-гвардии артиллерийского полка ввели команду пионеров (48 человек) и команду понтонов (44 человека), упраздненную в 1800 году, а в штатах 49 приграничных крепостей увеличили численность инженерных команд и ввели 8 осадных депо, в которых на мирное время складировали запасы шанцевого инструмента.

В соответствии с указом Александра I от 23 октября (4 ноября) 1802 года инженерное ведомство выводится из ведения Артиллерийской экспедиции и создается самостоятельная Инженерная экспедиция (с 1810 г. — Инженерный департамент) в составе Военного министерства, которой подчинялись все формирования инженерных войск (кроме понтонных, остающихся пока при артиллерии). Так инженерные войска были признаны самостоятельным родом войск в составе русской армии.

Одновременно совершенствуется организационная структура инженерных войск. В 1803 году пионерный полк был разделен на 1-й и 2-й пионерные полки. В каждом из них по 2 пионерных батальона из 3 пионерных и 1 минерной роты, состоящей поровну из саперов и минеров. В 1806 году оба

пионерных полка переведены на 3-батальонный состав: 1 минерный и 2 пионерных батальона, каждый из 4 однотипных рот. Всего в полках стало 24 роты. Из них 12 пионерных рот были приданы дивизиям. В 1810 году все батальоны пионерных полков стали именовать пионерными (в каждом по 3 пионерных и 1 минерной роте)¹⁹.

Реорганизация затронула и понтонные подразделения: в 1804 году на базе понтонных рот развертывается понтонный полк из 2 батальонов по 4 роты в каждом. В 1806 году в связи с реорганизацией артиллерийских полков в бригады понтонный полк расформировали, а его роты придали артиллерийским бригадам, для чего потребовалось сформировать еще 16 понтонных рот, не обеспеченных понтонами.

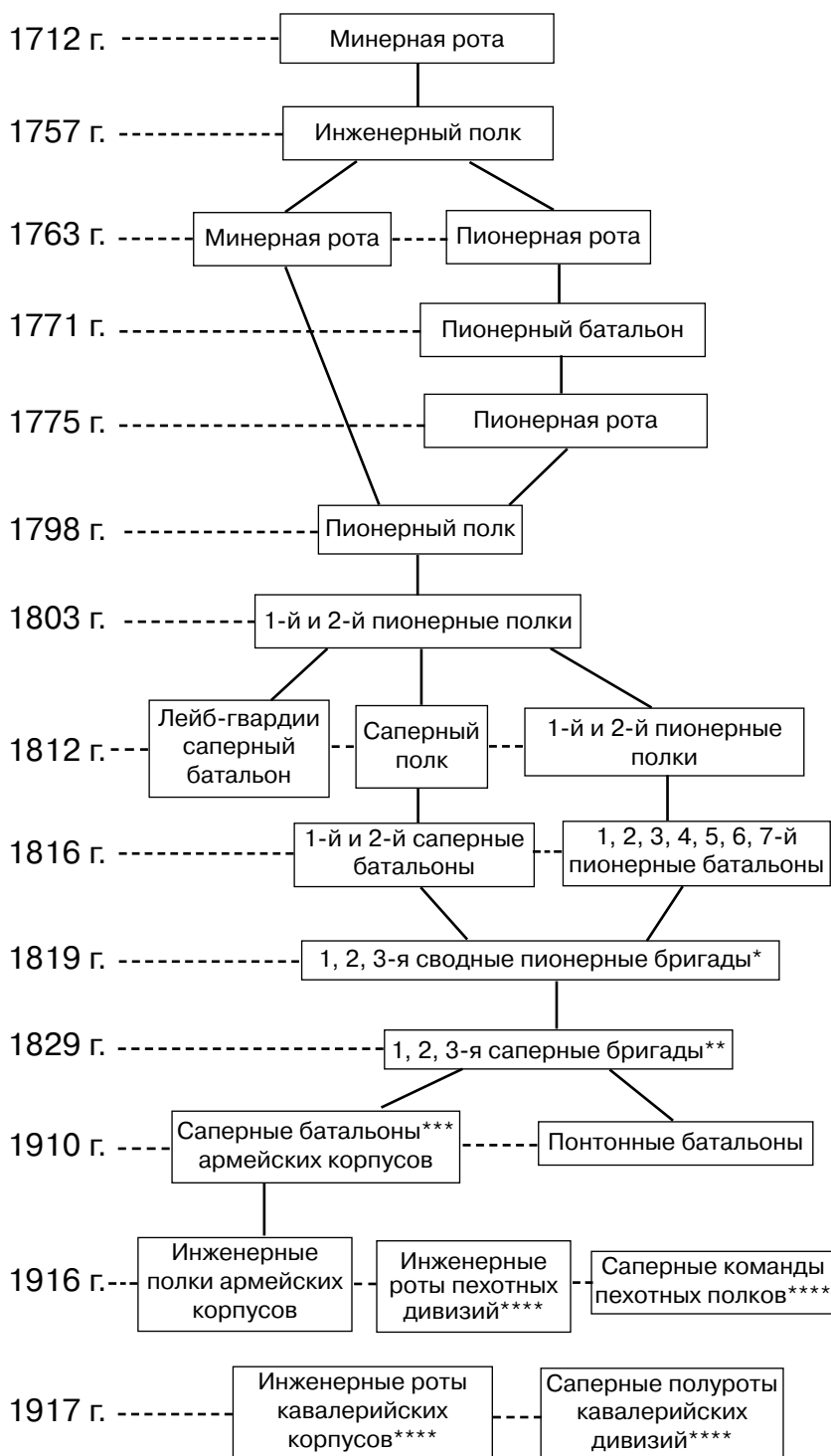
О ТЕЧЕСТВЕННАЯ война 1812 года показала возросшее значение инженерных частей в обеспечении боевых действий полевых армий и определила направления дальнейшего совершенствования их организационно-штатной структуры. В соответствии с указом Александра I от 27 декабря 1812 года формируется саперный полк из 3 саперных батальонов (в каждом по 2 саперных и 2 минерные роты); оба пионерных полка сохранены в том же составе, но с заменой минерных рот на пионерные, создается гвардейский саперный батальон из 2 саперных и 2 минерные рот. В результате проведенных мероприятий количество инженерных рот увеличилось до 40. Из них 19 рот пионерных полков и часть понтонных рот участвовали в Заграничном походе 1813—1814 гг. Для пополнения инженерных частей действующей армии в 1812 году были развернуты резервные пионерная рота и батальон, а в декабре 1813 года — по резервному пионерному батальону для каждого полка²⁰. После окончания военных действий эти резервные части расформировали.

В сентябре 1814 года 8 понтонных рот из артиллерийских бригад были приданы 8 кавалерийским дивизиям, а остальные 16 рот, не имевших понтонов, направлены в крепости и на склады.

Прошедшие военные кампании начала XIX века показали, что полковая организация инженерных войск себя не оправдывает, а в полевых армиях надо иметь более крупные инженерные формирования, чем роты. В июне 1815 года принято решение о переформировании саперного и обоих пи-

Схема 1

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ФОРМИРОВАНИЙ ПОЛЕВЫХ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

* В составе сводных пионерных бригад: саперные и понтонные батальоны.

** В составе саперных бригад: саперные и резервные саперные батальоны; с 1857 г. — понтонные парки (до 1822 г. понтонные формирования были подчинены артиллерийскому ведомству), с 1864 г. — понтонные батальоны и военно-телеграфные парки.

*** В 1910 г. в состав 11 саперных бригад входили саперные, понтонные, телеграфные и воздухоплавательные батальоны, искровые (радиотелеграфные) роты.

**** Сформированы.

онерных полков в отдельные 4-ротные батальоны, которым впервые присвоили собственные номера. По утвержденным в январе 1816 года штатам 2 саперных батальона состояли из 2 саперных и 2 минерных рот, а 7 пионерных батальонов — из 3 пионерных и 1 саперной роты. Стоящие до этого по разным гарнизонам роты теперь были дислоцированы в составе батальонов, 7 из которых придали корпусам, 1 разместили по крепостям Молдавии и Бессарабии и 1 батальон оставили в резерве²¹. С этого времени батальон становится основной организационной единицей инженерных войск.

В целях совершенствования управления инженерными частями в марте 1819 года 2 саперных и 7 пионерных батальонов объединяются в 1, 2 и 3-ю сводные пионерные бригады (по 2—4 батальона в каждой), которые были приданы 1-й и 2-й армиям. Опыт использования двух отрядов конных саперов в ходе Отечественной войны 1812 года выявил необходимость иметь в кавалерии специальные инженерные формирования. С учетом этого для обеспечения действий кавалерийских дивизий в 1819 году формируется гвардейский конно-пионерный эскадрон, а в 1822-м — армейский конно-пионерный эскадрон (в каждом по 8 офицеров и 342 нижних чина). В 1862 году они были упразднены.

Сохранявшееся подчинение понтонных формирований артиллерийскому ведомству затрудняло их использование в интересах других родов войск полевых армий. Поэтому в апреле 1822 года 8 понтонных рот, имевших понтонные, перешли в подчинение инженерного ведомства и были приданы 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7-му пионерным батальонам и Литовскому корпусу. Теперь они стали именоваться «понтонными такого-то батальона» (в каждом из них по 1 офицеру, 180 нижних чинов и 42 понтона).

Необходимо подчеркнуть, что личный состав различных инженерных формирований первоначально специализировался на выполнении определенных военно-инженерных работ. Так, саперы главным образом выполняли сложные фортификационные работы, минеры занимались подземно-минной борьбой при осаде и обороне крепостей, а пионеры предназначались прежде всего для строительства дорог, полевых мостов и укреплений, разрушения

заграждений и препятствий на пути движения войск. В то же время инженерное обеспечение боевых действий войск часто требовало одновременного выполнения этих видов работ, для чего саперы и минеры распределялись по пионерным подразделениям. Так постепенно шла универсализация личного состава инженерных формирований, и они стали выполнять все виды военно-инженерных работ. В связи с этим в октябре 1829 года пионерные батальоны и бригады переименовали в саперные, а в декабре 1844-го минерные и пионерные роты этих батальонов также стали называться саперными.

Дальнейшее развитие организационно-штатной структуры инженерных войск России в XIX веке характеризуется главным образом ростом количества формирований как полевых, так и крепостных войск, а также включением в их состав новых видов технических формирований.

С 1828 года было возобновлено создание резервных саперных батальонов, количество которых колебалось от 2 до 4 (кроме периода 1876—1894 гг., когда их не было). По мере необходимости роты этих батальонов направлялись на пополнение других частей или на формирование новых. В ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. было развернуто 3 резервных саперных батальона, один из которых после Крымской войны 1853—1856 гг. расформировали, а другой реорганизовали в строевой саперный батальон (в отличие от резервных такие батальоны называли строевыми или действующими). Накануне Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 4 резервных саперных батальона были преобразованы во 2, 7, 10 и 3-й Кавказские саперные батальоны.

В периоды военных кампаний формировались также запасные саперные батальоны и роты, которые готовили маршевое пополнение для инженерных частей действующей армии. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. было организовано 2 таких батальона, а в период Русско-турецкой 1877—1878 гг. действовали 3 запасных саперных батальона и рота, расформированные по окончании военных действий.

В 1822 году был создан учебный саперный батальон (с 1857 г. — полубатальон), который в 1860 году был упразднен.

В войсках стал применяться электрический способ подрыва пороховых зарядов, и для прове-

дения таких работ в 1840 году сформировали гальваническую команду. Для подготовки специалистов подводно-минного дела в 1857 году развернули учебную гальваническую роту (с 1891 г. — электротехническая рота). Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в полевой армии действовала гальваническо-саперная рота.

К работам по совершенствованию укреплений крепостей обычно привлекали строевые саперные батальоны, что отрицательно сказывалось на их боевой выучке. Поэтому с 20-х годов XIX века создаются специальные строительные формирования: военно-рабочие команды, а затем военно-строительные батальоны, занимающиеся крепостным и казарменным строительством.

В эти годы шло совершенствование организации и подчиненности понтонных формирований. Понтонные отделения из-за своей громоздкости сковывали маневренность саперных батальонов, при которых они состояли. Поэтому в мае 1832 года 6 понтонных отделений передали в 2 резервных саперных батальона и переименовали их в фушштатские (понтонные) роты, а 2 понтонных отделения расформировали.

В 1850 году фушштатские роты стали именоваться понтонными парками, а 6 саперных рот резервных саперных батальонов преобразовали в понтонные роты. В связи с расформированием резервных саперных батальонов в 1857 году понтонные парки и понтонные роты выделены в 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й отдельные понтонные парки, которые с 1864 года именуется понтонными полубатальонами, а с 1877 года — понтонными батальонами (2-ротного состава), количество которых к концу века увеличилось до 8²².

ВХОДЕ военных реформ 1860—1870-х годов в европейской части России создаются военные округа. С 1865 года округа образуются в восточной части империи и там начинают формировать саперные роты: оренбургскую, восточно- и западно-сибирские, закаспийскую, которые постепенно преобразуют в саперные батальоны. К концу XIX века в полевых войсках было 29 саперных батальонов, 2 саперные роты и 2 резервных саперных батальона²³.

Для обеспечения частей действующей армии основными средствами инженерного вооружения в 70-х годах XIX века создаются ин-

женерные парки с запасами шанцевого инструмента, взрывчатого вещества и другого имущества. 2 полевых инженерных парка имели запасы такого имущества для 24 дивизий и 24 саперных рот, а в 2 крепостных инженерных парках было по 4 отделения, каждое из которых имело необходимые средства для осады одной крепости.

В XIX веке шло постепенное сокращение количества крепостей. В то же время вместо команд там стали развертывать крепостные саперные роты, количество которых к 1890 году возросло до 12.

На развитии организационной структуры инженерных войск сказывалось все более широкое использование в военном деле достижений научно-технического прогресса. В связи с этим в русской армии появляются новые технические формирования, которые объединяются в рамках инженерных войск. В 1851 году в их состав включили 14 военно-рабочих, 2 кондукторских и 1 телеграфную роты, предназначенные для охраны и эксплуатации Петербурго-Московской железной дороги. С 1870 года создаются железнодорожные военные команды общей численностью около тысячи человек (из них до 250 саперов), которые распределяются по другим железным дорогам. Для строительства новых магистралей организуют временные военно-строительные бригады. С 1876 года стали формироваться железнодорожные батальоны (в каждом по 2 строительные и 2 эксплуатационные роты), которые по одному были включены в состав 1, 2, 3 и 4-й саперных бригад, а в 1886 году сведены в железнодорожную бригаду²⁴.

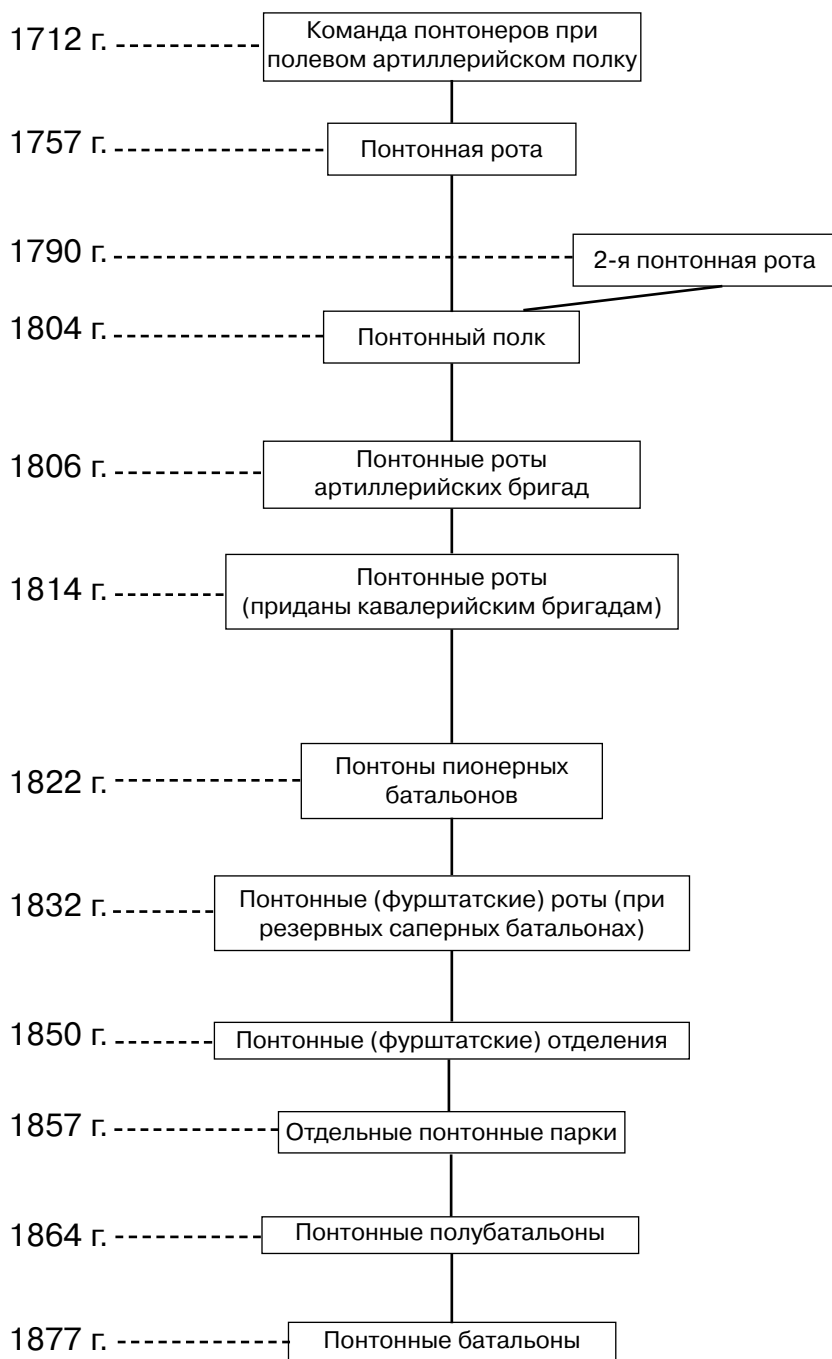
В 1870 году создают первые 6 военно-походных телеграфных парков. В каждом из них было по 35 км телеграфных линий и 1000 м подводного кабеля. В 1876 году эти парки переименовали в военно-телеграфные и стали формировать новые из расчета по парку на каждый саперный батальон. В 1894 году парки переформировали в телеграфные роты, которые ввели в состав саперных батальонов.

С 1890 года в Брест-Литовской, Ивангородской, Варшавской и Новогеоргиевской крепостях организуют первые крепостные военные телеграфы. В зависимости от дальности обеспечения связи они подразделялись на 3 разряда. Телеграфный парк 1-го разряда имел от 60 до 100 верст провода и от 20 до 30 приемопередающих станций²⁵.

Помимо телеграфной связи в

Схема 2

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПОНТОННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

русской армии использовалась голубиная почта. Еще в 1888 году в указанных выше крепостях создаются военно-голубиные станции, количество которых к 1904 году увеличилось до 10. Эти станции обеспечивали голубиную связь на расстоянии до 300 км от 1 до 4 направлений и в зависимости от этого подразделялись на 4 разряда. Для обслуживания связи на каждом направлении на станции содержа-

лось до 250 пар голубей. Так, Брест-Литовская военно-голубиная станция 1-го разряда обеспечивала связь на 4 направлениях, а Севастопольская станция 4-го разряда — на 1 направлении.

Применение инженерными войсками подводных мин для устройства морских и речных заграждений, разрушения мостов и переправ обусловило необходимость формирования в 1890 году в при-

морских крепостях 8 крепостных минных рот, а в 1892 году — 2 речных минных рот²⁶.

В связи с применением в военных целях аэростатов в 1890 году в Петербурге был организован учебный воздухоплавательный парк, а со следующего года стали создавать крепостные воздухоплавательные отделения. Они использовались для корректировки огня артиллерии и наблюдения за противником.

К концу XIX века в инженерных войсках было 7 крепостных военных телеграфов, 7 железнодорожных батальонов, сведенных в бригаду, 11 крепостных минных и 3 речные минные роты, 5 крепостных воздухоплавательных отделений, несколько учебных школ и отрядов, готовящих кадры для этих формирований²⁷. В силу этого инженерные войска, по существу, превратились в технический род войск.

Что же касается гвардейских формирований инженерных войск, то кроме упомянутых лейб-гвардии саперного батальона, коннопионерного эскадрона, команд пионеров и понтонеров артиллерийского полка к императорской гвардии были причислены также гвардейские инженеры, существовавшие с 1822 по 1865 год в некоторых частях гвардии. На время военных действий обычно развертывались гвардейские запасные и резервные саперные роты.

По мере роста количества частей полевых инженерных войск создаются саперные бригады. К концу XIX века все полевые инженерные части Европейской России и Кавказа (25 саперных батальонов, 8 понтонных батальонов и 2 резервных саперных батальона) организационно входили в 7 саперных бригад (1, 2, 3, 4, 5, 6-ю и Кавказскую бригады). В разное время бригады состояли из 2—5 саперных батальонов, 1—2 понтонных батальонов, а в отдельные периоды в их составе были военно-телеграфные парки, железнодорожные и резервные саперные батальоны. Периодически устанавливался единый штатный состав для всех саперных бригад, но он потом нарушался в связи с введением в некоторые бригады новых частей.

В НАЧАЛЕ XX века продолжалось дальнейшее совершенствование организационной структуры инженерных войск. Все железнодорожные батальоны в 1903 году выводятся из подчинения Главному инженерному управлению и передаются в ведение

Главного штаба, а потом — Управления военных сообщений. В ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. появляются телеграфные и полевые воздухоплавательные батальоны и растет количество частей инженерных войск: всего было сформировано 12 батальонов (4 саперных, 3 понтонных, 2 телеграфных, 3 полевых воздухоплавательных) и 12 отдельных рот (4 саперные, 4 телеграфные, 2 крепостные минные, по одной понтонной и воздухоплавательной). Для пополнения инженерных частей действующей армии было создано также 3 резервных и один запасной саперный батальоны. В 1906—1907 гг. все части полевых инженерных войск азиатской части России были сведены в туркестанскую, приамурскую, иркутскую и омскую саперные бригады разного состава²⁸.

В период 1905—1912 гг. осуществляется реорганизация инженерных войск, направленная на ликвидацию отрыва инженерных частей от других родов войск и повышения их полевой выучки в интересах организации взаимодействия с войсками при выполнении задач по обеспечению их боевых действий. В 1910 году упраздняются саперные бригады; входившие в их состав саперные батальоны включены в армейские корпуса. Так появились первые штатные формирования войскового звена инженерных войск. В каждый саперный батальон были введены прожекторная рота и отделение инженерного парка. Несколько телеграфных рот преобразовали в искровые (радиотелеграфные) роты. Одновременно формировались новые саперные батальоны и специальные части: полевые воздухоплавательные роты, армейские, а затем и корпусные авиационные отряды (по 6 машин в каждом) с авиаротами, которые занимались техническим обслуживанием аэропланов. В 1913 году в инженерные войска передали автомобильные роты и команды, а затем автоброневые формирования.

Всего накануне Первой мировой войны в составе полевых инженерных войск было 2 отдельных саперных и 37 корпусных батальонов, отдельная саперная рота, 9 понтонных батальонов, 3 воздухоплавательных батальона, 5 радиотелеграфных рот, 4 осадных инженерных парка, а также автомобильные и броневые части, формирование которых еще не было завершено. Крепостные инженерные войска включали саперные и

минные роты, телеграфные и радиотелеграфные станции, воздухоплавательные роты, авиаотряды и авиароты, автомобильные команды. Кроме того, имелись учебные школы и отряды, готовые кадры для инженерных и технических формирований²⁹.

ВХОДЕ Первой мировой войны для вновь развертываемых армейских корпусов создаются саперные батальоны, в состав которых вводится по четвертой саперной роте. В 1915 году из инженерных войск выделяют автомобильные и автоброневые части, затем воздухоплавательные и авиационные, а в 1916-м — прожекторные формирования.

В целях повышения самостоятельности армейских корпусов и пехотных дивизий в инженерном отношении в ноябре 1916 года усиливается войсковое звено инженерных войск. Корпусные саперные батальоны были развернуты в инженерные полки (1994 человека), включавшие саперный батальон из двух саперных и одной дорожно-мостовой роты, технический батальон из двух телеграфных и одной прожекторной роты. В каждой пехотной дивизии формируется штатная инженерная рота (458 человек) из двух саперных полурот, телеграфно-кабельного отделения и паркового взвода, а в пехотных полках — саперные команды по 120 человек. В результате проведенной реорганизации численность личного состава войскового звена инженерных войск возросла более чем в два раза. В марте 1917 года инженерные формирования создаются и в кавалерии: в корпусе — отдельная инженерная рота, а в дивизии — отдельная саперная полурота из двух взводов. Понтонные батальоны оставались в подчинении фронта и придавались корпусам при необходимости³⁰.

В 1916 году инженерным войскам переподчинили военно-дорожные отряды, до этого находившиеся в ведении службы военных сообщений.

В конце 1917 года в составе инженерных войск российской армии было 69 корпусных инженерных полков, 202 дивизионные инженерные роты, 7 отдельных крепостных саперных батальонов, 145 отдельных саперных рот, 8 инженерных парков, 19 понтонных и 4 моторно-понтонных батальона, а также запасные инженерные, учебные, военно-строительные, телеграфные и радиотелеграфные формирования. В сохранившихся крепостях

были 23 крепостные саперные роты, а также саперные, минные, военно-телеграфные полки³¹.

ТАКИМ образом, развитие организационной структуры полевых инженерных войск русской армии шло от отдельных рот, затем номинально сведенных в батальоны и полки, к созданию отдельных саперных батальонов, составлявших основу этих войск. В дальнейшем батальоны были сведены в саперные бригады, состав которых не был постоянным. В них также входили понтонные, телеграфные, воздухоплавательные и другие специализированные формирования. В 1910 году бригадная система была упразднена и в армейских корпусах стало создаваться войсковое звено инженерных войск.

Структура крепостных (гарнизонных) инженерных войск развивалась от отдельных команд к ротной и батальонной организации с созданием по мере необходимости различных специализированных технических формирований, количество и состав которых определялись значением той или иной крепости на театре военных действий.

В начале XX века деление инженерных войск на полевые и крепостные утрачивает свое значение, и в годы Первой мировой войны происходит дальнейшее усиление их войскового (тактического) звена в целях повышения самостоятельности пехотных и кавалерийских формирований в инженерном отношении. Постоянное совершенствование организационной структуры инженерных войск способствовало улучшению управления ими и более успешному решению усложняющихся задач обеспечения боевых действий частей и соединений различных родов войск, прежде всего пехоты и кавалерии. Опыт организационного строительства инженерных войск России был использован при создании и развитии этих войск Красной армии.

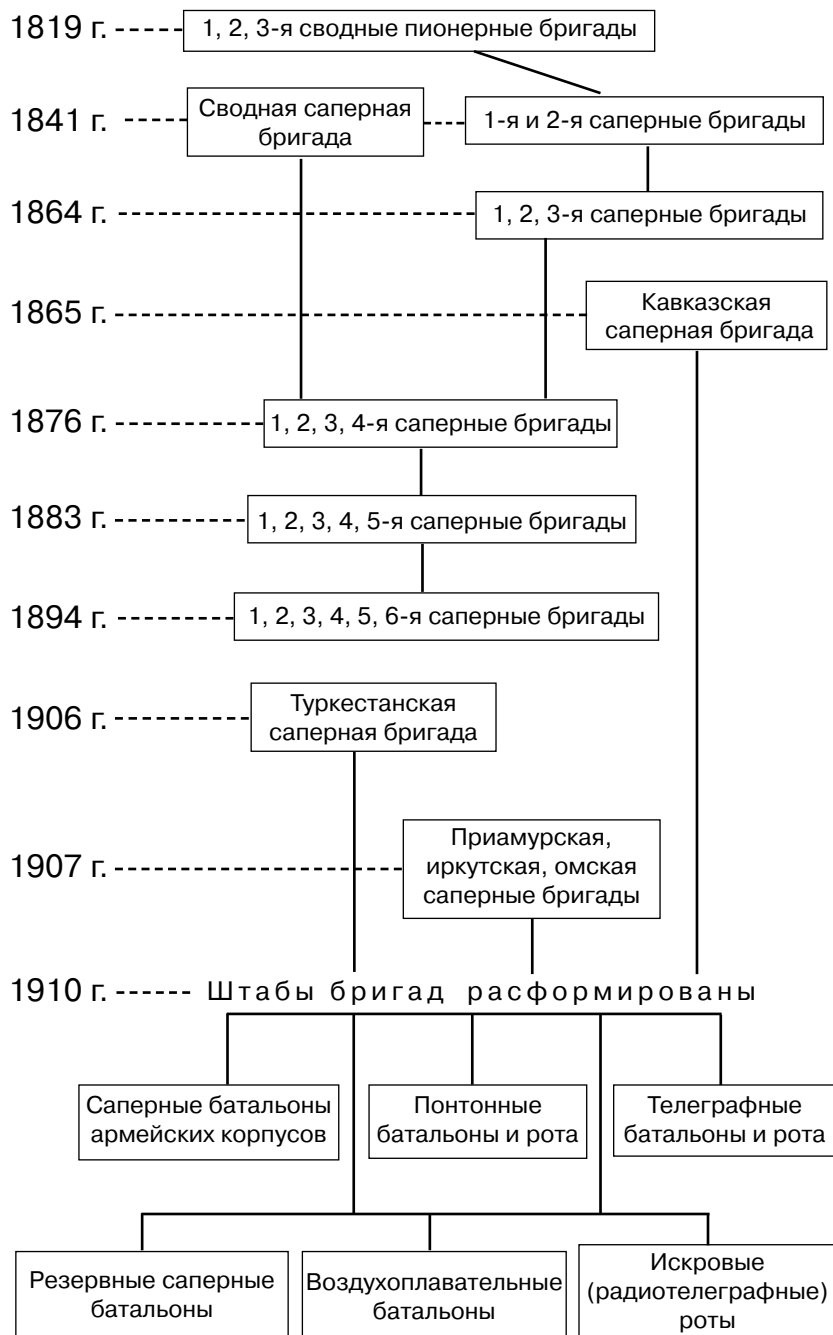
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Порочных дел мастера — от слова «порок» — метательная машина в войске Древней Руси для метания камней, бревен и других снарядов при осаде и обороне крепостей.

² Яртоул (или яртаул, ертоул, артоул) — татарское слово, означающее «передовой полк», «конный отряд» в русском войске XVI—XVII вв., который прикрывал главные силы от внезапного нападения противника.

Схема 3

РАЗВИТИЕ БРИГАДНОЙ СТРУКТУРЫ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

³ Прапор (старославянск. — стяг, знамя) — знамя дружины, отряда и других формирований русского войска в XV—XVII вв. По числу прапоров определялось количество формирований. Здесь прапор означает отряд.

⁴ Шанцекопы (немцк. Schanze — окоп, укрепление; название полевых и временных укреплений XVII—XVIII вв.) — воины, соорудившие подобные укрепления.

⁵ Горокопы — наименование воинов русского войска XVI—XVII вв., выполнявших подземно-минные ра-

боты для разрушения стен осажденной крепости противника.

⁶ Минеры (франц. mine — подкоп) — название военных специалистов XVI—XIX вв., соорудивших подкопы под стены крепостей противника и подрыв заложенных в подкопы пороховых зарядов.

⁷ Понтон (латин. pontoon) — плоскодонное судно, мост на лодках.

⁸ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1370 от 18 сентября 1996 г. 21 января (день подписания указа об открытии

инженерной школы) объявлен Днем инженерных войск.

⁹ Ранее эта дата отмечалась как День инженерных войск Российской армии.

¹⁰ Нижние чины — категория военнослужащих в русской армии до 1917 г., включавшая лиц, имеющих унтер-офицерские чины и рядовых.

¹¹ Габаев Г. Опыт краткой хроники — родословной русских инженерных войск. СПб., 1907. С. 1, 3; Военная энциклопедия. М., 1995. Т. 3. С. 345.

¹² Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Т. II. С. 198.

¹³ Савельев А.И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1879. С. 215; Александров Е.В. Краткий исторический очерк развития инженерных войск русской армии. М., 1939. С. 10.

¹⁴ Пионер (франц. pionnier — первопроходец) — наименование личного состава формирований инженерных войск русской армии в XVIII—XIX вв.

¹⁵ Габаев Г. Указ. соч. С. 2, 3; Ивков Д.П. Исторические справки. Б/м, 1911. С. 74.

¹⁶ Шенк В.К. Инженерные и железнодорожные войска. СПб., 1909. С. 9; Габаев Г. Указ. соч. С. 2, 3; Ивков Д.П. Указ. соч. С. 74—75.

¹⁷ Саперы (франц. sapeur — вести подкоп) — с начала XVII в. название солдат французского войска, занимавшихся устройством подкопов под крепостные сооружения противника и их разрушением. Впоследствии наиболее общее название личного состава инженерных войск.

¹⁸ Габаев Г. Указ. соч. С. 3, 5; Шенк В.К. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ Габаев Г. Указ. соч. С. 6; Ивков Д.П. Указ. соч. С. 78.

²⁰ Габаев Г. Указ. соч. С. 7—8, 35, 78—79; Шенк В.К. Указ. соч. С. 9.

²¹ Габаев Г. Указ. соч. С. 8—10, 35; Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 6. Ч. 1. Кн. I. С. 651—652.

²² Савельев А.И. Указ. соч. С. 42—44; Габаев Г. Указ. соч. С. 38, 40—42; Ивков Д.П. Указ. соч. С. 82.

²³ Габаев Г. Указ. соч. С. 99; Подсчет автора.

²⁴ Шенк В.К. Указ. соч. С. 105—113; Военная энциклопедия. М., 1995. Т. 3. С. 172.

²⁵ Габаев Г. Указ. соч. С. 86, 91, 106; Шенк В.К. Указ. соч. С. 71—72.

²⁶ Габаев Г. Указ. соч. С. 85, 86, 90.

²⁷ Подсчет автора.

²⁸ Габаев Г. Указ. соч. С. 48, 88, 91, 95—98, 100—103; Шенк В.К. Указ. соч. С. 12, 62, 67—68, 72, 89—90.

²⁹ Подсчет автора.

³⁰ Александров Е.В. Указ. соч. С. 51—52.

³¹ Инженерные войска России. М., 2001. С. 125.

Полковник в отставке
Г.В. МАЛИНОВСКИЙ

Заседание Главной редакционной комиссии Вооруженных Сил РФ

Под РУКОВОДСТВОМ начальника Генерального штаба ВС РФ — первого заместителя министра обороны РФ генерала армии Ю.Н. Балувевского состоялось заседание Главной редакционной комиссии (ГРК) ВС РФ с повесткой «О состоянии военно-энциклопедической работы и создании военных энциклопедических трудов в Вооруженных силах Российской Федерации». На заседании присутствовали: начальник вооружения ВС РФ — заместитель министра обороны РФ генерал армии А.М. Московский, заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов; начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант В.И. Останков, командующий Космическими войсками генерал-полковник В.А. Поповкин и другие члены ГРК (руководители и представители тематических редакционных комиссий «Война и политика», «Военная наука и военное искусство», «Строительство Вооруженных сил», «Военная техника, вооружение», «Сухопутные войска», «Военно-воздушные силы», «Военно-морской флот», «Ракетные войска», «Космические войска», «Тыл Вооруженных сил», «Военные деятели», «Военная история»); ответственный секретарь ГРК полковник А.К. Соловьев; главные редакторы журналов: «Военно-исторического журнала» (капитан 1 ранга И.А. Анфертьев); «Зарубежного военного обозрения» (полковник И.А. Мальцев), а также заместитель главного редактора газеты «Красная звезда» полковник запаса Г.Д. Миранович.

На заседании выступили: председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин — о состоянии военно-энциклопедической работы в Вооруженных силах РФ; заместитель начальника Военной академии Генерального штаба по научной работе доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант А.Я. Черныш — об издании «Словаря основных оперативно-стратегических терминов»; начальник Военно-топографического управления Генерального штаба доктор военных наук генерал-лейтенант В.Н. Филатов — о ходе разработки концепции и программы создания «Атласа офицера»; начальник направления Главного оперативного управления Генерального штаба генерал-майор Ю.Н. Портянкин — о концепции и структуре «Справочника офицера Вооруженных сил РФ»; начальник Института военной истории МО РФ кандидат военных наук старший научный сотрудник полковник А.А. Кольтюков — о готовности «Военного энциклопедического словаря»; заместитель председателя Военно-научного комитета Тyla ВС РФ полковник О.В. Безделин — о работе над словарем «Военная экономика и тыловое обеспечение войск (сил)»; председатель Военно-научного комитета Центрального вещевого управления МО РФ кандидат военных наук капитан 1 ранга В.Г. Богомолов — о концепции «Справочника офицера вещевого службы»; начальник военно-научного отдела Центрального автомобильного управления МО РФ полковник С.А. Лукьянчук — о концепции «Словаря терминов по дорожной службе»; председатель Военно-научного комитета РВСН кандидат технических наук полковник В.С. Диков — о концепции «Военного энциклопедического словаря РВСН».

Главная редакционная комиссия постановила: состояние военно-энциклопедической работы в ВС РФ признать удовлетворительным, обратив внимание заказчиков и исполнителей работ по созданию военных энциклопедических трудов на необходимость обеспечения высокого научного уровня их содержания и соблюдения сроков разработки и издания; после апробации в учебной и научной работе Военной академии Генерального штаба доработать совместно с Центром военно-стратегических исследований Генерального штаба, Главным оперативным управлением Генерального штаба и с учетом полученных замечаний и предложений издать для центральных органов военного управления Министерства обороны РФ «Словарь основных оперативно-стратегических терминов»; утвердить к изданию «Военный энциклопедический словарь» и словарь «Военная экономика и тыловое обеспечение войск (сил)»; утвердить концепции «Атласа офицера», «Справочника офицера Вооруженных сил РФ», «Военного энциклопедического словаря РВСН», «Словаря терминов по дорожной службе» и «Справочника офицера вещевого службы»; одобрить План военно-энциклопедической работы в ВС РФ на 2005 год; при разработке и рецензировании авторских материалов военных энциклопедических трудов более активно использовать научный потенциал видов ВС РФ и родов войск, главных и центральных управлений, научно-исследовательских организаций и военно-учебных заведений МО РФ. В связи с успешным завершением издания российской Военной энциклопедии заместителям министра обороны РФ, начальникам служб МО РФ, главнокомандующим видами ВС РФ, командующим родами войск, начальникам главных и центральных управлений МО РФ и Генерального штаба ВС РФ рекомендовано поощрить отличившихся участников ее создания.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ НА 65-летие ЖУРНАЛА

Судариков А.М. Наука и безопасность СССР в первое послевоенное десятилетие (1945—1955). СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, Изд-во ООО «Прана», 2003. 304 с.

*Передана автором
(Санкт-Петербург)*

Мусин М., Черемных В. Цхинвальский узел. Выборг, б/и, 2004. 96 с.

*Передана членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», начальником северо-западного отдела Института военной истории МО РФ кандидатом исторических наук полковником С.Н. Ковалевым
(Санкт-Петербург)*

Труды Центрального военно-морского музея. СПб.: Изд-во «Акционер и К^о». Вып. 2. 2003. 221 с.

Сергей Пен. Каталог выставки / Под ред. Е.Н. Корчагина. СПб.: ЦВММ, 2002. 54 с.

Александр Карлович Бетгров. Произведения художника в собрании Центрального военно-морского музея. Каталог. СПб.: ЦВММ, 2001. 54 с.

Крейсер «Аврора». СПб.: Иван Федоров, 2004. 33 с., ил.

Центральный военно-морской музей. СПб.: Альфа-Колор, 2004. 34 с., ил.

Военная музыка в Санкт-Петербурге 1703—2003 / Под ред. Г.В. Вилинбахова. СПб.: Арт-Деко, 2004. 251 с., ил.

Праздничный Петербург / Под ред. Т.А. Алексеевой. СПб.: Арт-Деко, 2003. 199 с., ил.

Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. Каталог. СПб.: ООО «Изд-во «Атлант»», 2004. 320 с., ил.

*Переданы членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», заместителем директора музея «Исаакиевский собор» кандидатом педагогических наук капитаном 1 ранга в отставке Е.Н. Корчагиным
(Санкт-Петербург)*

Русские без России. Из семейных собраний русских эмигрантов. Дары России и Российской Федерации фонду культуры. М.: б/и, 2003. 24 с., ил.

*Передана государственным советником Российской Федерации 1-го класса В.В. Петраковым и заместителем руководителя Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия А.И. Вилковым
(Москва)*

*Вилков А.И. Призовые часы в Российской Императорской армии. М.: б/и, 2004. 111 с., ил.
Передана автором
(Москва)*

● ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ●

НЕСЯ СЛОВА ЛЮБВИ, ВЕРНОСТИ И УТЕШЕНИЯ

Почтовые
открытки
Великой
Отечественной
войны
из коллекций
художественного
фонда ЦМВС

К 60-летию Победы

В ЦЕНТРАЛЬНОМ музее Вооруженных сил среди исторических памятников особое место занимают почтовые открытки военных лет. В коллекции музея их около 800 единиц. Говорят, большое видится на расстоянии. Это действительно так. Сейчас, через годы, все более отдаляясь во времени от военных событий, мы не только не утрачиваем памяти о них, но все полнее и глубже осознаем героизм тех суровых дней, роль и значение одержанной победы. Открытки времен Великой Отечественной нельзя рассматривать без волнения. В войну и почтовые открытки становились оружием пропаганды для поднятия духа воинов и труженников тыла.

От того времени сохранилось множество чистых неотправленных почтовых карточек (в художественном фонде ЦМВС хранятся только чистые бланки), еще больше — прошедших полевую почту. Последние намного ценнее и важнее. Миллионы открыток, отпечатанных на простой бумаге, несли в тыл подробности боевых будней, а фронтовикам — слова любви, верности, утешения, которые помогли выстоять и победить.

В годы войны над оформлением открыток трудились известные художники: А. Пластов, П. Мальцев, В. Корецкий, Кукрыниксы, А. Алякринский, В. Баюшкин и другие.

В самом начале войны появились открытки, напоминающие о наших героических предках, защищавших Русскую землю. Этой теме посвящена серия с портретами великих полководцев прошлого: Алексан-

дра Невского, Дмитрия Донского, Петра Великого, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова. Есть открытка, изображающая Кузьму Минина и князя Пожарского, национальных героев, освободителей Москвы от польских оккупантов в 1612 году.

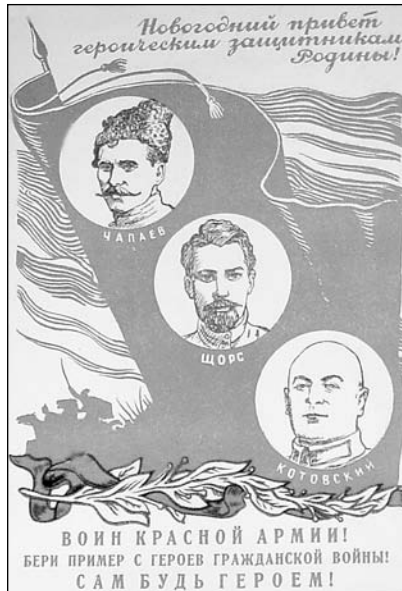
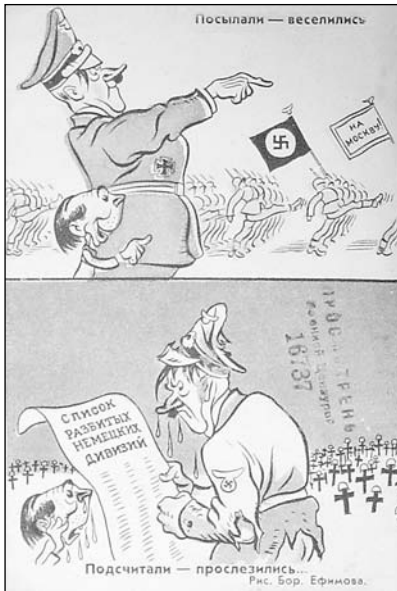
Другая серия содержит выдержки из речи И.В. Сталина на военном параде в Москве 7 ноября 1941 года, на открытках — воины, уходящие с Красной площади на передовую.

На многих открытках вместо виньеток на обороте печатались лозунги и призывы, обращенные к бойцам и командирам Красной армии, пехотинцам, танкистам, артиллеристам, летчикам, к матросам и офицерам Военно-морского флота, к фронтовым разведчикам и партизанам. Например, на почтовой открытке 1942 года «Лыжники-автоматчики на мар-

● ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ●

ше» можно прочитать: «Лыжники Красной Армии! Проникайте в тыл противника, перехватывайте его пути, наносите удар во фланги и тыл врага, громите и уничтожайте его технику и живую силу. Да здравствуют советские лыжники!» На почтовой открытке «Клеши в клещи» вместе со знаменитым рисунком Кукрыниксов, посвященным провалу плана окружения и взятия Москвы, напечатан такой призыв: «Сме-

лее окружать и истреблять немецкие полки и дивизии! Не давать фашистам живыми уходить из боя!»

В 1943 году Воениздат выпустил серию почтовых открыток с текстами песен: «Любимый город», «Играй, мой баян!», «По улице мостовой», «И кто его знает», «Вечер на рейде», «Синий платочек» и многих других. На отдельных открытках слова песен дополнены рисунками, выполненными палехским художником И. Кулешовым.

В годы войны почтовые открытки выпускали такие крупные издательства, как «Искусство», «Молодая гвардия», Воениздат НКО (МО), Госкиноиздат, и даже небольшие типографии, в частности принадлежавшие Главбумсбыту или Новосибирскому отделению Союза советских художников в городе Капель Алтайского края.

Огромная роль в издании открыток принадлежит Ленинградскому отделению издательства «Искусство», которое выпустило несколько посвященных авиаторам Ленинградского фронта, партизанам и работникам тыла серий, выполненных известными графиками Н.И. Пильщикова и А.Н. Яр-Кравченко. Использовались также фотографии фронтовых корреспондентов О. Кнорринга, И. Шагина, С. Гурария и Г. Зельмана.

Заметное место занимают открытки, рассказывающие о примерах усыновления и удочерения сирот, например «Ты не сирота, малыш!» об удочерении ма-

● ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ●

ленькой Аллы Зверевой оперной певицей В.Ф. Денисенко, «У нас нет и не будет сирот!» об удочерении маленькой Светланы из Сталинграда мастером московского завода «Красный богатырь» Т.В. Трутневой.

На многих почтовых открытках — репродукции известных картин и рисунков, запечатлевших мгновения войны: «К партизанам» и «Фашист пролетел» А. Пластова, «У колодца» В. Орлова, «Вести с фронта» Е. Кацмана, «Привели языка» В. Баюскина, «Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев» И. Радимова и других.

В конце 1944 года были выпущены серии открыток «С Новым годом — годом Победы!» и «Новогодний привет с фронта», появилась серия, посвященная

ПУЛЕМЕТЧИК МАКСИМ

На границе шумели березки, Где теперь пришлось нам воевать. Там служили-дружили два тезки, И обоих Максимами звать.	От околка германской гранаты Не случилось уберечься им. Пулеметчик был ранен, ребята, Поврежден пулемет был Максим.
Был один — пулеметчик тодовый, — Познакомьтесь с Максимом моим, — А другой — пулемет был станковый, } 2	Дни леченья проносятся мимо, — И дружочку был сделан ремонт. И опять оба тезки — Максими Повзрастают вместе на фронт. }
По прозвищу тоже — Максим, } 2	А на фронте, горячий и хлесткий, Ураганный бой гремит оный, И опять служат-дружат два тезки, И обоих Максимами звать.
Крепко связаны дружбою старой, Принимали грозные бои И в равном гроном парой, Оба тезки — Максими мои,	Снова точно наводит изводчик, С максимальной силой бьет. «Так, так, так» — говорит пулеметчик. }
Очень точно наводит изводчик, А Максим, словно молния бьет. «Так, так, так» — говорит пулеметчик, } 2	«Та-ка-ка-ка-тек» — говорит пулемет. }

**Почтовые
открытки
времен
Великой
Отечественной
войны
из коллекций
художествен-
ного фонда
Центрального
музея
Вооруженных
сил
(Москва)**

советским орденам и медалям: ордену Кутузова, Ушакова, ордену Победы, медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы» и другим.

После Победы выпуск открыток с военными сюжетами продолжался примерно до 1950 года.

Публикацию подготовила Л.Н. БАЛАШОВА

НАСЛЕДНИКИ ЭЛЛАДЫ ВМЕСТО БОРЬБЫ С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ ЗАНИМАЛИСЬ МОРСКИМ РАЗБОЕМ

Усмирение российским военным флотом морского пиратства у берегов Греции в 1827—1833 гг.

В ПЕРВОЙ четверти XIX века ситуация на Балканах приковала к себе внимание политиков ведущих европейских держав. Российский император Александр I, храня верность принципам «Священного союза», провозглашенным в 1825 году, и беспокоясь о безопасности собственного государства, отказал в помощи борцам за независимость Греции. Таким образом, традиционное покровительство России балканским народам не получило на этот раз своего подтверждения¹.

Более активно к разрешению греческой проблемы и связанных с ней российско-турецких противоречий приступил Николай I, стремившийся заручиться поддержкой англичан. Первым значительным шагом в этом направлении явилось подписание 4 апреля* 1826 года Петербургского протокола, подтверждавшего единство позиций России и Великобритании в вопросе о независимости Греции². Осенью того же года российский посланник в Лондоне князь Х.А. Ливен предложил лорду С. Каннингу, возглавлявшему английское правительство, направить в Эгейское море эскадры России, Великобритании и Франции³.

Итогом длительных дипломатических переговоров явилась отправка в августе 1827 года в Средиземное море русской особой (отдельной) эскадры⁴ под командованием контр-адмирала А.П. Гейдена. Формировалась она прибывшими из Кронштадта в Портсмут корабельными силами, которыми руководил адмирал Д.Н. Сенявин.

Одной из задач этого похода являлась защита и покровительство российской морской торговле в водах Греческого архипелага. В особой инструкции, врученной контр-адмиралу А.П. Гейдену, отмечалось, что вследствие морского разбоя, распространившегося в архипелаге, необходимо по примеру английской и французской эскадр организовать крейсерство российских кораблей в водах, где наиболее часто отмечались случаи пиратства. Предписывалось организовать конвои из российских судов и обеспечить их надежным охранением⁵.

Постановка такой задачи была вполне обоснованной, так как только за десять месяцев 1827 года нападение пиратов в греческих водах подверглись 18 английских, 11 французских, 7 российских, 31 австрийское и 23 судна других государств. Ущерб междуна-

Актуальность данного исследования во многом определяется ситуацией, сложившейся на современном этапе, когда Россия совместно с другими странами ведет активную борьбу против международного терроризма. В этой связи вносятся существенные коррективы и в постановку задач Вооруженным силам РФ, в частности Военно-морскому флоту. Но выполнение ответственных задач, практическое применение методов антитеррористической деятельности невозможны без изучения накопленного ранее опыта, что и является целью настоящей публикации. Вместе с тем избранная автором тема отличается новизной, поскольку научные работы, посвященные ей, в российской и советской историографии практически отсутствуют. Так, в статье впервые вводится в научный оборот ряд архивных документов, раскрывающих особенности борьбы российских военных моряков против морских пиратов в Восточном Средиземноморье в начале XIX века, имевшей важное значение для безопасности Российской Империи.

родной торговле при этом оценивался в 24 млн. пиастров⁶ (в пересчете на российскую валюту 10 млн. рублей серебром).

Озабоченность сохранением безопасности торгового мореплавания в оживленном районе вынудила командование международной эскадры выразить в резкой форме свои претензии в адрес временного правительства Греции. В ответ на полученное от последнего поздравление по случаю блестящей победы над турецким флотом в Наваринском сражении, состоявшемся 8 октября 1827 года, вице-адмирал Э. Кодрингтон, контр-адмиралы А.Г. де Риньи и А.П. Гейден упрекали греков в недостойном поведении на море. Вследствие того что наследники традиций древней Эллады вместо борьбы с турецким флотом занимались морским разбоем, союзники угрожали принятием самых решительных мер, не исключая применения оружия для искоренения пиратства⁷.

ПИРАТСТВО в Восточном Средиземноморье приобрело еще более широкий размах после эскалации боевых действий турецко-египетских войск против греческого национально-освободительного движения. Разоренное население прибрежных областей полуострова Морея (Пелопоннес) и островов архипелага обратилось к морскому разбою, как к средству выживания. При этом кажущаяся легкость получения добычи вовлекала в его круговорот не только греков, но и даалматинцев, итальянцев, жителей Ионических островов, подданных турецкого султана с азиатского побережья. Их жертвами вслед за турецкими судоводителями стали моряки нейтральных стран.

Временное правительство Греции в октябре 1827 года было вынуждено принять решительные меры, направленные против пиратства. Так, коммерческим судам малого водоизмещения запрещалось иметь на борту оружие; все суда были обязаны зарегистрироваться в специальном реестре, получив соответствующее письменное подтверждение, а также иметь индивидуальный номер, присвоенный греческими властями каждому плавсредству. Нарушители этих правил объявлялись пиратами и признавались вне закона⁸.

7 декабря 1827 года по приказанию А.П. Гейдена 20-пушечный бриг «Усердие» (командир капитан-лейтенант И.И. Кадьян) должен был следовать к острову Смирна и присоединиться к находившемуся там

* Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

● БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ●

44-пушечному фрегату «Константин» (капитан 2 ранга С.П. Хрущов). Обоим предписывалось обеспечивать защиту судоходства, конвоируя торговые суда. Обнаруженные пиратские корабли при этом следовало уничтожать, а экипажи отправлять на остров Эгина в распоряжение греческого временного правительства.

28 февраля 1828 года вице-адмирал А.П. Гейден писал российскому министру иностранных дел К.В. Нессельроде о том, что практически вся деятельность французской эскадры ограничена борьбой с пиратством¹⁰. При этом требования английских и французских моряков к греческим властям о компенсации ущерба, нанесенного пиратами их национальному судоходству, больше напоминали ультиматум противнику, чем обращение к представителям народа, для защиты интересов которого эскадры Великобритании и Франции прибыли в архипелаг. Российские моряки были более сдержанны и корректны. В феврале 1828 года 36-пушечный фрегат «Кастор» под командованием капитан-лейтенанта И.С. Сытина по просьбе местных жителей атаковал и уничтожил недалеко от порта Миндры пиратские шхуну и бот, вооруженные орудиями. При этом погибли 50, захвачены в плен 10 пиратов, также был арестован бот, на котором находилось 150 человек. Трофеи и пленные передали греческим властям. Действия российских моряков заслужили благодарность президента Греции И.А. Каподистрии¹¹.

В ПЕРИОД Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. российские корабли на Средиземном море, борясь с пиратством, одновременно выполняли комплекс других задач. После завершения боевых действий эскадра вице-адмирала А.П. Гейдена была значительно сокращена.

16 июня 1830 года командование кораблями, оставшимися в греческих водах, от вице-адмирала А.П. Гейдена принял контр-адмирал П.И. Рикорд¹². Ему 29 июля представитель российского МИДа в Греции граф В.Н. Панин переслал просьбу греческого правительства о направлении российского корабля в прибрежные воды полуострова Морея для борьбы с пиратскими судами¹³. Выполнение этой задачи возлагалось на 16-пушечный бриг «Ахиллес» (командир капитан-лейтенант Ф.Ф. Матюшкин). В ночь на 1 августа тот снялся с якоря и при неблагоприятном ветре вышел из Наполи-ди-Романьи¹⁴. К 8 часам северо-восточный ветер усилился настолько, что охраняемые им австрийские купеческие суда вынуждены были укрыться в ближайшей бухте. К вечеру за ними последовал и бриг, поскольку его парусная оснастка частично оказалась поврежденной сильным ветром, а частично расплозлась от ветхости. После ремонта парусов и пополнения запасов провизии в ночь на 3 августа бриг снялся с якоря, но спустя некоторое время, встретившись с сильными ветрами и течением, вновь стал на якорь у небольшого острова. Рядом находились два купеческих судна. С одного из них, греческого, сообщили о том, что видели с моря восемь вооруженных турок, грабивших местных жителей и поджигавших постройки на берегу. Ночью «Ахиллес» снялся с якоря и направился на север, однако ничего подозрительного не обнаружил. При поиске пиратов моряки опрашивали жителей побережья и экипажи встречных судов.

8 августа 1830 года бриг находился у острова Андрос. В этом же районе действовал греческий корабль, который по заданию своего правительства крейсировал для поиска пиратов. Он задержал одну лодку, экипаж которой вызвал подозрение. 9 августа российские моряки обнаружили небольшое греческое парусное каботажное судно, экипаж которого сообщил о том, что накануне в сумерках его обстреляли три неизвест-

ных брига. «Ахиллес» продолжал поиск пиратов до 13 августа, после чего вернулся в Наполи-ди-Романью. Его командир капитан-лейтенант Ф.Ф. Матюшкин сообщил командованию, что активизировавшие свою деятельность в прибрежных водах Греции пираты не нападают на свои жертвы в открытом море, а поэтому могут встретиться ему при решении им задачи по обеспечению безопасности судоходства в заданном районе лишь по случайной случайности.

10 августа 1830 года контр-адмирал П.И. Рикорд подписал приказ, в котором объявлялась благодарность командиру брига «Ахиллес» за успешное, «несмотря на неблагоприятные ветры», выполнение в течение 13 дней задачи по борьбе с пиратством в греческих водах¹⁵.

14 августа к острову Самос направился под командованием капитан-лейтенанта Д.П. Замышкова 20-пушечный бриг «Телемак», которому пришлось преодолеть встречный северо-западный ветер. В назначенном районе российские моряки встретили греческую шхуну «Смирна», также осуществлявшую поиск пиратов.

Месяц спустя, когда «Телемак» находился в Салониках, его командир получил от местного российского консула Мустокиди информацию о присутствии в здешних водах морских грабителей. Они совершали набеги на малых лодках и в небольшом количестве, покидая свои убежища только при появлении добычи, а после нападения снова укрывались в мелких бухтах по берегам Салоникского залива. Точно определить место их пребывания было невозможно, тем более что с появлением в окрестностях русского брига о них даже слухи прекратились.

Для того чтобы противостоять столь изощренной тактике пиратов, было решено использовать два малых военных (меньших, чем бриг) судна, более приспособленных для осмотра мелких бухточек. Вместе с тем курсирование в прибрежных водах «Телемака» прекратило не только пиратские набеги на незащищенные торговые суда, но даже выход разбойничьих лодок в море. По свидетельству консула Мустокиди, пираты испытывали страх перед русским военным присутствием¹⁶.

До 2 октября 1830 года «Телемак» производил поиск у Святой горы, обнаружив и осмотрев 20 судов и лодок, после чего прибыл на остров Эгина.

6 сентября и 13 ноября контр-адмирал П.И. Рикорд обратился к начальнику Морского (с 1831 г. Главного морского) штаба с просьбой о возвращении в Россию линейных кораблей, не способных действовать в районах каботажного плавания, где пираты проявляли наибольшую активность¹⁷. В свою очередь к нему в конце ноября граф В.Н. Панин писал из Наварина о том, что, по сведениям секретаря греческого правительства по департаменту иностранных дел, морские разбойники появились на утесе вблизи острова Цериго и просил обеспечить безопасность плавания торговых судов в этом районе.

Вслед за этим последовала реакция и Главного морского штаба. В предписании его начальника князя А.С. Меншикова за № 4263 от 10 января 1831 года сообщалось о согласии императора сформировать на Средиземном море отряд из кораблей меньшего ранга, что соответствовало бы в большей мере местным условиям. В связи с этим линейные корабли 84-пушечный «Фершампенуаз» и 74-пушечный «Александр Невский», а также 44-пушечный фрегат «Елизавета» возвращались в Россию. Им на смену в Средиземное море должны были отправиться из Кронштадта фрегат «Анна», брига «Аякс» и «Парис». Посыльное судно Черноморского флота (люгер «Широкий»), прибывшее к отряду из Константинополя с действительным

● БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ●

тайным советником А.И. Рибопьером на борту, было решено оставить в распоряжении контр-адмирала П.И. Рикорда, не выводя его из состава флота приписки.

Более конкретный состав корабельного отряда определялся приказом начальника Главного морского штаба № 4274 от 12 января 1831 года, в соответствии с которым в подчинении контр-адмирала П.И. Рикорда находились фрегаты «Княгиня Лович» и «Анна», бриги «Ахиллес», «Телемак», «Улисс», «Аякс» и «Парис», люггер «Широкий».

АРХИВНЫЕ материалы содержат немало сведений о напряженной поисковой деятельности отряда. Так, 13 декабря 1831 года командиру брига «Парис» капитан-лейтенанту И.П. Бутеневу было передано из Афин сообщение российского консула в Северной Греции Папаригопуло о появлении в районе залива Вало пиратов численностью более 70 человек. По поступившей информации, они находились в местечке Маротон в ожидании лодок и с намерением соединиться с пиратами острова Негропонт. П.И. Рикорд, к тому времени вице-адмирал, приказал командиру брига «Парис» немедленно сняться с якоря и следовать в Афины для уточнения данных о местонахождении пиратов и осмотра указанного района. При обнаружении пиратских судов следовало их захватить и привести к месту дислокации основных сил российского отряда. Если последнее по какой-то причине оказалось бы невозможным, то захваченные суда надлежало передать ближайшему греческому начальнику. В случае сопротивления пираты подлежали уничтожению. В приказе говорилось, что бригу для выполнения этой задачи предоставлялось столько времени, сколько будет необходимо¹⁸.

Вечером того же дня «Парис» вышел из Наполи-ди-Романья и на рассвете 14 декабря подошел к проливу у острова Гидра, но из-за сильного встречного ветра вынужден был зайти в порт Переволито, где стояли на якоре греческие корабли, назначенные для осуществления морской блокады местных вод. Вскоре бриг продолжил плавание, направившись 18 декабря с представителем греческой правительственной комиссии на борту к острову Саламин. Затем, во время нахождения «Париса» в Афинах, его командир капитан-лейтенант И.П. Бутенев совместно с российским консулом посетил турецкого губернатора, проинформировав последнего о своем прибытии для борьбы с пиратами в Негропонте.

22 декабря экипаж «Париса» осмотрел порты в районе мысов Колон, Майдра, Стура и Маротон¹⁹. По маршруту крейсера все обнаруженные суда осматривались и опрашивались о цели их плавания и характере груза. Сведений о пиратах выявлено не было. 27 декабря бриг прибыл на остров Егрипос, где И.П. Бутенев связался с российским консулом и сообщил о результатах своих действий. С этой информацией был ознакомлен и губернатор Негропонта, который поблагодарил российских моряков за усердие и выносимость. При этом он заявил, что само присутствие военного корабля гарантирует защиту судоходства, в связи с чем просил оставить бриг для безопасности острова до 6 января.

21 марта 1832 года в соответствии с приказом вице-адмирала П.И. Рикорда № 200 в море для борьбы с пиратством вышел люггер «Широкий» под командованием лейтенанта Н.Ф. Метлина²⁰. Не обнаружив в течение недельного поиска в районе острова Сире ничего подозрительного, он направился к острову Парос, губернатор которого сообщил о случае пиратства, происшедшем в прилегающих водах месяц назад. На Паросе российские моряки встретились также с губернатором острова Нио, который вынужден был бежать оттуда из-за вспыхнувших беспорядков. Командир «Широкого», предложив свою помощь, 30 марта на-

правил люггер к мятежному острову. Встречаемые в море греческие суда подтверждали информацию о беспорядках, которые прекратились с появлением русских моряков. 1 апреля «Широкий» вернулся к Поросу — месту базирования отряда.

24 марта экипажу брига «Ахиллес» довелось оказать помощь и турку Осман-бею, судно которого, выброшенное штормом на берег, было разграблено. Командиру брига предписывалось доставить пострадавшего в Наполи-ди-Романью и оказать содействие в возвращении пропавшего груза. На следующий день «Ахиллес» прибыл к берегам острова Специя. Командир, узнав, что неподалеку находится подозрительное судно, нагруженное похищенным имуществом, направил к нему вооруженную легкую шлюпку (гичку) под командованием мичмана Ф. Руднева для производства досмотра. На задержанном судне действительно обнаружили различные предметы с ограбленного турецкого транспорта, в том числе якорь и трехфунтовую пушку.

При поиске пиратов «Ахиллесу» также пришлось преследовать лодку с 35 вооруженными людьми, которые на веслах прошли вблизи берега через риф и скрылись в одном из заливов. Огорченный командир брига по горячим следам докладывал старшему начальнику, что задержать малые пиратские суда без канонерских лодок, способных действовать на мелководье, практически невозможно. В результате поиска удалось выяснить, что грабежами и разбоем на побережье и в море занимались жители острова Кандии (Крита).

16 апреля 1832 года вице-адмирал П.И. Рикорд получил от российского генерального консула в Смирне Ф.А. Иванова сообщение о нападении пиратов на российское коммерческое судно. В ответ на это один российский бриг был направлен для борьбы с морским разбоем к островам Киклады, а фрегат «Анна» — в Смирну. П.И. Рикорд просил российского генерального консула установить совместно с командиром последнего капитаном 2 ранга А.И. Селивановым время отправления конвоев, сообщив об этом представителям других государств, находившимся в Смирне. Десять дней спустя он известил командира 44-пушечного фрегата «Княгиня Лович» капитан-лейтенанта В.Ф. Бологовского о том, что «банды румелиотов идут вдоль берега Мореи». Для восстановления спокойствия среди местного населения, предотвращения беспорядков и грабежей командиру фрегата надлежало при приближении «банды румелиотов» высаживать десант. В городе Поро были выставлены посты, а ночью совершался обход.

В донесении № 300 от 30 апреля 1832 года П.И. Рикорд сообщал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову о том, что, поскольку после политического переворота в Греции все воды архипелага наполнились пиратами, принимаются все меры для охраны российского торгового судоходства²¹. Так, в районе Наполи-ди-Романьи эту задачу выполнял экипаж брига «Аякс».

В донесении № 310 от 13 мая того же года он отмечал, что морской разбой, непосредственно начавшийся с нарушением порядка в Греции, причинил величайший вред торговле по всему острову Левант. Пираты стали настолько дерзкими, что нападали даже на малые вооруженные корабли флотов различных государств²². Их нападению, например, подверглись австрийские вооруженные шхуна и транспорт. Последний, возвращавшийся из Смирны в Венецию, был атакован пиратами во время стоянки на якоре у острова Скиро. Экипаж взялся за оружие и начал обороняться. При отражении нападения многие члены экипажа получили различной степени увечья, а командир транспорта был смертельно ранен.

● БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ●

ОБНАРУЖЕННЫЙ российскими военными моряками неподалеку от Негропонта австрийский транспорт не мог самостоятельно продолжить путь в порт назначения, поэтому его взяли на буксир и привели к острову Сире. В район, где он подвергся нападению, был направлен бриг «Аякс» для охраны российского торгового судоходства с одновременной задачей осуществлять активный поиск пиратов. 14 мая командир последнего получил приказ принять на борт чиновника российской миссии в Константинополе фон Фока и доставить его к проливу Дарданеллы, после чего продолжил поиск пиратов. Бриг прошел Хиосским проливом и, уточнив на острове Хиос у местного пашы сведения о возможных местах пребывания морских грабителей, направился к островам Самос, Патмос и Сире²³. В случае встречи с купеческими судами ему надлежало при наличии соответствующей просьбы конвоировать их до Константинополя, точнее, до входа в Дарданеллы или до Тенедоса.

Во второй половине мая в связи с информацией командира французского шлюпа, прибывшего от острова Специя о том, что местные жители вооружили судно и отправились за легкой наживой, союзные адмиралы приняли решение установить блокаду этого острова. Командир брига «Ахиллес» капитан-лейтенант Ф.Ф. Матюшкин, включенный в состав сводного отряда, предупреждался о том, чтобы в случае, если донос о пиратстве жителей острова Специя не будет подтвержден фактами, он не соглашался на блокаду, ссылаясь на отсутствие на сей счет особых распоряжений российского адмирала.

18 мая «Ахиллес» совместно с союзниками начал поиск пиратов у острова Специя²⁴. После выяснения обстановки в прилегающих к острову водах и встреч с местными властями было установлено отсутствие пиратов, хотя несколько раньше там промышляли два судна с 8—10 вооруженными грабителями. Вследствие этого союзники не стали устанавливать морскую блокаду острова Специя и 19 мая убыли в Наполи-ди-Романью.

Через два дня вышел из Монастырской бухты острова Порос с чиновником Константинопольской миссии фон Фоком на борту другой российский бриг — «Аякс», по истечении еще четырех дней прибывший к проливу Дарданеллы. Там он высадил пассажира и направился к острову Тенедос. От местных властей российские моряки узнали, что до их прибытия три лодки с пиратами крейсировали сначала у острова Маврикия, затем их видели между островами Митилена и азиатским берегом. Утром 27 мая «Аякс» двинулся к указанному острову. После осмотра бухты и опроса встречных судов командир связался с местными властями, надеясь получить дополнительную информацию. Затем бриг устремился к острову Хиос, на котором командир имел встречу с местным пашой. Для пополнения запасов воды «Аякс» 1 июня прибыл в Чесму, где со времен графа А.Г. Орлова не появлялся ни один российский корабль. В тот же день бриг пошел к острову Самос, в порт Вати, а затем к острову Патмос. 16 июня он подошел к острову Сира, утром 23-го по приказу вице-адмирала П.И. Рикорда ушел к острову Тино, где обнаружил греческий 16-пушечный бриг. На «Аякс», узнав о его прибытии, явились местные старшины с жалобой на своего губернатора и командира греческого брига, которые создавали помехи коммерческому судоходству, что могло вызвать волнение среди островитян.

В тот же день вице-адмирал П.И. Рикорд сообщил российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу о том, что в Смирну направлен 44-пушечный фрегат «Анна» для конвоирования к проливу Дарданеллы «торговых судов всех наций».

Задействовались и другие экипажи русского корабельного особого отряда. Так, в августе 1832 года бриг «Телемак» получил приказ покинуть остров Патрас и отправиться в приморский населенный пункт Востичу, жители которого жаловались на неоднократные набеги морских разбойников²⁵. В приказе № 485 от 23 августа того же года вице-адмирал П.И. Рикорд предписывал брига «Парис» идти к острову Родос для борьбы с пиратством и защиты российского торгового судоходства²⁶. 12 октября осуществлялся поиск морских разбойников в районе Патраса, потопив пиратское судно, вооруженное артиллерией, уже известный бриг «Ахиллес». Он же 15 октября задержал вблизи острова Петали еще одно пиратское судно, которое отконвоировал к острову Патрас²⁷, а «Телемак» 10 ноября вел поиск пиратов у Кап Колона и Доро. Жесткие ветры дважды заставляли бриг укрываться у острова Эгина. 16 ноября, ночью, во время крепкого ветра он едва не столкнулся с внезапно появившейся шхуной, которая прошла настолько близко, что в куки разнесло шлюпку, закрепленную на верхней палубе по его левому борту.

В соответствии с просьбой министра греческого правительства русские военные моряки 17 ноября оказывали содействие кораблям капитана Кризиса по уничтожению пиратов у острова Скопело. При этом они взаимодействовали с местными малыми вооруженными судами (белуками), приспособленными для поиска пиратов в узких бухтах у острова Негропонта. Поскольку в районе поиска установилась штормовая погода, пираты в море не выходили, но те, кто им противостоял, вели борьбу и со стихией. Так, бриг «Телемак» в крайне неблагоприятных условиях провел в крейсере две недели. Выучку и мужество его экипажа высокого оценили французский контр-адмирал, командиры английских и французских кораблей.

К лету 1833 года необходимость присутствия отряда российских кораблей в греческих водах отпала, и в соответствии с указаниями Морского министерства России он в июне отбыл в Севастополь. У берегов Греции остались лишь брига «Аякс» (командир лейтенант Н.Н. Кванчехазева) и «Парис» (лейтенант П.П. Тыринов).

ОПЫТ использования российского флота для борьбы с пиратством в прибрежных водах Греции в 1827—1833 гг. показал необходимость соответствия состава выделяемых сил решаемой задаче. Имевшиеся в распоряжении адмиралов А.П. Гейдена и П.И. Рикорда линейные корабли не могли быть эффективно использованы против пиратов в прибрежных водах. Кроме того, содержание крупных кораблей за границей требовало больших расходов. Широкое применение получили брига, имевшие небольшое водоизмещение и показавшие свою универсальность. Эффективность решения задачи во многом зависела от состояния материальной части. В рассматриваемый же период качество парусов и такелажа, например, оставяло желать лучшего. Периодически возникала необходимость текущего ремонта корпусов кораблей, который вынуждены были выполнять на зарубежных верфях. Тыловое обеспечение страдало из-за излишнего бумаготворчества, волокиты и не позволяло оперативно обеспечивать моряков всеми необходимыми видами довольствия.

Борьба с пиратством требовала учета традиций местного населения, знания физико-географических условий района действий. Большое значение имело взаимодействие моряков с местными властями и жителями побережья, от которых поступала информация о действиях пиратов и местах их пребывания. Опыт российского флота, полученный у берегов Греции в 1827—1833 гг., остается актуальным для борьбы с терроризмом и пиратством в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всемирная история: В 10 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. VI. С. 142.

² История дипломатии: В 2 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1963. Т. 2. С. 533.

³ *Шпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М.: Мысль, 1965. С. 176.

⁴ В различных источниках имеются расхождения относительно состава особой (отдельной) эскадры: то говорится о 4 линейных кораблях, 4 фрегатах и 1 корвете (см.: *Коргуев Н.* Русский флот в царствование Императора Николая I. СПб.: Типограф. Морского министерства, 1896. С. 45), то о 2 бригах вместо корвета (см.: *Богданович Е.В.* Наварин // Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М.: Воениздат, 1994. С. 261), то непосредственно перед Наваринским сражением о 4 кораблях, 3 фрегатах и 1 корвете (см.: *Рыкачев А.П.* Записки, веденные на эскадре Л.П. Гейдена // Морские сражения русского флота... С. 278).

⁵ Задача, поставленная перед эскадрой Л.П. Гейдена, была вначале весьма ограниченной: защита и покровительство русской торговле в греческом архипелаге при строгом нейтралитете в войне между турками и греками (см.: *Мельницкий В.* Три главы из очерка действий российского флота при освобождении Греции. СПб.: Типограф. Морского министерства, 1861. С. 2). Вскоре вследствие изменившихся политических обстоятельств, вызванных совместными действиями России, Великобритании и Франции против Турции в соответствии с Лондонским договором от 6 июня 1827 г., эта задача значительно расширилась. Особая (отдельная) русская эскадра, вошедшая в состав объединенного союзнического флота, теперь должна была защищать и греков от нападения турецко-египетских морских и сухопутных сил (см.: *Морские сражения русского флота... С. 261*).

⁶ Российский государственный архив ВМФ (РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 64. Л. 137.

⁷ *Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление Королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции: В 2 т. СПб.: Типограф. Морского министерства, 1867. Т. 1. С. 47.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64. Л. 136.

⁹ Там же. Л. 203.

¹⁰ *Богданович Е.В.* Наварин 1827—1877. М.: Типограф. И.И. Родзевича, 1877. С. 67.

¹¹ *Рыкачев А.П.* Год Наваринской кампании 1827—1828 годов. Кронштадт: Типограф. Кронштадский вестник, 1877. С. 169.

¹² РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 145. Л. 101.

¹³ Там же. Ф. 195. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 66. Л. 16.

¹⁵ Там же. Д. 70. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 66. Л. 71.

¹⁷ Там же. Д. 72. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 88. Л. 420.

¹⁹ Там же. Д. 103. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 106. Л. 99.

²¹ Там же. Л. 173.

²² Там же. Л. 189.

²³ Там же. Л. 194.

²⁴ Там же. Д. 103. Л. 174.

²⁵ Там же. Д. 106. Л. 334.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 103. Л. 440.

Капитан 1 ранга Е.Н. РУКАВИШНИКОВ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Здравствуйте, дорогие друзья!
Пишет вам одна из участниц конкурса — Бердникова Ирина Николаевна. К сожалению, удалось отправить решение лишь одного кроссворда, хотя ответы были готовы практически ко всем чайнвордам и криптограммам. Несмотря на то что сейчас к культуре, мягко говоря, прохладное отношение, а в военных городках тем более, все же жизнь не стоит на месте. И наш офицерский клуб старается держать марку. Постоянно участвуем в городских мероприятиях, время от времени приглашаем интересных людей в свою литературную гостиную. Различные конкурсы — моя страсть на всю жизнь. Важны азарт поиска и, естественно, радость от правильно найденного ответа. Я заразила этим многих сотрудников нашего клуба. Правда, за кроссворды на исторические темы мало кто берется, но интерес к «Военно-историческому журналу» явно разбухнул. Коллеги отмечают и достойное внимания содержание, и прекрасное полиграфическое выполнение всех номеров журнала.

Далее отмечу, что на фоне финансовых проблем, связанных с приобретением новых учебников и книг, ваш журнал — незаменимый помощник, особенно по вопросам, связанным с историей прошлых веков.

Всего доброго, успехов вам.

И.Н. БЕРДНИКОВА
(г. Челябинск)

Здравствуйте, уважаемая редакция!
Мне 17 лет. С вашим журналом я впервые познакомился 5 лет назад и с тех пор читаю его в городской библиотеке. В этом году я поступил в Воронежский государственный университет на исторический факультет и с первой же стипендии подписался на «Военно-исторический журнал». Всегда интересовался Великой Отечественной войной — битвами, личностями военачальников. У вас все это отражено хорошо. Думаю, что в связи с 60-летием Победы пришло время рассказать о ныне живущих Маршалах Советского Союза: С.Л. Соколове, В.И. Петрове, В.Г. Куликове, Д.Т. Язове. Считаю, что о них написано очень мало. Многим, я думаю, хотелось бы прочитать о вкладе этих военачальников в Победу, где они служили и работали после войны до 1991 года и, наконец, чем заняты сегодня. Также хотелось бы узнать, не планирует ли какое-либо издательство выпустить о них книгу и как ее можно заказать. В заключение хочу отметить, что в «Военно-историческом журнале» замечательный подбор материалов, что позволяет их использовать в научных дискуссиях, конференциях, проходящих в университете.

С уважением,

С.А. РАЗИН
(г. Воронеж)

Уважаемая редакция!

Пишет вам Селиверстов Виталий Александрович, студент 2-го курса Саратовского государственного технического университета. В декабре я поступил на военную кафедру нашего ВУЗа, начальник — полковник С.П. Теселкин. После окончания университета я отслужу в рядах Вооруженных сил РФ 2 года офицером, а потом, вероятно, подпишу контракт на кадровую службу. Это решение возникло у меня под влиянием ряда факторов: семейных традиций (мой отец — майор запаса ВВС) и чувства важности моей военной службы для страны, появившегося в том числе и под влиянием вашего журнала (я выписываю его с 1998 г.), рассказывающего о славных и героических традициях нашей армии. Надеюсь, что смогу с честью продолжить их в рядах российской армии.

В.А. СЕЛИВЕРСТОВ
(г. Энгельс Саратовской обл.)

Здравствуйте, уважаемая редакция!

В последнее время вы публикуете очень много интересного и познавательного материала. До 1991 года я жил в Туркмении и был на развалинах крепости Геок-Тепе, видел еще оставшиеся памятники с именами погибших русских офицеров, «дышал» временем М.Д. Скобелева». Мне кажется, что необходимо сейчас печатать материалы, делая упор на полковое звено. Прошу опубликовать такую статью, где были бы перечислены фамилии русских офицеров — участников обороны крепости Баязет; награды, которые получили солдаты и офицеры Ставропольского полка и роты Крымского полка за оборону этой крепости в 1877 году, в которой рассказывалось бы, как эти полки воевали в 1877—1878 гг., а также в период командования М.Д. Скобелева при взятии Геок-Тепе в 1881 году. Хочется также узнать об участии в войне 1877—1878 гг. Кутаисского и Абхазского полков (штурм Карса), Кавалергардского, лейб-гвардии Конного, Новгородского и Каргопольского полков в Первую мировую войну.

С уважением,

С.В. ВЕРНИГОРОВ
(с. Липовка Тамбовской обл.)

• ЗАБЫТОЕ ИМЯ •

«РОССИИ НУЖЕН ФЛОТ, КОТОРЫЙ МОГ БЫ СТАВИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ В МОРЕ»

В 1899 году Александр Васильевич Немитц (1879—1967) с отличием окончил Морской кадетский корпус и начал службу артиллеристом на кораблях Черноморского флота. Отличаясь либеральными взглядами, он не прижился в офицерской среде и в 1907 году был переведен в Морской генеральный штаб на должность штаб-офицера исторической части. Здесь началась его военная научная деятельность. Группа офицеров Морского генерального штаба в составе контр-адмирала Л.А. Брусилова, капитана 2 ранга А.В. Колчака, лейтенантов А.Н. Щеглова, А. Бубнова, М.М. Римского-Корсакова, А.В. Немитца детально изучила опыт Русско-японской войны и провела глубокое аналитическое исследование различных проблем военно-морского дела, главным образом в области организации и стратегического применения военно-морских сил. В результате увидела свет работа А.В. Немитца «Стратегическое исследование Русско-японской войны на море» (1909—1910), в которой на основе обширного фактического материала давался критический анализ подготовки и действий японского и русского флотов в стратегическом плане, подробно разбирались тактические эпизоды и ошибки, допущенные обеими сторонами в ходе боевых действий. В последующем Александр Васильевич читал курс лекций по этой тематике в Военно-морской академии. В 1910 году он стал ее преподавателем, одновременно являясь слушателем военно-морского отделения.

В 1912 году А.В. Немитц опубликовал статьи «Беглый очерк морских операций Русско-японской войны» и «Морской вопрос в России». В последней, написанной по материалам лекции, с которой он выступил в Собрании армии и флота 8 мая 1912 года, А.В. Немитц охарактеризовал экономическую, политическую и стратегическую стороны вопроса. Он показал, как морская торговля связана с развитием промышленности, как влияет на просвещение и культуру. «Море, — писал автор, — точно так же, как и сухопутная территория, есть источник громадных богатств для народа, умеющего им пользоваться, источник богатств, значение которого растет все больше и больше по мере роста цивилизации»¹. Формирование «морских свойств» народа и государства, по мнению А.В. Немитца, связано с владением берегами моря, что невозможно без развития флота. Разбирая политическое положение России, автор делал вывод: «России нужен флот, который мог бы ставить самостоятельные стратегические задачи в море. Флот такой силы, чтобы с ним было бы необходимо считаться всякой великой морской державе. При нем Россия будет сама великой державой, имеющей самостоятельный голос в каждом международном вопросе»². Необходимость развития флота России стратегически обосновывалась им применительно к Балтийскому, Тихоокеанскому, Черноморскому театрам военных действий. В заключение А.В. Немитц предлагал свой взгляд на состав российского флота, высказывая отрицательное отношение к «минно-подводному оборонительному флоту».

Анализируя опыт Русско-японской войны и характер

Научная деятельность вице-адмирала А.В. Немитца

ризуя военно-политическое положение России, А.В. Немитц приступил к изучению военно-прикладных проблем. В 1912—1914 гг. он работал над вопросами стратегического планирования вооруженной борьбы на море, подготовки сил к боевым действиям.

Написанный им курс лекций «Прикладная стратегия» (1913) затронул «философско-нравственную» сторону военного дела и «техники стратегической работы» при подготовке и проведении морских операций. «Вопрос о мире и войне, — отмечал А.В. Немитц, — вопрос о войне и политике, вопрос о войне и военном вожде; вот первые три вопроса прикладной стратегии, рассмотрение их должно предшествовать всякому построению теории стратегической операции»³. Автор напоминал, что обеспечение мира зависит от силы государства: «Слабое властью государство — несчастье для

народа и опасность для соседей»⁴. Подчеркивая зависимость стратегии от политики, А.В. Немитц указывал на относительную самостоятельность первой при решении военных задач, особенно если политика противоречила природе войны.

Александр Васильевич обращал внимание на правильность подбора кадров и выдвигал требования к руководителю морских операций: «Мы глубоко убеждены, что военный вождь должен быть человеком необыкновенных сил и способностей»⁵. Главный упор при этом делался не на ум, а на сильную волю в претворении решения в жизнь.

В «Прикладной стратегии» автор представил методику подготовки операций и программу обучения военно-морских офицеров оперативному искусству.

Начавшаяся Первая мировая, а затем и Гражданская война отвлекли А.В. Немитца от научной деятельности. В этот период он занимал должность штаб-офицера военно-морского управления при Верховном главнокомандующем, командовал кораблем, соединением, Черноморским флотом, а с марта 1920 года был назначен командующим всеми Морскими силами страны.

С ноября 1921 года в связи с ухудшением здоровья А.В. Немитц возвратился к научной деятельности. Им были написаны такие труды, как «Стратегический обзор Первой мировой войны на море» (1924), «Служба штаба во флоте» (1924), «Работа Морского генерального штаба» (1924), «Недавнее прошлое русского флота по личным воспоминаниям» (1940), «Стратегия на море» (1952). В последние годы жизни Александр Васильевич работал над монографией «Особенности ведения боевых операций на морских ТВД в современных условиях», которую так и не закончил. Умер А.В. Немитц 1 октября 1967 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морской сборник. 1912. № 5. С. 23.

² Там же. С. 39.

³ Немитц А.В. Прикладная стратегия. СПб., 1913. С. 7.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 4.

Капитан 1 ранга в отставке В.И. КОРЯВКО

21. Мастера сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков, дважды Герои Советского Союза — 2, 9, 6, 16 -25, 2, 5/18, 24, 3, 16, 2, 5; 5/.1/.21, 24, 3, 2, 6, 12; 2/.15/.19, 3, 24, 7, 8, 12; 12/.1/.3, 2, 12, 10, 11, 5, 6, 5, 19, 8, 12.

22. Полковник, командир особой группы авиации Краснознаменного Балтийского флота, которая, вылетев с о. Сааремаа (Эзель), произвела первый ночной бомбардировочный удар по военным объектам противника в Берлине в 1941 году — 6/.5/.22, 10, 6, 8, 7, 10, 2, 26, 6, 5, 18, 19, 11, 17.

23. Лейтенант, летчик 32-го истребительного полка, который 27 июля 1941 года на самолете ЛАГГ-3 совершил первый на флоте воздушный таран, сбив «Хейнкель-111» — 6/.9/.10, 27, 26, 8, 12.

24. Старший лейтенант, летчик-истребитель 20-го гвардейского истребительного полка Карельского фронта, который в воздушном бою 15 мая 1942 года совершил третий таран — 2/.18/.25, 3, 8, 7, 27, 18, 16, 8, 12.

25. Лейтенант, летчица 586-го истребительного авиационного полка ПВО, которая в ночном бою над Саратовым 24 сентября 1942 года сбита немецкий бомбардировщик, что явилось первой победой женского авиаполка и первым случаем ночного воздушного боя летчицы — 12/.25, 8, 9, 14, 19, 8, 12, 2.

26. Летчицы 46-го гвардейского женского бомбардировочного авиаполка, особенно отличившиеся в воздушном сражении советских ВВС на Кубани в июне 1943 года — 9/.13, 6, 13, 5, 6, 12, 2; 12/.7, 6, 3, 11, 19; 3/.10, 8, 23, 2, 5, 8, 12, 2; 5/.18, 16, 24, 1, 11, 3, 11, 5, 2; 2/.22, 8, 22, 8, 12, 2; 19/.18, 6, 10, 6, 7, 10, 14, 19, 8, 12, 2; 6/.10, 24, 1, 5, 6, 12, 2; 8/.18, 2, 5, 15, 11, 3, 8, 12, 2.

27. Майор, под командованием которой группа в количестве шести истребителей, прикрывая войска 62-й армии, 14 сентября 1942 года смело атаковала подошедшие 30 бомбардировщиков врага, сопровождаемых двенадцатью истребителями. В ходе боя командир группы лично сбил 3 вражеских самолета. Советские летчики принудили врага беспорядочно сбросить бомбы вне цели и повернуть обратно — 5/.5/.18, 16, 6, 22, 2, 5, 6, 5, 19, 8.

28. Французская эскадрилья, впервые вступившая в бой 1 апреля 1943 года в составе 1-й воздушной армии Западного фронта — «5, 8, 10, 9, 2, 5, 1, 11, 14».

29. Иностранная авиаполк, сформированный из летчиков-иностранцев на территории СССР, вооруженный советскими самолетами и начавший свою боевую деятельность в составе советских ВВС в августе 1944 года — 22, 8, 3, 4, 18, 19, 11, 17/11, 18, 16, 10, 6, 7, 11, 16, 6, 3, 4, 5, 27, 17.

30. Автор книги «Асы и пропаганда. Дуге победы люфтваффе», показавший, как гитлеровская ложь о невероятных достижениях немецких летчиков-истребителей в конце концов парализовала самих этих летчиков — 29/.11/.9, 24, 25, 11, 5.

Автор криптограммы полковник в отставке А.С. ЖДАНОВСКИЙ

Уважаемые читатели!

Приславший наибольшее количество правильных ответов в качестве приза получит книги: Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига» (1 января — 30 июня 1942 года). М.: Русь, 2003. 691 с.; Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению (1 июля — 31 декабря 1942 года). 700 с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на викторину «Военная история Санкт-Петербурга» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 11) — в № 4 (апрель) 2005 года; на криптограммы «1914 год на Восточно-Европейском (Русском) театре военных действий» (№ 12) — в № 5 (май) 2005 года; «Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция 13 января — 25 апреля 1945 г.» (№ 1) 2005 года — в № 6 (июнь); «Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников (1882—1945)» (№ 2) — в № 7 (июль); «Военно-воздушные силы СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (№ 3) — в № 8 (август) 2005 года.

Ответы на криптограмму «Швейцарский поход А.В. Суворова — 205 лет» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 10). Ключевые слова: 1. Австрия; Англия; 2. Ф.В. Ростопчин; 3. Ницца — Лион — Париж; 4. А.М. Римский-Корсаков; 5. Майнц; 6. Ф. Хотце; 7. Тортона; 8. Таверно; 9. Антонио Гамма; 10. Мобильные отряды; 11. Файдо; 12. Госпенталь; 13. Урнер-Лох; 14. Крест, высеченный в скале; 15. Линта; 16. Цюрих; 17. Альтдорф; 18. Швиц; 19. Люцернское; 20. Муттенская; 21. Гларис; 22. А.Г. Розенберг; 23. Рейн; 24. Паник; 25. Кур; 26. Фельдкирх; 27. Г. Клинтон; 28. К. Клаузевиц; 29. А. Массена. **Текст:** «Рескрипт Павла Первого о присвоении А.В. Суворову звания генералиссимуса всех российских войск: "Побеждая повсюду и во всю жизнь нашу врагов отечества, недоставало вам одного рода славы — преодолеть... самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх... Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень, чести и геройству представленный, уверен, что возжоу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков"».

Поздравляем победителя конкурса — Николая Анатольевича Гладких, учителя истории и обществознания (г. Агрыз, Татарстан). Он получает приз-книгу: Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы (к 200-летию Швейцарского похода А.В. Суворова). М.: Церера, 1999. 472 с., ил.

Отмечаем также наших читателей: А.Н. Галкина, пенсионера МВД (Москва); П.Ф. Семенова (г. Сяксстрой Ленинградской обл.); В.Ф. Гужова, пенсионера (г. Шенкурск Архангельской обл.); старшего лейтенанта запаса И.Н. Шептухина (г. Одинцово Московской обл.); А.А. Изюмова, ветерана военной службы (г. Владимир); М.В. Калимуллин, учащуюся 9 класса школы № 241 (Санкт-Петербург); А.Н. Каложного (г. Саранул, Удмуртия); подполковника А.В. Безносова (г. Мозгон Читинской обл.); В.А. Непарко (г. Береза Брестской обл., Беларусь); Александра Дочкина, учащегося 7 класса школы № 45 и подполковника С.А. Дочкина (г. Кемерово); В.С. Комиссарова, машиниста (г. Челябинск); В.М. Ильющенко, военнослужащего (г. Хабаровск); С.В. Редькова, военнослужащего (Москва); С. Воронова, студента (г. Калуга).

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Обложка книги

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА»

Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. 1796—1833 / Ил. С.С. Петрова. Уфа: РА «Информреклама», 2004. 168 с., 8 с. ил. (Библиотека военного историка; Вып. 1).

Монография посвящена истории Уфимского пехотного полка, сформированного в Оренбургском крае в 1796 году. Полк принимал участие в войне с Австрией в 1809 году и в Отечественной войне 1812 года. Здесь он отличился в Смоленском и Бородинском сражениях, участвовал в Заграничном походе русской армии 1813—1815 гг. В 1828—1829 гг. полк участвовал в Русско-турецкой войне. Ни в одном из боевых сражений он не дрогнул, не отступил, хотя бывало, что нес большие потери.

В столетний юбилей Бородинского сражения в 1912 году на прославленном поле боя установлен памятник 24-й пехотной дивизии, созданный архитектором А. Верещагиным. На плитах в основании памятника выбиты названия полков. Есть там и имя Уфимского пехотного полка.

Приобрести книгу можно по адресу: 450076, Уфа-76, а/я 7312, Рахимову Рамилю Насибуловичу.

НАУКА И БЕЗОПАСНОСТЬ СССР В 1945—1955 гг.

ВМОНОГРАФИИ А.М. Сударикова* освещаются основные направления работы советских ученых и конструкторов в 1945—1955 гг.: организация научной деятельности, создание оборонной техники стратегического назначения, мобилизация природных и людских ресурсов, подготовка кадров. Автор уделит особое внимание работе ученых Москвы, Ленинграда, центральных и восточных районов России, где в послевоенные годы были построены крупнейшие научные центры.

В труде раскрывается проблема взаимосвязи национальной безопасности и науки. В сталинскую эпоху подход к обеспечению безопасности страны определялся реалиями послевоенной Европы и ядерным превосходством США. Мощные стратегические ядерные силы Америки при этом были сбалансированы подавляющим превосходством советских сухопутных армий в Центральной Европе. Агрессивные планы американцев (например, атомная бомбардировка советских городов) сдерживались возможностью выхода танковых соединений Советской армии к Атлантике. Основным достижением советской военнотехнической политики рассматриваемого периода стало недопущение превращения ядерного превосходства США в орудие политического диктата и создание собственных стратегических ядерных сил.

Советский Союз был вынужден реагировать на враждебные внешнеполитические шаги США и следовать за ними в гонке вооружений. Американцы являлись инициаторами ядерной программы, создания стратегической авиации и межконтинентальных ракет, создали первую атомную подводную лодку. Причем действия США каждый раз были направлены на достижение решающего ядерного превосходства. К сожалению, на каждом очередном витке гонки вооружений Советский Союз решал только военные задачи, а американцы — еще и экономические. Руко-

* Судариков А.М. Наука и безопасность СССР в первое послевоенное десятилетие (1945—1955). СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, Изд-во ООО «Прана», 2003. 304 с.

Обложка книги

водство США неизменно ставляло нашу страну увеличивать расходы на военные цели, рассчитывая в конечном итоге на ее разорение. Расчет оказался верным: для ядерного сдерживания советской военной мощи хватало, а в других сферах СССР все больше отставал.

В послевоенном развитии советской науки важную роль сыграли научные материалы и образцы техники, полученные из поверженной Германии и от наших союзников по антигитлеровской коалиции. Изучение передового зарубежного научного опыта, контакты с учеными разных стран, в первую очередь Германии, оказали благотворное влияние на развитие отечественной науки и техники. Однако копирование лучших образцов зарубежной военной техники всегда сопровождалось новыми советскими разработками. Например, на смену Р-1 (советской копии Фау-2) пришла Р-7, которая вывела в космос первые спутники и космонавтов; вместо копии американского «Толстяка» РДС-1 были разработаны более эффективные советские атомные и термоядерные заряды; в середине 1950-х годов Ту-4 заменили более современные стратегические бомбардировщики конструкции А.Н. Туполева и В.М. Мясищева.

Опираясь на рассекреченные архивные документы, воспоминания непосредственных участников событий и серьезные научные исследования, А.М. Судариков убедительно показал решающую роль советской науки в обеспечении стратегической безопасности страны. Тем не менее автору следовало бы подтвердить отдельные положения ссылками на архивные материалы.

В книге рассказывается и о взаимодействии науки и органов государственной безопасности. Оно не ограничивалось сферой научно-технической разведки и мобилизацией заключенных на строительство атомных и других научно-промышленных объектов. Спецслужбы сыграли в истории отечественной науки и негативную роль. С их помощью осуществлялись карательные функции, подавлялось инакомыслие, насаждался режим сверхсекретности, велась слежка за крупнейшими учеными, уничтожались демократические принципы при решении проблем научного сообщества. В ведении органов госбезопасности находилась тюремная наука — многочисленные особые и специальные КБ, в которых трудились осужденные ученые. Лишь в отдельных случаях, когда требовалась предельно быстрая мобилизация сил для решения крупной научной задачи, подключение спецслужб оказывало положительное влияние.

Распад антигитлеровской коалиции и начало «холодной войны» сделали науку инструментом политической борьбы между сверхдержавами. Партийно-государственный аппарат СССР в разгоравшейся «холодной войне» установил над научным сообществом жесткий идеологический и администра-

тивный контроль, который был значительно ослаблен во время Великой Отечественной войны. При этом не обошлось без существенных потерь и издержек в виде репрессий и лысенковщины.

В организации развития науки в СССР имелись и крупные недостатки. Иерархическая, централизованная система советской науки, в частности академической, порождала конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина и все политические кампании 1940—1950-х годов были результатом борьбы за власть внутри научного сообщества, в которой неизбежно терпела поражение сама наука.

Монография отвечает на многие, в том числе и спорные вопросы. Даны, например, обоснованные оценки руководящим деятелям Советского государства, возглавлявшим проекты создания ракетно-ядерного оружия, уточнены многие детали этой напряженной работы. Несомненное достоинство рецензируемой книги — насыщенность ценной и разнообразной информацией, концептуальное ее осмысление и популярный стиль изложения.

Полковник в отставке
М.И. ФРОЛОВ

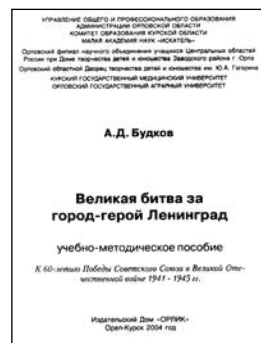
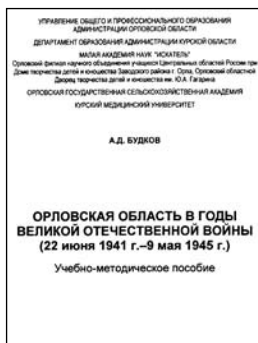
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция
«Военно-исторического журнала»!

Позвольте выразить вам глубокую благодарность за публикацию нашего письма (Воен.-истор. журнал. 2004. № 1). Мы уже получаем отклики. В середине апреля вышла новая книга «Великая битва за город-герой Ленинград», изданная на личные средства — военную пенсию автора, инвалида Великой Отечественной войны. Спешим отправить ее вам. Высылаем также книгу «Орловская область в годы Великой Отечественной войны», изданную в 2000 году.

Полковник в отставке А.Д. БУДКОВ,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Орел)

Титульные листы книг

ИСТОРИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО МУНДИРА: ОТ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ военного костюма является одной из интереснейших составляющих истории и культуры Российского государства. Еще на рубеже XVII—XVIII вв., реорганизуя регулярные вооруженные силы, Петр I заболтался об унификации обмундирования русской армии. Реформы его стали точкой отсчета для более чем 200-летней истории преобразования, происходивших зачастую по личной инициативе самодержцев Российской Империи, вышших государственных чинов и полководцев. За два с лишним века параллельно с ростом могущества Российского государства, его выдающимися военными достижениями и славными победами сложилась и история русского военного мундира.

Внимание многих читателей, интересующихся историей армии и военной формы, привлекла выпущенная издательством «Астрель-АСТ» «Энциклопедия вооружения и военного костюма» — 15-томный капитальный труд по униформистике бельгийских специалистов Лилианы и Фреда Функен. Многочисленные иллюстрации энциклопедии дают возможность увидеть, как выглядели солдаты армий мира с древнейших времен до Второй мировой. К сожалению, информация по русской армии в трудах Функен представлена весьма скупо в отличие, например, от сведений об армиях Франции, Великобритании и США.

Александр Чернушкин

* *Чернушкин А.В.* Русская армия XVIII—XIX веков: 1700—1801: Пехота—Кавалерия—Артиллерия. 1801—1825: Гвардейская и армейская пехота. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. 150 с., ил. *Он же.* Русская армия XIX — начала XX века: 1801—1825: Кавалерия—Артиллерия—Казачьи войска—Ополчение. 1825—1917: Пехота—Кавалерия—Артиллерия. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. 180 с., ил.

предложил издательству «Астрель-АСТ» продолжить серию книгами, более детально раскрывающими историю обмундирования и вооружения русской армии. Предложение было принято, и в 2004 году «Астрель-АСТ» издало два новых тома «Энциклопедии вооружения и военного костюма»*. Основой для их создания послужил обширный архив деда Александра Чернушкина — известного театрального художника Вячеслава Михайловича Вавры.

Вячеслав Михайлович был одним из крупнейших специалистов по истории русского военного костюма в 50—60-х годах XX века. Достаточно сказать, что он принимал самое активное участие в реставрации панорамы Ф.А. Рубо «Бородинская битва» и был приглашен режиссером С.Ф. Бондарчуком в качестве главного художника по военным костюмам кинофильма «Война и мир». В.М. Вавра в течение многих лет собирал, изучал и систематизировал материалы, планируя создание масштабной, подробно иллюстрированной книги, посвященной эволюции русского военного мундира, но его безвременная кончина помешала реализации этого замысла.

В архиве В.М. Вавры сохранилось более 1500 черно-белых графических рисунков обмундирования и вооружения русской армии, охватывающих период с 1700 по 1914 год. На базе этого богатейшего материала внук художника А.В. Чернушкин постарался создать книгу, наиболее полно отражающую основные этапы возникновения и совершенствования обмундирования, амуниции и вооружения русского солдата. Александр Чернушкин не является профессиональным военным историком, но историей русского военного костюма занимается уже более 25 лет, пополняя архив В.М. Вавры и анализируя большинство новых работ и публикаций по истории отечественной униформистики, а художе-

Обложка книги

ственное образование и опыт работы журналистом помогли ему подготовить книгу с многочисленными полноцветными рисунками и подробными комментариями к ним.

Автор отмечает, что в своей работе он сознательно опирался на структуру многотомного издания А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению». Труд А.В. Висковатова по сей день является самым фундаментальным описанием униформы русской армии, но из-за колоссального объема ознакомление и работа с ним весьма затруднительны. Кроме того, «Историческое описание одежды и вооружения российских войск...» является библиографическим раритетом, доступным лишь узкому кругу специалистов. Не охвачен «Историческим описанием...» и период с 1881 по 1914 год — интереснейший в истории русской армии, который включает в себя военные реформы 1860—1870-х и 1905—1912 гг. и события Русско-японской и Первой мировой войн.

Поскольку два тома «Русской армии...» были изданы в рамках «Энциклопедии вооружения и военного костюма», они сохранили структуру предыдущих книг серии, что заставило автора разбить монолитную, по своей сути, работу на два отдельных тома: 1-й — «Русская армия XVIII—XIX веков. 1700—1801: Пехота — Кавалерия — Артиллерия. 1801—1825: Гвардейская и армейская пехота»; 2-й — «Русская армия XIX — начала XX века. 1801—1825: Кавалерия — Артиллерия. 1825—1914: Пехота — Кавалерия — Артиллерия».

Книга содержит более 1300 цветных изображений ростовых фигур солдат и офицеров русской армии, отдельных предметов и деталей обмундирования, снаряжения и амуниции, дополненных сводными таблицами расцветок приборного сукна и металлического прибора. В «Русской армии...» отражены все основные этапы реформирования отечественной униформы с момента введения Петром Великим европейского мундира до начала Первой мировой войны. Это и изменения, происходившие с восшествием на престол новых правителей Российской Империи, и петровские реформы, и обмундирование князя Потемкина, введенное в 1786 году, и нововведения, обусловленные Отечественной войной 1812 года, и реформы императора Александра II в 60—70-е годы XIX века, и печальные результаты Русско-японской войны, повлекшие реформу 1905—1912 гг. К сожалению, ограниченный издательскими рамками объем книги не позволил дать более полное описание обмундирования в составе и наименованиях полков русской армии.

Самые захватывающие и героические страницы истории нашего Отечества были написаны штыками русских солдат, а большинство величайших людей России носили военный мундир. Хочется надеяться, что возросший за последнее десятилетие интерес к военной истории России поможет сохранению и изучению обширного исторического наследия русской армии, а двухтомный труд Александра Чернушкина станет хорошим наглядным пособием для тех, кто занимается этим благородным делом.

Полковник В.В. ИЗОНОВ

Сведения об авторах номера

АДАМЦЕВИЧ Олег Вадимович — старший преподаватель кафедры истории военного искусства Военно-воздушной академии имени Ю.А.Гагарина, полковник, кандидат философских наук, доцент (пгт. Монино Московской обл.)

БАЛАШОВА Лидия Николаевна — старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил, начальник группы фонда изобразительных искусств, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

БАРАНОВСКИЙ Александр Михайлович — главный научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, кандидат медицинских наук, доцент (Санкт-Петербург)

БУДКО Анатолий Андреевич — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ИЗОНОВ Виктор Владимирович — начальник 3-го отдела 1-го управления Института военной истории МО РФ, полковник, доктор исторических наук, профессор (Москва)

КОРЯВКО Владимир Иванович — профессор кафедры оперативного искусства ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

КРЫЛОВ Валерий Михайлович — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЛЕОНОВ Игорь Тихонович — полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

ЛЕЩЕНКО Юрий Николаевич — редактор редакции «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

МАКАР Иван Петрович — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

МАЛАШЕНКО Евгений Иванович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

МАЛИНОВСКИЙ Глеб Владимирович — полковник в отставке, кандидат философских наук (Москва)

МАСЯГИН Владимир Павлович — заместитель командующего Балтийским флотом по воспитательной работе — начальник управления воспитательной работы, контр-адмирал, кандидат педагогических наук, доцент (г. Калининград)

НЕСТЕРОВ Олег Викторович — заместитель начальника научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Института военной истории МО РФ, подполковник (Санкт-Петербург)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАВЛОВ Александр Петрович — полковник запаса (п. Фошня Орловской обл.)

ПЕЧЕНКИН Александр Алексеевич — профессор кафедры истории, экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института, доктор исторических наук, доцент (г. Киров)

РУКАВИШНИКОВ Евгений Николаевич — профессор кафедры тактики ВМФ и военной истории Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга, кандидат военных наук, доцент (г. Калининград)

СТЕПАНОВ Александр Александрович — фотограф Главного управления кадров МО РФ (Москва)

ТКАЧЕВ Виктор Иванович — старший преподаватель кафедры оперативного искусства ВВС Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

УСПЕНСКАЯ Светлана Васильевна — заместитель начальника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ФРОЛОВ Михаил Иванович — профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ЧЕРНОБАЕВ Анатолий Александрович — профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, главный редактор журнала «Исторический архив», доктор исторических наук, профессор (Москва)

ЯНБЕРДИН Илдар Талгатович — командир части, полковник (пгт. Монино, Московской обл.)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); генерал-майор в отставке В.В. Градосельский; доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); майор С.Б. Еременко (Институт военной истории МО РФ); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник А.А. Кольтюков (Институт военной истории); кандидат педагогических наук капитан 1 ранга запаса Е.Н. Корчагин (Музей «Исаакиевский собор»); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат исторических наук полковник запаса В.М. Крылов (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макара (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат исторических наук М.Р. Рыженков (Российский государственный архив древних актов); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); кандидат технических наук Л.Г. Шустер (Центральный военно-морской музей); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

Компьютерная верстка —
А.Д. МАРКОВА,
фотокорреспондент П.Ю. СКУРАТОВ

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 25.01.2005.
Подписано к печати 03.03.2005.
Формат 80х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 522

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

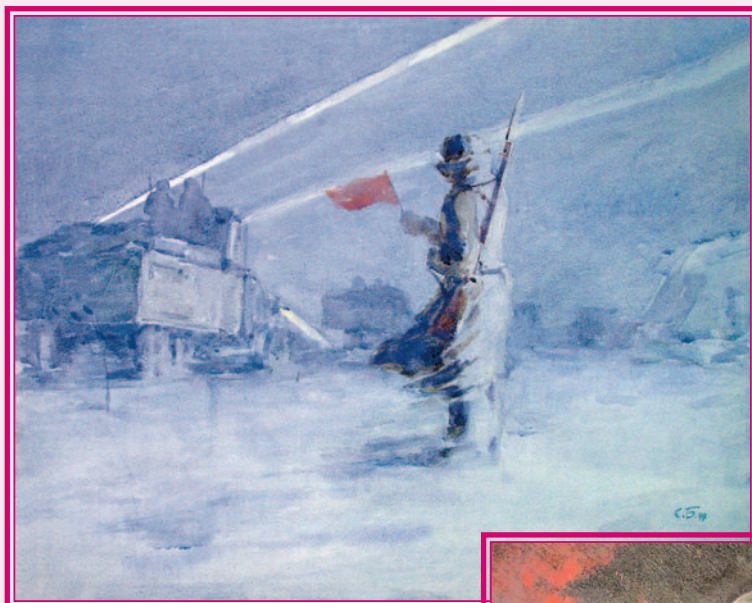
Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2005.

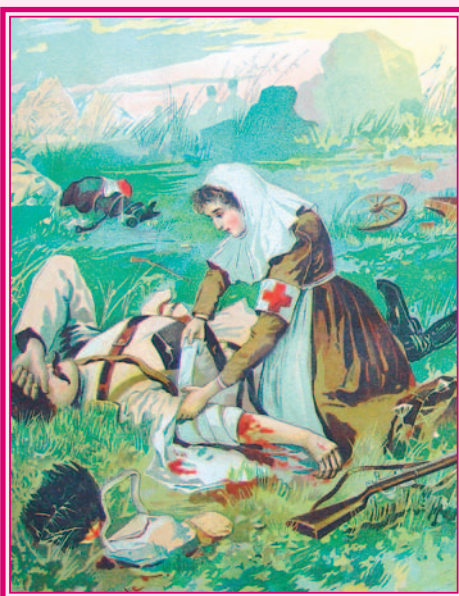
И В ПОДВИГЕ ЕСТЬ МЕСТО КРАСОТЕ!

Российский солдат, наверное, как никто другой в мире оценил подвиг женщины на войне. В обстановке, от которой часто бегут слабые, трусливые и малодушные, женщины часто становились образцом нравственной высоты и духовной красоты, примером образцового выполнения воинского и человеческого долга. Так было и сто лет назад — в Русско-японскую войну 1904—1905 гг., и 60 лет назад — в годы Великой Отечественной войны. Не перечить всех имен и фамилий, да в этом и нет нужды. Важнее склонить голову перед памятью соотечественниц уже ушедших и успеть отдать дань уважения тем живым, чья юность пришла на огненные 1940-е. Пусть не все они водили в бой самолеты и танки, были пулеметчицами и артиллеристами, автоматчицами и снайперами. На их хрупкие плечи лег не только ратный труд, такой, как медицинская служба, связь, противовоздушная оборона, охрана и регулирование движения на военных дорогах. Не менее важен был их подвиг в тылу, где лозунг был один: «Все для фронта — все для победы».

Дорога жизни
Художник С.С. БОИМ

Подвиг Н.А. Ониловой
Фрагмент картины художников
В.И. СЕЛЕЗНЕВА, Я.В. СЕРОВА

Сестра милосердия
Фрагменты плаката времен Русско-японской
войны 1904—1905 гг.

8 марта —
Международный
женский день

ВДОХНОВЛЯЕТ ВАС В ЭТОЙ ВОЙНЕ НАШИХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ!»

Призовые часы в системе поощрения Российской императорской армии

В НАЧАЛЕ XX века серебряные призовые часы приобрели характер одного из самых значительных и почитаемых знаков отличия нижних чинов Российской императорской армии. Первой попыткой рассказать о широко известной, но малоизученной практике награждения ими стала книга А.И. Вилкова*. Автору на основе приказов и архивных документов удалось проследить, как серебряные часы, которые в первой половине XIX века преподносились в качестве императорского подарка, к началу XX века стали самостоятельной, относительно массовой и доступной наградой в общей системе поощрения нижних чинов русской армии, стимулировавшей развитие военного искусства. Необходимо отметить, что в качестве приза они вручались исключительно нижним чинам.

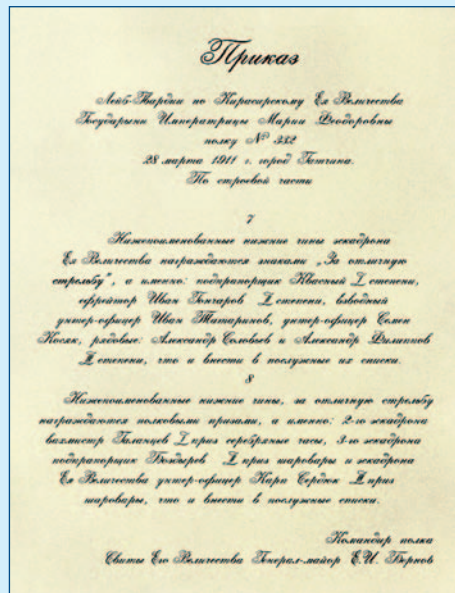
Часы заняли свою главенствующую роль даже при наличии других, не менее интересных, призовых вещей. Это и определило широкое производство серебряных карманных часов различной тематической направленности: «За отличную стрельбу» — предусматривали награждение за стрельбу из винтовок, револьверов, пулеметов и пушек. Кроме того, существовали призовые часы: «За состязательную стрельбу», «За состязательное вооружение» — для подразделений крепостной артиллерии и «За состязательную езду» — для ездовых артиллерийских расчетов, а также «За отличный глазмер», «За отличную (успешную) выездку молодых лошадей», «За подъездку ремонтных лошадей», «За отличную рубку и фехтование», «За отличную разведку», «За наездничество и джигитовку», вручавшиеся в казацких войсках, «За скачку», «За отличную гимнастику», «За отличную ходьбу на лыжах», «За состязание на ружьях», «За отличное окончание курса учебной команды», «За отличное окончание саперной школы» (или специальных воздухоплавательного, понтонного и других классов), «За обучение новобранцев».

В частных коллекциях встречаются призовые часы и с другой тематикой. Например, в приложении к книге представлен преискуртант специального магазина таких часов и знаков для войск, изготовленных фирмой «Генрих Кан», в котором заказчикам предложены призовые часы «За отличную ковку». У коллекционеров встречались часы «За штыковой бой». К сожалению, в ходе подготовки названного издания автору не удалось получить реального изображения этих часов. Граф А.А. Игнатьев в своих мемуарах отмечал также, что в период красносельских сборов ежегодно устраивались состязания в варке щей и каши. Часы-призы присуждались лучшим кашеварам тайным голосованием фельдфебелей.

Главным отличием всех призовых часов от других наградений являлось то, что они присуждались исключительно за успехи в состязательных испытаниях и были наградой лучшему из лучших. Нет сомнений, что книга «Призовые часы в Российской Императорской армии», представляющая сегодня наиболее полный свод информации по данной теме, будет интересна и в практическом отношении полезна для антикваров, коллекционеров, музейных работников, а также для тех, кто интересуется историей Российской армии.

Публикацию подготовил подполковник Ю.Н. ЛЕЩЕНКО

* Вилков А.И. Призовые часы в Российской Императорской армии. М.: 6/и, 2004.

▲ Обложка книги

▲ Приказ по лейб-гвардии Преображенскому полку о награждении нижних чинов, успешно окончивших курс в полковой учебной команде
Реконструкция документа.
Российский государственный военно-исторический архив

Часы карманные с портретом императора Николая I

▲ Подарок из кабинета его императорского величества генерал-фельдмаршалу князю Барятинскому
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

▲ Франция, 1-я половина XIX века.
Золото, эмаль

▲ Подарок из кабинета его императорского величества
Частное собрание

▲ Фельдфебель лейб-гвардии 3-го стрелкового финского батальона Ян Ернваль, награжденный знаком «За отличную стрельбу» образца 1879 года и тремя призовыми часами. Троекратное вручение приза подтверждает брелок в виде скрещенных винтовок

Рисунок художника А.КАРАЦУКА

«В НАГРАДУ ЛУЧШЕМУ ИЗ ЛУЧШИХ»

▲ Часы карманные открытого типа с Государственным гербом

▲ Торговый дом «Павел Буре». Конец XIX века. Золото, эмаль. Заказ Кабинета Его Императорского Величества. Частное собрание

▲ Знаменосец лейб-гвардии Преображенского полка старший унтер-офицер Щегол, награжденный призовыми часами за отличную стрельбу не менее 5 раз. Об этом свидетельствуют брелоки в виде скрещенных винтовок
Акварельный портрет, выполненный великой княгиней Ольгой Александровной

▲ Часы карманные — приз великой княгини Ольги Александровны 1907 г. Частное собрание

▲ Свидетельство об окончании курса полковой учебной команды утвержденного военным ведомством образца

▲ Свидетельство об успешном окончании курса полковой учебной команды военного времени дозволенного Министерством императорского двора образца 1907 г. Частное собрание

▲ Призовые серебряные часы, отражающие основную тематику состязательных испытаний, установленных в Российской императорской армии

